

Библиотека

ISSN 0202-2397

1977-1982

С

**КАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ
(SCANDINAVICA)**

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

СКАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

IV

Межвузовский сборник

КАБИНЕТ 2754ск
САНДИНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
ЛГУ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1995

Проверка
2007

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В статьях сборника (вып. 3 вышел в 1978 г.) рассматривается ряд проблем звукового строя, грамматики, лексикологии и стилистики современных шведского, норвежского, датского и исландского языков, характерные особенности древнегерманского стиха, анализируется творчество С.Хуля, Т.Трастрёмера, Л.Ульффельдт и А.Страндберга. Приводится библиография работ советских авторов по скандинавскому языковедению, опубликованных с 1977 по 1983 год.

Для специалистов в области скандинавской филологии. Заказ выполняется полностью.

Редакционная коллегия: В.П. Берков (отв. редактор),
И.П. Купрянова, В.К. Кузьменко, И.К. Муллаева, О.А. Смирни-
цкая

Рецензент - д-р филол. наук В.М. Павлов (ЛО ИЯ АН СССР)

ИБ № 2051

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

IV

Редактор С.Е. Хазанова
Обложка художника П.Л. Николаева
Технический редактор Е.И. Веселова
Корректоры И.М. Каплинская,
Л.В. Маньковская

Подписано в печать 11.07.85. М-37953. Формат 50x84 1/16.
Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Усл. печ.л. 10,0.
Усл. кр.-отт. 10,17. Уч.-изд.л. 10,11. Заказ 870.
Тираж 531 экз. Цена 1 р. 50 к.
Издательство ЛГУ имени А.А.Хлданова, 199164, Ленинград,
Университетская наб., 7/9

РС

С 4602010000 -- 130 124-85
796(02) - 85

© Издательство Ленинградского
университета, 1985 г.

50 ЛЕТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ

В 1935 г. на филологический факультет Ленинградского университета впервые в истории отечественной высшей школы была принята группа студентов, специальностью которых стал шведский язык, в 1945 г. открылось норвежское отделение, в 1947 - датское. Первая и по сей день в СССР единственная кафедра скандинавской филологии была создана в 1958 г.

С тех пор на трех отделениях подготовлено 350 научных работников, преподавателей вузов и школ, гидов-переводчиков "Интуриста", "Спутника" и "Интуробро", литературных и технических переводчиков, журналистов, работников радио, издательств, библиотек. Все они вносят посильный вклад в дело развития связей между нашей страной и скандинавскими странами.

При кафедре скандинавской филологии работает аспирантура, выпускники которой посвятили исследования скандинавским языкам. Некоторые студенты кафедры защитили также диссертации, посвященные другим языкам, скандинавским литературам, а также истории, экономике, библиотековедению Скандинавии. Преподавателями и выпускниками кафедры защищено 6 докторских и более 40 кандидатских диссертаций.

С 1945 г. скандинавское отделение, а с 1958 по 1978 г. кафедру скандинавской филологии возглавлял профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903-1981), глава советской скандинавистики, всемирно известный специалист в области скандинавских языков, литератур и фольклора, автор более чем 150 научных работ, в том числе 12 книг, часть из которых переведена за рубежом, почетный доктор Стокгольмского и Рейкьявского университетов. Научным и педагогическим принципам, заложенным М. И. Стеблин-Каменским, преподаватели кафедры стремятся следовать в своей работе.

Сравнительно небольшой коллектив кафедры исследует все скандинавские языки, в том числе исландский и фарерский, как в синхронии, так и в диахронии. Изучаются проблемы грамматики, лексикологии, фонологии и экспериментальной фонетики, а также истории скандинавских литератур. Множество статей, более 10 монографий, методические пособия и учебники, словари, многочисленные переводы на русский язык произведений скандинавских писателей, в том числе памятников древней литературы, обязаны своим появлением преподавателям кафедры.

Ленинградская школа скандинавистики пользуется заслуженным авторитетом как в СССР, так и за рубежом.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ
ПО СКАНДИНАВСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
1977-1982

Составил Б.С.Жаров

Bibliografi over sovjetforakernes arbejder
indenfor nordisk sprogvidenskab
1977-1982
af B.S.Zjarov

Настоящая библиография охватывает монографии, словари, статьи, авторефераты диссертаций и тезисы докладов, опубликованные советскими исследователями в СССР или за его пределами с 1977 по 1982 г., а также включает несколько работ, пропущенных в библиографии за 1961-1976 гг. [71].¹ Работы расположены по алфавиту, у одного автора - хронологически. В конце помещается тематический указатель, а также список сокращений.

1. Aaloe U. e.a. Rootsi-eesti sõnaraamat = Svensk-estnisk ordbok [Шведско-эстонский словарь]. Tallinn, 1979. 528 в.

2. Алас А.К. Prolegomena к изучению безличных предложений в современном исландском языке. - *СС*, 1979, № 24, с.48-54 (рез. швед.).

3. Аракин В.Д. Язык. - В кн.: История Швеции /Отв. ред. А.С.Кан. М., 1974, с.599-608.

4. Аракин В.Д. Типология объектных словосочетаний в скандинавских языках. - В кн.: Типология германских литературных языков /Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1976, с.156-172.

5. Ariste P. Fäarsi keelest [О фарерском языке]. - *Keel ja kirjandus*. Tallinn, 1978, № 9, lk. 552-554 (на эст. яз.).

6. Басушкина Е.В. Употребление футурального презенса и футурального претерита в датском языке. - В кн.: [43], с.86-90.

7. Басушкина Е.В. О категории футурума в датском языке. - *ВМУ*, 1980, № 1, с.47-56.

8. Басушкина Е.В. Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола: АКД. М., 1982. 24 с.

9. Басушкина Е.В. О закономерных "нарушениях" правила согласования времен в датском языке. - В кн.: [60], с.117-119.

¹ Число в квадратных скобках обозначает номер данной библиографии.

10. Берков В. П. Слово в двуязычном словаре [большой сканд. материал]. - Таллин, 1977. 140 с.

11. Берков В. П. Согласование времен в норвежском языке. - В кн.: [193], с. 42-56 (рез. норв.).

12. Берков В. П. О некоторых особенностях употребления артикля при предикативе в норвежском языке. - СС, 1979, № 24, с. 34-41 (рез. норв.).

13. Берков В. П. О некоторых случаях опущения артикля в норвежском языке. - В кн.: [43], с. 81-82.

14. Берков В. П. Исландские соответствия интернациональных терминов. - В кн.: Проблемы филологических исследований /Отв. ред. В. Д. Андреев и др. Л., 1980, с. 80-81.

15. Берков В. П. Исландские соответствия интернациональных терминов. - В кн.: Интернациональные элементы в лексике и терминологии /Отв. ред. И. К. Балоден и др. Харьков, 1980, с. 169-179.

16. Берков В. П. Новая антология норвежской литературы [Рец. на кн.:] Popperwell R.G., Støverud T. Norsk litteraturantologi. London, 1976, bd 1-2. - СС, 1980, № 25, с. 199-202 (рез. норв.).

17. Берков В. П. Русско-норвежский словарь крылатых слов: 1000 единиц = Bevingede ord: Russisk-norsk ordbok. 1000 ordslagsord. М., 1980. 178 с.

18. Берков В. П. Скандинавские языки. - В кн.: Введение в германскую филологию. М., 1980, с. 111-166.

19. Берков В. П. Язык. - В кн.: История Норвегии /Отв. ред. А. С. Кан. М., 1980, с. 575-583.

20. Берков В. П. Будущее скандинавских языков [Рец. на кн.:] De nordiske språkernes framtid. Lund, 1977. - СС, 1981, № 26, с. 255-257 (рез. норв.).

21. Berkov V. Noen bemerkninger om artikkel ved predikativ i norsk. - Maa1 og Minne, 1981, N 3-4, s. 210-216.

22. Берков В. П. "Двойная" пассивная конструкция в норвежском языке. - В кн.: [60], с. 96-98.

23. Беснятых Н. Н. Шведские и английские [ш:] и [w]. - В кн.: [60], с. 88-89.

24. Бойко В. Г. Об использовании супина и перфектных форм в придаточных предложениях причины в шведском языке. - В кн.: [60], с. 122-124.

25. Бойко В. Г. Типологическое сопоставление конструкции *vera* + причастие II непереходных глаголов современного исландского языка с формой перфекта других языков германской группы. - В кн.: Исследования по сопоставительной типологии языков /Отв. ред. В. Д. Аракин. М., 1982, с. 11-19.

26. Бусевникова О. А. Скандинавские заимствования в диалектах английского языка. - В кн.: [60], с. 139-140.

27. Бурлакова Л. Л. Типологическая характеристика глаголов передвижения, являющихся в форме образования внутренним

флексив: На материале современных немецкого, английского и шведского языков: АКД. М., 1976. 26 с.

28. Бурлакова Л.Д. Некоторые устойчивые словосочетания с грамматической направленностью в современных германских языках: На материале немецкого, английского и шведского языков. - В кн.: Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках /Отв. ред. Б.А.Князев. Челябинск, 1977, вып. 2, с. 32-35.

29. Бурлакова Л.Д. Некоторые тенденции развития генетически сильных глаголов в германских языках: На материале немецкого, английского и шведского языков. - В кн.: Семантико-синтаксическая организация предложения и текста /Отв. ред. А.К.Драганов. Грозный, 1980, с. 33-38.

30. Быстрова О.И. Способы выражения побуждения в датском языке. - В кн.: [60], с. 111-113.

31. Вербицкая Е.В. Акустические характеристики датских гласных. - В кн.: [60], с. 78-79.

32. Вербицкая Е.В. Фонетические характеристики датского "толчка". - В кн.: Проблемы комплексного анализа языка и речи /Отв. ред. Л.В.Бондарко. Л., 1982, с. 199-204.

33. Власова М.Н., Сунд Л.В. УШ Всесоюзная конференция скандинавистов. - СС, 1980, № 25, с. 233-236 (рез. швед.).

34. Воронин В.Т. Некоторые структурно-семантические особенности сложного глагольно-именного сказуемого в норвежском языке. - В кн.: [60], с. 115-116.

35. Воронкова Г.В. К методике описания норвежских диалектов (фонология). - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии /Отв. ред. С.И.Брук. Л., 1978, с. 69-70.

36. Воронкова Г.В. О фонологическом статусе некоторых гласных в норвежском языке и его диалектах. - В кн.: [193], с. 57-64 (рез. норв.).

37. Воронкова Г.В. К вопросу о классификации норвежских диалектов. - СС, 1979, № 24, с. 23-26 (рез. швед.).

38. Воронкова Г.В. О роли скандинавских орфографических работ XVI-XVII вв. в истории языкознания. - К, 1979, № 30(4), с. 50-54 (рез. англ.).

39. Воронкова Г.В. Роль просодических элементов в морфологической системе норвежского языка. - В кн.: [43], с. 67-69.

40. Воронкова Г.В. Проблемы фонологии [норв. материал]. Л., 1981, с. 114-125.

41. Угольцова G.V. Hvislelyder i norsk. - In: Studier i norsk språkvitenskap. I. Fonologi. Oslo, 1981, s. 259-279.

42. Воронкова Г.В. О фонологическом статусе "толстого l" в норвежском языке. - В кн.: [60], с. 80-81.

43. Восьмая Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов /Отв. ред. Г.А.Некрасов. Петрозаводск, 1979, ч. 2. 130 с.

44. Гатиатуллина Э.З. Сравнительное исследование фразеологических единиц с компонентом - глаголом движения: На материале английского, немецкого и шведского языков: АКД. М., 1968, 14 с.

45. Гвоздецкая Н.Д. Категория слабого и сильного прилагательного в древнеисландских сагах. - СС, 1979, № 24, с. 64-71 (рез. швед.).

46. Гвоздецкая Н.Д. Слабое прилагательное в роли эпитета в эддической поэзии. - В кн.: [43], с. 78-81.

47. Гвоздецкая Н.Д. Лексико-семантическое поле радости в "Старшей Эдде" и "Бюбульфе". - В кн.: [60], с. 66-67.

48. Геринг А.Г. О семанто-синтаксических новациях в употреблении отдельных датских глаголов. - Л., 1976, т. 401, № 8, с. 27-32.

49. Геринг А.Г. Олимпийские виды спорта: Пособие по датскому языку. М., 1979. 72 с.

50. Геринг А.Г. Русско-датский общеолимпийский лексический минимум. М., 1979. 28 с.

51. Геринг А.Г. Англо-американизмы в научных текстах на датском языке. - Л., 1981, т. 585, № 14, с. 33-39 (рез. англ.)

52. Геринг А.Г. О роли англо-американской лексики в художественной прозе на датском языке. - В кн.: [60], с. 133.

53. Глазурин Р.А. О влиянии лингвистических и экстралингвистических факторов на конструктивные свойства и семантическую характеристику сопоставляемых фразеологических единиц: На материале компаративных фразеологических единиц немецкого, английского и шведского языков. - Науч. тр. Куйбыш. пед. ин-та им. В.В.Куйбышева, 1977, т. 202. Сопоставительный лингвистический анализ, с. 24-29.

54. Головин В.А. Сопоставительно-типологическое исследование лексической сочетаемости и семантической структуры прилагательных со значением "бедный" в английском, немецком и шведском языках. - В кн.: Исследования по сопоставительной типологии языков /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1982, с. 20-32.

55. Гуревич Е.А. Структура и функции описания внешности героев всландских саг. - ВМУ, 1978, № 6, с. 57-63.

56. Гуревич Е.А. Древнеисландская поэтическая синонимия и проблемы ее изучения: Хейти и тулн. - ВМУ, 1982, № 3, с. 58-65.

57. Гуревич Е.А. Некоторые вопросы скальдической синонимии. - В кн.: [60], с. 67-69.

58. Гуревич Е.А. Парная формула в эддической поэзии: Опыт анализа. - В кн.: Художественный язык Средневековья /Отв. ред. В.А.Карпушин. М., 1982, с. 61-82.

59. Датско-русский и русско-датский разговорник = Dansk-russisk og russisk-dansk samtaler. /Сост. Э.Карлсен, А.Н.Чеканский, С.В.Неверов и др. М., 1980. 423 с.

60. Девятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов /Отв. ред. Х.А.Пийримяэ. Тарту, 1982, ч. 2, 152 с.

61. Егорова Т.П. Социоисторический аспект номинации: На примере названий улиц Стокгольма. - В кн.: Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах педвузов /Отв. ред. С.В.Русанова. М., 1980, с.108-116.

62. Егорова Т.П. Географические апеллятивы и словообразовательные модели скандинавской топонимии. - В кн.: Топонимика зарубежных стран /Отв. ред. О.А.Кибальчич. М., 1981, с. 58-65.

63. Егорова Т.П. К вопросу о хронологии скандинавских топонимических формантов. - В кн.: [60], с. 75-77.

64. Ермолаева Л.С. Система средств выражения модальности в современных германских языках: На материале немецкого, английского, шведского и исландского языков: АКД. М., 1964. 15 с.

65. Ермолаева Л.С., Неласова Е.В. Безличные глаголы в современных германских языках: На материале немецкого и исландского языков. - Науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. им. М.Тореза, 1975, т. 91. Вопросы романо-германской филологии, с. 123-129.

66. Ершова И.А. Специфика названий домашних животных в скандинавских языках. - ВМУ, 1977, № 3, с. 63-68.

67. Ершова И.А. К вопросу о древних скандинаво-западногерманских языковых связях. - СС, 1979, № 24, с. 95-102 (рез. швед.).

68. Ершова И.А. Некоторые особенности локальной древнеисландской лексики. - В кн.: [43], с. 106-108.

69. Ершова И.А. Особенности древнеисландской локальной лексики. - ВМУ, 1981, № 5, с. 51-57.

70. Ершова И.А. О некоторых особенностях германского именного словосложения в древнеисландском языке. - В кн.: [60], с. 69-71.

71. Каров Е.С. Библиография работ советских авторов по скандинавскому языкознанию 1961-1976. - В кн.: [193], с.6-41.

72. Каров Е.С. О происхождении глагола-заместителя в датском языке. - В кн.: [193], с. 64-70 (рез. дат.).

73. Каров Е.С. Структурное замещение в древнедатском языке. - В кн.: [43], с. 72-74.

74. Каров Е.С. Фонетическая лексикография: Из опыта работы над датско-русским словарем. - В кн.: Проблемы филологических исследований /Отв. ред. В.Д.Андреев и др. Л., 1980, с. 86-87.

75. Каров Е.С. Субституция в новодатском языке (XVI - XVIII вв.). - В кн.: [60], с. 101-102.

76. Даров Е.С. Учебно-методическая разработка по курсу "История датского языка (древнедатский период)". Л., 1982. 55 с.

77. Дильцова Е.Л. О структуре и значении наречно-соотносительных сложноподчиненных предложений с придаточным, вводным союзом att, в шведском языке. - В кн.: [60], с. 124-127.

78. Завгороднев Д.А. Ассимиляция скандинавских элементов у среднеанглийской мови: На прикладі скандинавізмів, які зустрічаються у творі "Ормулм" [Ассимиляция скандинавских элементов в среднеанглийском языке: На материале скандинавизмов, встречающихся в произведении "Ормулм"]. - ИФ, 1980, № 58, с. 23-28 (на укр. яз., рез.: рус., англ.).

79. Завгороднев Д.А. Місце скандинавських запозичень у системі конверсійного словотвору сучасної англійської мови [Место скандинавских заимствований в системе конверсионного словообразования современного английского языка]. - ИФ, 1981, № 63, с. 8-13 (рез.: рус., англ.).

80. Завгороднев Д.А. Розподіл запозиченої скандинавської лексики у творах раннього середньанглійського періоду [Распределение скандинавской заимствованной лексики в произведениях раннего среднеанглийского периода]. - ИФ, 1981, № 62, с. 14-20 (на укр. яз., рез.: рус., англ.).

81. Завгороднев Д.А. Скандинавізми в словарному складі англійського мови: На матеріалі заимствованной лексики древньої мови: АКД, Одеса, 1981. 24 с.

82. Звеницьева И.Г. Глагольно-наречные образования с af с общим значением "лишать кого-то ценностей" (типа blanke af af) в современном датском языке. - В кн.: [43], с. 91-93.

83. Иванюцкий В.В. Региональные классы глаголов с нехарактеризованными значениями в современном шведском языке. - В кн.: Молодые ученые и специалисты Кузбасса в X пятилетке /Отв. ред. А.Н.Антюшикин. Кемерово, 1981, с. 166-171.

84. Иванюцкий В.В. Синтетические и аналитические средства выражения аспектуальных значений в современном шведском языке. - В кн.: К предстоящей научно-практической конференции "Молодые ученые Кузбасса в 10-й пятилетке". Кемерово, 1981, т. I, с. 48-49.

85. Иванюцкий В.В. Словообразовательные и структурно-морфологические признаки глаголов с нехарактеризованными аспектуальными значениями в современном шведском языке. - В кн.: Молодые ученые и специалисты Кузбасса в X пятилетке /Отв. ред. А.Н.Антюшикин. Кемерово, 1981, с. 163-166.

86. Иванюцкий В.В. Синтаксические и аналитические средства выражения аспектуальности: На материале современного шведского языка: АКД, Л., 1982. 18 с.

87. Иванюцкий В.В. Типы аспектуального контекста в шведском языке. - В кн.: [60], с. 92-94.

88. Карманный датско-русский и русско-датский словарь = Dansk-russisk og russisk-dansk lommeordbog. /Сост. И.Г.Звеницьева, А.С.Новикович, Н.И.Крымова, А.Я.Смзина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. 488 с.

89. Карулина Т.Н., Кракопольская Н.Я., Никольская Я.С. Шведский язык для делового общения = Affärssvenska. М., 1978, ч. 1, 104 с.
90. Клейнер Е.А. О происхождении датского "толчка". - В кн.: [60], с. 83-85.
91. Ковязин В.Е. Лексико-семантические валентности глагольного управления инфинитивом в современном шведском языке: АКД. Л., 1977. 24 с.
92. Комарова О.А. О некоторых особенностях употребления модальных глаголов с инфинитивом II в норвежском языке. - В кн.: [193], с. 70-76 (рез. норв.).
93. Комарова О.А. Некоторые наблюдения над употреблением possessивных конструкций в английском, норвежском и русском языках. - СС, 1979, № 24, с. 42-47 (рез. норв.).
94. Комарова О.А. О статусе эфемизмов в норвежском языке. - В кн.: [60], с. 131-132.
95. Крутцова Н.С. Некоторые случаи употребления аналитической формы компаратива в норвежском языке. - В кн.: [60], с. 91-92.
96. Кузнецов С.Н. Датско-русский словарь [Рец. на кн.: Крымова Н.И., Эмзина А.Я., Новакович А.С. Датско-русский словарь. 3-е изд. М., 1975]. - СС, 1977, № 22, с. 289-296 (рез. швед.).
97. Кузнецов С.Н. Эмотивная характеристика выказываний в датском языке. - В кн.: [60], с. 109-111.
98. Кузьменко Ю.К. Эпентеза d в скандинавских языках /llg>ldg, pllg>pldg/. - В кн.: Лингвистические исследования 1975: Вопросы строя индоевропейских языков /Отв. ред. С.Д.Кацнельсон. М., 1975, ч. 1, с. 12-18.
99. Кузьменко Ю.К. Некоторые особенности шведских диалектов Финляндии. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии /Отв. ред. М.А.Бородина. Л., 1977, с.162-164.
100. Кузьменко Ю.К. Морфологические предпосылки фонологических изменений: Судьба древних скандинавских /nn/ и /ll/. - В кн.: Лингвистические исследования 1978: Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка /Отв. ред. А.В.Десницкая. М., 1978, с. 125-130.
101. Кузьменко Ю.К. Судьба исконных противопоставлений /l/ - /ll/, /n/ - /nn/ в скандинавских языках. - В кн.: [193], с. 76-121 (рез. швед.).
102. Кузьменко Ю.К. Типы взаимодействия фонологических систем: Ареальный аспект проблемы [сканд. материал]. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии /Отв. ред. С.И.Брук. Л., 1978, с. 64-65.
103. Кузьменко Ю.К. Скандинавская метафония. - В кн.: [43], с. 63-64.
104. Кузьменко Ю.К. Судьба исконных дифтонгов в скандинавских языках. - СС, 1979, № 24, с. 9-16 (рез. швед.).

105. Кузьменко Ю.К. Корреляция контакта и толчок в датском языке. - В кн.: Лингвистические исследования 1981: Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков /Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1981, с. 106-114.

106. Кузьменко Ю.К. К интерпретации равновесного акцента в шведских и норвежских диалектах. - В кн.: Лингвистические исследования 1982: Языковые единицы в синхронии и диахронии /Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1982, с. 141-148.

107. Кузьменко Ю.К. Функция датского "толчка". - В кн.: [60], с. 81-83.

108. Кульчицкий Е.А. Особые случаи употребления временных союзов в датском языке. - В кн.: [60], с. 120-122.

109. Леушева В.В. О статусе пассивных форм на -v в современных скандинавских языках. - В кн.: Седьмая научная конференция по вопросам германского языкознания /Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1977, с. 64-65.

110. Леушева В.В. О структуре предложений с det в качестве формального подлежащего в современном шведском языке. - СС, 1979, № 24, с. 72-78 (рез. швед.).

111. Леушева В.В. Роль порядка слов в структуре текста: На материале современного шведского языка. - В кн.: [43], с. 93-95.

112. Леушева В.В. Роль v-пассивных форм глагола в формировании различных структурно-коммуникативных типов предложения в шведском языке. - В кн.: [60], с. 94-96.

113. Докштанова Л.М. К вопросу о конъюнктиве в датском языке. - В кн.: [43], с. 83-86.

114. Докштанова Л.М. О принципах "разрешения" грамматической омонимии видов-временных форм индикатива и косвенных наклонений в датском языке. - В кн.: [60], с. 98-100.

115. Докштанова Л.М. Система форм категории наклонения в датском языке. - ВМУ, 1982, № 1, с. 25-38.

116. Любимова Е.Л. Топонимия Исландии по данным родовых саг. - В кн.: Топонимика зарубежных стран /Отв. ред. О.А.Князькович. М., 1981, с. 66-70.

117. Малова В.И. Скандинавское и французское влияние в Суффолке. - В кн.: Лингвистические исследования 1975: Вопросы строя индоевропейских языков /Отв. ред. С.Л.Кацнельсон. М., 1975, ч. 1, с. 50-61.

118. Маслова-Лашанская С.С. К вопросу о темпоральных значениях предлогов: На материале шведского языка. - В кн.: Исследования по английской филологии /Отв. ред. И.П.Иванова. Л., 1971, вып. 4, с. 165-176 (рез. англ.).

119. Маслова-Лашанская С.С. Опрошение и другие морфологические процессы в германских языках [сканд. материал]. - В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков /Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1972, с. 144-157 (рез. нем.).

120. Маслова-Лашанская С.С. Роль синтаксических факторов в формировании падежно-предложной системы континентальных скандинавских языков. - В кн.: Седьмая научная конференция по вопросам германского языкознания /Отв. ред. В.Н.Ярица. М., 1977, с. 57-60.
121. Маслова-Лашанская С.С. Опыт анализа многозначных слов: Обозначения атмосферных осадков и водных потоков в шведском языке. - В кн.: [193], с. 168-181 (рез. швед.).
122. Маслова-Лашанская С.С. Метафорическая деривация. - СС, 1979, № 24, с. 86-94 (рез. швед.).
123. Маслова-Лашанская С.С. Типы номинационной структуры слова в шведском языке. - В кн.: [43], с. 100-103.
124. Маслова-Лашанская С.С. Некоторые вопросы теории лексеобразования: На материале шведского языка в сопоставлении с русским. - В кн.: Проблемы филологических исследований /Отв. ред. В.Д.Андреев и др. Л., 1980, с. 92-93.
125. Маслова-Лашанская С.С. Взаимодействие лексической и грамматической семантики в предложных конструкциях: На материале шведского языка в сравнении с другими германскими. - В кн.: Взаимодействие языковых единиц различных уровней /Отв. ред. Л.В.Пшкова. Л., 1981, с. 45-54.
126. Маслова-Лашанская С.С. Номинация и номинационно-релевантные семы: На материале шведского языка в сопоставлении с русским. - К, 1981, № 22(2), с. 96-103 (рез. нем.).
127. Маслова-Лашанская С.С. Метафора и динамика лексико-семантических групп: На материале шведского языка. - В кн.: [60], с. 129-131.
128. Маслова-Лашанская С.С., Толстая Н.Н. Учебник шведского языка: Для студентов университетов. Л., 1981. 423 с.
129. Матюшина И.Г. Неканонизованные звуковые повторы в эддической поэзии. - В кн.: [60], с. 62-64.
130. Мещевитч А.А., Гвоздецкая Н.Ю. Седьмая всесоюзная конференция по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. - ФН, 1977, № 6, с. 114-116.
131. Мельникова Е.А. Восточноевропейские топонимы с корнем *garð-* в древнескандинавской письменности. - СС, 1977, № 22, с. 199-210 (рез. швед.).
132. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1977. 276 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
133. Михалкова Т.К. Особенности сочетания модального и смыслового глагола в зависимости от их места относительно друг друга в датском языке. - В кн.: [60], с. 113-114.
134. Михалкова Т.К. Перфект и плюсквамперфект модальных глаголов и сочетания модальных глаголов с инфинитивом *II* в современном датском языке. - В кн.: Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии /Отв. ред. П.А.Дмитриев. Л., 1982, с. 170-176.

135. Морозова Н.Н. К вопросу о сочетаемости: На материале шведского глагола *tyska*. - В кн.: Исследования лексической сочетаемости и фразеологии /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1975, с. 17-32.

136. Морозова Н.Н. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в некоторых германских языках: На материале английского *methinks*, немецкого *mir dünkt*, шведского *det tyska mig*. - В кн.: Исследования семантической структуры английских слов /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1975, с. 77-92.

137. Морозова Н.Н. Синхронно-сопоставительный анализ семантической структуры слов [швед. материал]. - В кн.: Исследования семантической структуры английских слов /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1975, с. 52-76.

138. Морозова Н.Н. Синхронно-сопоставительный анализ семантических структур глаголов мыслительно-оценочной деятельности в английском, немецком и шведском языках: На материале глаголов *mean-meinen* - *mena*; *think* - *denken*, *dünken* - *tänka*, *tyska*, *tyskas*: АКД. М., 1977. 15 с.

139. Мулламаа И. Несколько замечаний о понятии оценки в газетно-публицистическом стиле речи: На материале шведской прессы. - Л., 1976, № 8, т. 401, с. 63-73.

140. Мулламаа И. Некоторые аспекты лексического выражения оценки в передовицах шведских газет. - СС, 1977, № 22, с. 211-217 (рез. швед.).

141. Мулламаа И. Оценка и ее лексико-семантическое выражение в шведском языке. - Л., 1977, № 9, т. 437, с. 91-103.

142. Мулламаа И. К вопросу об оценочности общественно-политической лексики: На материале передовиц "Дагенс нихетер". - Л., 1978, т. 453, № 10, с. 50-56.

143. Мулламаа И. Лексико-семантические средства выражения оценки в современном шведском языке: На материале языка прессы. - В кн.: [43], с. 98-100.

144. Мулламаа И. Оценочность, эмоциональность и экспрессивность лексики: На материале передовых статей шведской газеты "Dagens nyheter". - Л., 1979, т. 502, № 11, с. 61-69.

145. Мулламаа И.К. Оценка и ее лексико-семантическое выражение в современном шведском языке: На материале передовых статей газеты "Дагенс нихетер": АКД. М., 1980. 17 с.

146. Мулламаа И. Существительные как орудства выражения оценки в современном шведском языке: На материале передовых статей "Дагенс нихетер". - Л., 1980, т. 544, № 13, с. 102-109.

147. Мулламаа И. Оценка как фактор переноса значения в передовых статьях шведской газеты "Дагенс нихетер". - Л., 1981, № 14, т. 585, с. 70-74.

148. Мулламаа И.К. Оценочный аспект общественно-политической лексики в передовых статьях шведской прессы. - В кн.: [60], с. 134-135.

149. Неделяева-Степановичене С. О переводе шведских определительных сложных существительных с первым компонентом-существительным на литовский язык. - К., 1973, № 25(3), с. 183-198.
150. Неделяева-Степановичене С.И. К проблеме сопоставления сложного слова в скандинавских и балтийских языках. - СС, 1979, № 24, с. 103-110 (рез. швед.).
151. Неделяева-Степановичене С.И. Авторская стиливая концепция и ее отражение в переводе: Заметки о переводах тетралогии Х.Лакссеса "Свет мира". - К., 1981, № 32(3), с. 70-78 (рез. англ.).
152. Неделяева-Степановичене С.И. Особенности функционирования сложных слов в речи: На материале скандинавских и балтийских языков. - В кн.: [60], с. 89-90.
153. Немкова Л.П. Свободное согласование времен в сложном предложении древнеанглийского языка в сопоставлении с древнеисландским. - В кн.: Синтаксис сложного предложения германских языков /Отв. ред. Е.А.Корнеева. Л., 1973, с. 109-117.
154. Ненецкая М.Г. К фонологической интерпретации готско-скандинавских редуксов германского усиления (Verschärfung). - В кн.: [43], с. 65-67.
155. Ненецкая М.Г. Древнеисландское *gdj.* готское *ddj.* - В кн.: [60], с. 59-60.
156. Нелюкшин А.П. Остров Готланд и Scando-Baltica. - Baltistica (Vilnius), 1974, т. 10, № 1, с. 73-85.
157. Новикович А.С. О некоторых проблемах фразеологии современного датского языка. - В кн.: Проблемы совершенствования методики преподавания иностранных языков в специальном вузе /Отв. ред. В.С.Иванов. М., 1976, с. 44-45.
158. Новикович А.С. Вариативность и синонимия фразеологических единиц в датском языке и отбор фразеологических синонимов для лексического минимума по годам обучения. - В кн.: Проблема современного учебника по иностранному языку в специальном вузе /Отв. ред. В.С.Иванов. М., 1978, с. 63-64.
159. Новикович А.С. Некоторые проблемы датской фразеологии: Вариативность и синонимия. - В кн.: [43], с. 103-106.
160. Новикович А.С. Учебное пособие по датскому языку для второго курса "Балтий катер". М., 1979. 112 с.
161. Новикович А.С. О полисемии фразеологических единиц в датском языке. - В кн.: [60], с. 135-136.
162. Новикова Г.И. Употребление сложного слова *vilken* в сложноподчиненных предложениях в современном шведском языке. - СС, 1979, № 24, с. 79-85 (рез. швед.).
163. Новикова Г.И. О некоторых особенностях структуры сложноподчиненных предложений с временными придаточными в шведском языке. - В кн.: [60], с. 119-120.
164. Паутикин А.М. Лексико-семантическая валентность английского глагола *take* и датского глагола *tage*. - В кн.: Ис-

следования лексической сочетаемости и фразеологии /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1975, с. 103-140.

165. Пауткин А.М. Семантическая структура английских глаголов call, cast, die и датских глаголов kalde, kaste, dø. - В кн.: Исследования по лексикологии и фразеологии /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1976, с. 41-65.

166. Пауткин А.М. О семантическом развитии однокоренных английских и датских глаголов. - В кн.: Исследования семантической структуры и сочетаемости слов в английском языке /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1977, с. 66-80.

167. Пауткин А.М. Семантическое развитие глагола kaste в датском и cast в английском языках. - В кн.: Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия /Отв. ред. Г.П.Петров. Чебоксары, 1977, вып. 2, с. 66-76.

168. Пауткин А.М. Историко-семасологическое исследование однокоренных английских и датских глаголов: АКД. М., 1978. 16 с.

169. Пауткин А.М. О причинах расхождений в семантическом развитии однокоренных английских и датских глаголов. - В кн.: Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков /Отв. ред. В.С.Виноградова. Волгоград, 1981, с. 91-99. (Исследования по романо-германскому языкознанию, вып. 11.)

170. Пауткин А.М. Лексико-морфологические средства выражения повторного и конкретно-процессуального действия в отдельных германских языках: Сопоставительно-типологическое исследование [сканд. материал]. - В кн.: Исследования по сопоставительной типологии языков /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1982, с. 87-96.

171. Педерсен А.А. К фонологическому аспекту словоделения [дат. материал]. - В кн.: Английская фразеология и устойчивые нефразеологические словосочетания /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1978, с. 116-126.

172. Педерсен А.А. О локализации слоговой границы как функции коммуникативно значимого направления движения частоты основного тона: В структурах повествовательной фразы и общего вопроса на материале английского и датского языков. - В кн.: Английская фразеология и устойчивые нефразеологические словосочетания /Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1978, с. 127-144.

173. Педерсен А.А. Сопоставительный анализ слоговых структур в английском и датском языках: Экспериментально-фонетическое исследование: АКД. М., 1980. 16 с.

174. Петров С.В. К вопросу об этимологии имени Всеволод [из швед.]. - СС, 1979, № 24, с. 111-113 (рез. швед.).

175. Петров С.В. Как переводить с ланнсмолы? - В кн.: Мастерство перевода 1979 /Отв. ред. З.Ананишвили. М., 1981, вып. 12, с. 100-108.

176. Пластун К.Я. Лексико-фразеологическое семантическое поле с ведущим членом *blæ*. На материале датского языка. - В

кн.: Вопросы структуры германских языков /Отв. ред. Г.Г.Едиг. Омск, 1978, вып. 3, с. 124-133.

177. Плоткин В.Я. Консонантная протяженность в шведской фонологической системе. - СС, 1979, № 24, с. 17-22 (рез. швед.).

178. Плоткин В.Я. О фонологической природе датского толчка. - В кн.: Фонология. Фонетика. Интонология /Отв. ред. Р.И.Аванесов. М., 1979, с. 113-116.

179. Плоткин В.Я. Преобразования количественных противопоставлений в фонологических системах скандинавских языков. - В кн.: [43], с. 59-62.

180. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем: На материале германских языков [Больш. сканд. материал]. М., 1982. 129 с.

181. Погодина Н.Е. Принципы построения учебника по второму иностранному языку [швед. материал]. - В кн.: Проблема современного учебника по иностранному языку в специальном вузе /Отв. ред. С.В.Иванов. М., 1978, с. 65-66.

182. Погодина Н.Е. Практический курс шведского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. 334 с.

183. Погодина Н.Е. "Монопредлоги" и проблема синонимичных отношений в системе шведских предлогов. - В кн.: [60], с. 105-107.

184. Попов О.К., Попова Н.М. Пособие по шведскому языку. М., 1977. 328 с.

185. Раевский М.В. Скандинавское преломление и некоторые аспекты его изучения. - В кн.: [43], с. 61-63.

186. Раевский М.В. Скандинавское преломление: фонетический механизм и условия его проведения. - В кн.: [60], с. 85-88.

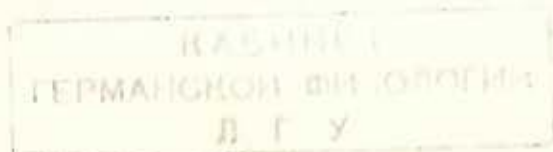
187. Резецкая Э.Е. К вопросу об употреблении модальных слов и частиц в датском языке. - В кн.: [60], с. 107-109.

188. Савусверд Э.Ф. Сопоставление шведских и латинских фразеологических единиц со словом "голова". - В кн.: Лингвистические исследования 1982: Языковые единицы в синхронии и диахронии /Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1982, с. 205-211.

189. Свердлов М.Б. VII Всесоюзная конференция скандинавистов. - СС, 1977, № 22, с. 310-314 (рез. швед.).

190. Свешникова Г.С. К проблеме фразеологической деривации в германских языках: На материале немецкого, английского и шведского языков. - Науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. им. М.Тореза, 1979, т. 139. Вопросы лексикологии германских языков, с. 196-211.

191. Семенова Н.Н. Сопоставительно-типологический анализ фразеологических единиц, выражающих понятия неопределенно большого и неопределенно малого количества: На материале английского, немецкого и шведского языков. - В кн.: Исследования по сопоставительной типологии языков /Отв.ред. В.Д.Аракин. М., 1982, с. 121-131.

192. Сергеев А.В., Скварц Е.Р. VIII конференция советских скандинавистов. - ФН, 1980, № 4, с. 94-96.

193. Скандинавская филология = Scandinavica /Отв. ред. В.П.Берков. Л., 1978, вып. 3. 192 с. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук, № 399, вып. 78.)

194. Скварц Е.Р. Особенности древнеисландской ремесленной терминологии: На материале текстильной и кузнечной лексики. - В кн.: [43], с. 108-111.

195. Скварц Е.Р. Древнеисландская типологическая лексика. - В кн.: [60], с. 72-73.

196. Смирницкая О.А. Морфологизация аналитических глагольных конструкций в германских языках [сканд. материал]. - В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков /Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1972, с.70-90 (рез. англ.).

197. Смирницкая О.А. Глагол в "Перечне Инглингов": Метрические позиции и семантика грамматических форм. - СС, 1979, № 24, с. 55-63 (швед. рез.).

198. Смирницкая О.А. Сведения о Восточной Европе в скандинавских рунических надписях [рец. на кн.: 132]. - СС, 1979, № 24, с. 188-191 (рез. швед.).

199. Смирницкая О.А. Стих и язык скальдической поэзии. - В кн.: [43], с. 74-77.

200. Смирницкая О.А. О фономорфологической основе аллитерационного стиха: Эпическая и скальдическая метрика. - В кн.: [60], с. 60-62.

201. Смирницкая О.А. Поэтика и лингвистика скальдов. - ВМУ, 1982, № 2, с. 34-42.

202. Солодуб П.П. К проблеме сопоставительного изучения просемантических групп во фразеологии близкородственных и неблизкородственных языков: На материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица норвежского, шведского, немецкого, английского и русского языков. - В кн.: [60], с.137-139.

203. Стеблин-Каменский М.И. Скандинавское передвижение огласных. - ВЯ, 1982, № 1, с. 48-64.

204. Толстая Н.Н. Оборот fār + инфинитив как средство передачи будущего в шведском языке: По данным экспериментов. - В кн.: [193], с. 182-190 (рез. швед.).

205. Толстая Н.Н. Перфект как средство передачи предварительного будущего в современном шведском языке. - В кн.: [43], с. 90-91.

206. Толстая Н.Н. Некоторые наблюдения над языком и стилем новейшей шведской поэзии. - В кн.: [60], с. 141-142.

207. Тулдава Д. О сдвигах в склонении предикативного прилагательного в современном шведском языке. - И. 1980, т. 532, № 12, с. 131-138 (рез. англ.).

208. Умарова Б.Г. Восточные заимствования древнейшей поры в древнеисландском языке. - Сб. науч. тр. Ташкент. ун-та им.

223. Чеканский А.Н. Стилистический аспект использования литературных текстов в преподавании датского языка. - В кн.: Проблема современного учебника по иностранному языку в специальном вузе /Отв. ред. В.С.Иванов. М., 1978, с. 88-90.

224. Чеканский А.Н., Щечкова Л.С., Дрейсова Т.Н. Краткий русско-датский разговорник = Russisk-dansk parlör. М., 1981. 246 с.

225. Чуприна О.Г. Семантический анализ слов в близкородственных языках: На материале глаголов to take в английском языке и att ta в шведском. - Сб. науч. тр. Куйбыш. пед. ин-та им. В.В.Куйбышева, 1981, т. 257. Сопоставительный лингвистический и лингвостилистический анализ, с. 99-105.

226. Щатков Г.В. Слимшильские игры: Пособие по норвежскому языку. М., 1979. 140 с.

227. Шведско-русский разговорник = Svensk-russk parlör /Сост. рус. текста С.В.Неверов. М., 1979. 191 с.

228. Шейгам А.Г. Русско-шведский общеолимпийский лексический минимум. М., 1979. 28 с.

229. Шмунк В.Д. Опущение вспомогательных глаголов в сложных временных формах прошедшего времени в немецком языке: В сопоставлении с английским и шведским. - Учен. зап. Омск. пед. ин-та им. А.М.Горького, 1974, т. 90. Вопросы диалектологии и истории немецкого языка, с. 79-86.

230. Шур Г.С. Исландский инфинитив I на -u. - Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та им. К.Д.Ушинского, 1971, т. 94. Вопросы германской филологии, с. 3-14.

231. Sður G.S. Zu einer anomalen Infinitivform im Isländischen. - Nordeuropa (Greifswald), 1972, N 5, S.73-82.

232. Шур Г.С. Об особенностях значения и употребления глагола *akuldi* в исландском. - Учен. зап. Омск. пед. ин-та им. А.М.Горького, 1974, т. 90. Вопросы диалектологии и истории немецкого языка, с. 153-162.

233. Шур Г.С. Об особенностях значения и употребления глагола *munði* в исландском. - Там же, с. 163-172.

234. Якуб В.Д. Синтаксическая модель "быть+ причастие II" в исландском и норвежском языках. - В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков /Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1972, с. 91-108 (рез. нем.).

235. Якуб В.Д. К вопросу о пассиве в современном исландском языке. - СС, 1979, N 24, с. 27-33 (рез. швед.).

236. Якуб В.Д. Подготовка филологов-скандинавистов в университетах Норвегии. - В кн.: [43], с. 70-72.

237. Ястребцева М.А. Датский язык для делового общения = Dansk forretningsprog. М., 1981, ч. 1. 266 с.

Тематический указатель

- Авторефераты диссертаций: 8, 27, 44, 64, 81, 86, 91, 138, 145, 168, 173, 214.
- Библиографии: 71.
- Датский язык: 6-9, 30-32, 48-52, 59, 72-76, 82, 88, 90, 96, 97, 105, 107, 108, 113-115, 133, 134, 157-161, 164-168, 171-173, 176, 178, 187, 210-214, 222-224, 237.
- Исландский язык: 2, 14, 25, 45-47, 55-58, 64, 65, 68-70, 116, 129, 153, 194, 195, 197, 199, 200, 208, 209, 221, 230-235.
- Лексикология: 1, 10, 14, 15, 17, 26, 44, 47-54, 56-59, 61-63, 66-70, 74, 78-81, 83, 85, 88, 91, 94, 96, 97, 116, 118, 121-127, 131, 139-148, 150-152, 157-159, 161, 164-170, 172-174, 176, 188, 190, 191, 194, 195, 199, 202, 206, 208, 209, 213, 215, 221-225.
- Морфология: 6-9, 11-13, 21, 22, 24, 30, 45, 46, 64, 65, 82-87, 92, 93, 95, 109, 112-115, 119, 120, 133, 134, 183, 187, 196, 201, 204, 205, 207, 217-220, 229, 235.
- Норвежский язык: 11-13, 16, 17, 19, 21, 22, 34-37, 39-42, 92-95, 106, 175, 202, 226, 234.
- Разговорники: 59, 224, 227.
- Рецензии: 16, 20, 96, 198, 216.
- Синтаксис: 2, 9, 25, 34, 48, 72, 73, 75, 77, 108, 110-112, 162, 163, 234.
- Словари: 1, 17, 50, 88, 228.
- Учебные пособия: 50, 76, 89, 128, 160, 182, 184, 226, 237.
- Фарерский язык: 5.
- Фонетика: 23, 31, 32, 35-37, 40-42, 90, 98-107, 129, 154, 156, 171-174, 177-180, 185, 186, 203.
- Шведский язык: 1, 3, 23, 24, 27-29, 44, 53, 54, 61, 64, 77, 83-87, 89, 91, 99, 101, 107, 110-112, 118, 121, 123-128, 135-149, 162, 163, 174, 177, 181-184, 188-191, 202, 204-207, 215-220, 225, 227, 229.

Сокращения

- АКД - Автореферат кандидатской диссертации
 ВЛУ - Вестник Ленинградского университета
 ВМУ - Вестник Московского университета. Серия 9. Филология
 ВЯ - Вопросы языкознания
 ИФ - Иноземна филология. Львів
 СС - Скандинавский сборник. Таллин
 ФН - Филологические науки (в серии: Научные доклады высшей школы)
 К - Kalbotyra (Языкознание). Вильнюс (в сер.: Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР)
 L - Linguistica. Тарту (в сер.: Ученые записки Тартуского государственного университета)

В. П. Берков

НОВЫЙ ЭТАП В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКОВОМ ДВИЖЕНИИ

В начале лета 1981 г. стуртинг обсудил и одобрил "Изменения орфографии и нормы для учебников букмола".¹ Министерство по делам церкви и народного образования Норвегии приняло решение, что утвержденные изменения будут отражены в орфографических словарях и учебниках, а учащиеся получат возможность пользоваться этими новыми формами.

Значение "Изменений" в регламентировании нормы норвежского языка, в общем, не меньше значения орфографических реформ 1917 и 1938 гг., и потому они заслуживают внимательного рассмотрения и оценки. Однако прежде чем перейти к их характеристике, следует сделать некоторые пояснения. "Орфографические" реформы в Норвегии — это, по существу, реформы языка, а отнюдь не просто реформы правописания (действительно орфографической в основном была лишь реформа 1907 г.); они определяют фонетический состав слова и его морфологические характеристики. Так, например, реформа 1938 г. в качестве единственно допустимых ввела формы *haik* (ранее *høk*) "ястреб", *gras* (ранее *græs*) "трава", *bru* (ранее *brø*) "мост", сделала артикль женского рода обязательным для 910 существительных и др. Далее следует пояснить, что означают термины "орфография" и "норма для учебников". Под "орфографией" авторы реформы понимают совокупность написаний и форм, которые учащимся школы разрешено употреблять в письменных работах, под "нормой для учебников" — совокупность тех написаний и форм (из числа определяемых "орфографией"), которые допускаются к употреблению в школьных учебниках, требующих одобрения министерства по делам церкви и народного образования. Таким образом, "Изменения" (как, кстати, и "Новая норма для учебников" 1959 г.²) направлены в первую очередь на речевую практику учащихся. Регламентируя речь

молодого поколения, реформаторы языка надеются предопределить дальнейшее развитие языка; как показал многолетний опыт, воздействовать на речевую практику взрослого населения, в общем, невозможно: индивид следует предписываемой норме лишь в тех ситуациях, когда вынужден делать это *ex officio* (например, государственный или муниципальный служащий, составляющий официальный документ), но в подавляющем большинстве случаев пишет (и тем более говорит) так, как находит нужным.

Основные моменты "Изменений" 1981 г. таковы:

(1) Внесены изменения в написание приблизительно 150 слов, в частности: а) восстановлены в качестве параллельных и равноправных³ некоторые упраздненные ранее (но тем не менее очень широко употреблявшиеся) "традиционные" формы. Теперь, например, в равной мере допустимы формы *frem/fram* "вперед", *krave/krage* "воротник", *gavn/gavn* "ворон", *syd/sér* "юг" и др. (до "Изменений" - только *fram*, *krage*, *gavn*, *sér* и др.); б) упразднен ряд допускавшихся ранее параллельных форм (в качестве "основных" или "альтернативных"), например, "радикальные" *dálje* "скрывать", *sal* "продажа" и "традиционные" *flyve* "летать", *lynde* "нрав" - теперь возможны только формы *dálge*, *salg*, *flyge*, *lynde*; главное же в этом разделе: ряд "традиционных" форм, которые имели статус альтернативных, переведен в разряд равноправных и допущен, таким образом, в учебники, например: *bein/ben* "нога", *dogg/dugg* "роса", *golv/gulv* "пол", *gras/grass* "трава", *ljuge/lyge/lyve* "лгать", *mjál/mel* "мука", *vein/ven* "поздний", *trétt/trett* "усталый" и др. (на втором месте в каждой паре указывается бывшая альтернативная, ныне вторая основная форма).

(2) До "Изменений" ряд существительных среднего рода имел во множественном числе обязательно артикль -a; теперь же все существительные среднего рода (около 500) во множественном числе имеют определенный артикль -a/-ene - как в "орфографии"; так и в "норме для учебников", лишь 9 существительных в последнем использовании употребляются с артиклем -a, например: *barn* "ребенок", *kréttir* "скотина". Характерно, однако, что 6 слов из этих 9 имеют параллельные "традиционные" варианты, с которыми используется и артикль -ene.

(3) Если ранее сотни существительных женского рода согласно официальной норме употреблялись только с определенным артиклем -а (т.е. специфическим артиклем женского рода), то теперь все существительные женского рода (примерно 1100) могут использоваться в "правописании" с определенным артиклем -а или -en (т.е. с артиклем мужского, точнее общего рода); в "норме для учебников" единственная форма артикля -а остается обязательной примерно для 650 слов (либо разговорных, либо "радикальных" форм, для которых имеются "традиционные" варианты, либо слов "специфически норвежских", т.е. не имеющих в датском - и следовательно не имевших в "датско-норвежском" - этимологически соответствующих лексем). Ряд существительных женского рода, однако, в переносном значении может употребляться с артиклем -en; напротив, в некоторых устойчивых разговорных оборотах (типа komme i bakkeа "отстать; потерять значение", la humla sive "загулять, предаться веселью") специфический артикль ж.р. -а обязателен. В отношении использования специфического неопределенного артикля при существительных женского рода (ei bok/en bok "книга") предоставляется полная свобода выбора.

(4) Расширена свобода выбора в отношении к тому или иному классу примерно 240 слабых глаголов. Например, если ранее глагол bale "прокладывать путь" имел показатели претерита и причастия II -а/-а и -te/-t (т.е. формы bala/bala и bante/ /bant), то теперь его разрешено употреблять и с показателем -et /-et (banet/banet); глагол enae "замечать" согласно "Изменениям" может употребляться в формах anate/enst, enset/enset и enaa/enaa (ранее допускался только первый тип) и т.д. Напротив, у некоторых глаголов альтернативность временных суффиксов ограничена, в частности "отменены" показатели -te/-t или -de/-d ср. ранее lukket/lukket, lukka/lukka, lukte/lukt, теперь допустимы только первые два типа.

(5) У существительных женского рода с определенным артиклем допускается в родительном падеже использование форм мужского (общего) рода, даже если в основном падеже используется специфический артикль женского рода. Так, в одном и том же тексте можно употребить формы boka "книга" и bokena, хотя допустима и форма bokaa.⁴

Суть "Изменений орфографии и нормы для учебников букмола" 1981 г. можно определить следующим образом. В общем сохранены в подавляющем большинстве все "радикальные" формы (фонетические, морфологические), введенные орфографической реформой 1938 г. Однако статус их резко изменился: из категории обязательных они перешли в категорию факультативных. Вместе с тем огромное количество "традиционных" фонетических и морфологических вариантов, полностью "объявленных вне закона" реформой 1938 г. и частично "реабилитированных" нормой для учебников 1959 г., теперь целиком легализовано. Таким образом, в равной мере легализованы все варианты - от "традиционного" рикмола (в понимании этого термина противниками "радикализованного" букмола) до самого "радикального" букмола, разумеется, со всеми промежуточными ступенями. Например, оставаясь в рамках "Изменений", можно построить следующие предложения (на первом месте мы приводим "традиционный" вариант, на втором - "радикальный"): broen ble bygget "мост был построен" и brua ble/blei/vart bygd; tiltakene ble drøftet "меры были обсуждены" и tiltaka ble/blei/vart drøfta; trærne i haven var høye og lave "деревья в саду были высокие и низкие" и trea i hagen var høge og låge; en gammel dame har mistet sin veske "(одна) старая женщина потеряла свою сумочку" и ei gammel dame har mista veska si и т.п.

Следует обратить внимание на один существенный момент. В тексте "Изменений" не затронут вопрос о необходимости быть последовательным при выборе тех или иных вариантов. Сами варианты также не охарактеризованы с точки зрения их "радикальности"/"традиционности". Поэтому нынешняя официальная норма, определяемая "Изменениями", с одной стороны, закрепляет разноречивой в масштабах страны, полностью уравнивая в правах весь спектр вариантов, начиная от крайне "радикального" и кончая весьма "традиционным", с другой стороны - объективно не препятствует разноречивой и непоследовательности в речи индивида, поскольку предоставляет индивиду полную свободу в отборе конкретных языковых форм; последнее особенно касается "орфографии" и в несколько меньшей степени "нормы для учебников". Между тем степень "радикальности"/"традиционности" разных форм

весьма различна, даже в пределах одного разряда. Так, например, из разнообразных фонетических вариантов, приводимых в разделе (I), krage "воротник", reir "гнездо" и sér "лг" — менее "радикальны", чем приводимые в том же списке варианты ovr "осина", kjelde "источник" и middelmätig "посредственный"; среди "традиционных" форм, перечисляемых в конце этого раздела в качестве допущенных теперь в "норму для учебников", есть более "традиционные", например, have "живот", hugg "(рубящий) удар" и менее "традиционные", с нашей точки зрения, скорее нейтральные, например, mel "мука", golv "пол", megle "посредничать", steke "жарить". "Изменения" допускают, правда только в "орфографии", "консервативную" форму barnene "дети" (с определенным артиклем), которая, на наш взгляд, вообще не употребляется: безраздельно господствует форма barna (некогда "радикальная"). "Изменения" не отражают того факта, что степень "радикальности" морфологического оформления слова коррелирована со степенью "радикальности" его фонетического облика, например, "радикальный" вариант bru "мост" естественно оформится с определенным артиклем женского рода (brua), а "традиционный" вариант bro — с артиклем мужского (общего) рода (broen). Аналогичная корреляция существует и между морфологическим оформлением и степенью литературности слова: разговорное существительное bikkje "собака, пес" едва ли употребляется кем-либо с артиклем мужского (общего) рода,⁵ а сравнительно книжное существительное kvinne "женщина", потенциально относящееся, естественно, к женскому грамматическому роду, видимо, лишь очень редко оформляется специфическим артиклем женского рода: нам встречалась почти исключительно форма kvinnen. Все только что приведенные примеры — достаточно тривиальные иллюстрации к хорошо известным стилистическим правилам. "Изменения", однако, в ряде случаев фактически позволяют нарушать эти правила. Так, в "орфографии" (правда, не в "норме для учебников") допускаются, в частности, формы bikkjen, bruen, bygden "селение", eiken "дуб" (естественно: eika/eken), høgden "высота" (обычно: høgda/høydene). Даже в бесспорных случаях "Изменения" ограничиваются рекомендациями вместо прямых предписаний. Так, констатируя свободу в выборе артиклей мужского или женского

рода при отглагольных существительных на -ing, они "советуют" использовать артикль женского рода при "некоторых из них", приводя примеры сугубо "радикальных" форм - auking "увеличение", frebuing "подготовка", utbreiing "распространение", которые едва ли можно вообще употребить с артиклем мужского (общего) рода. Составленные нами примеры вариаций в рамках "Изменений" (см. выше), конечно, не единственные, например, возможны варианты broen ble bygd, tiltaka ble drftet, trerne i hagen var hye og lave и т.д.; в принципе не противоречат "Изменениям" и совершенно, с нашей точки зрения, недопустимые стилистически предложения вроде tiltakene ble drfta(?), trea i haven var hge og lge (?) и т.п.

Официальная норма, действовавшая до "Изменений" 1981 г., в общем, не соответствовала реальной речевой практике образованных слоев населения и потому была мало реалистична. Разумеется, она соблюдалась не только в школе и официальных инстанциях, но и известным числом лиц, впрочем, насколько мы можем судить, небольшим (например, рядом молодых лингвистов). Вместе с тем ей были присущи известная системность и последовательность. Нынешняя форма с ее фактической "вседозволенностью" этих свойств лишена.

На первый взгляд может показаться, что норма "Изменений" возвращает нас к ситуации 2-й орфографической реформы 1917 г. (если отвлечься от ее чисто орфографических моментов - введения двойных согласных, замены в большинстве случаев *ae* на *e* и т.д.). На самом деле это не совсем так. Многие из того, за что ратовали нормализаторы во втором десятилетии нашего века, в большей или меньшей степени вошло в речь довольно значительной части образованных слоев населения. Так, немало форм, ранее воспринимавшихся как "радикальные", фактически стало нейтральными, например *stein* "камень", *y* "остров", *mage* "живот", *ben* "ноги (с артиклем)", *veide* "взвешивал", тогда как ранее нейтральные - *sten*, **, *mave*, *benene*, *veiet* - воспринимаются многими как "традиционные", "консервативные". Но неясно, результат ли это спонтанного развития языка, обусловленного изменениями в структуре общества, либо же плоды деятельности нормализаторов.⁶ В то же время значительное число форм, широко

употребительных в речи образованных слоев населения, но с 1938 г., когда была осуществлена 3-я орфографическая реформа, фактически "незаконных", теперь "восстановлено в правах".

Авторы "Изменений" наконец-то трезво оценили языковую действительность. Несколько десятилетий реально сложившаяся норма — речевая практика образованных слоев Восточной Норвегии (*standardøstnorsk*) — как бы не замечалась,⁷ легализовалось не то, что есть, а то, что, по мнению нормализаторов, должно быть. (Почему реформы не принесли желаемых результатов, вопрос особый⁸.) Теперь эта норма получила официальный статус. Характерно, что "радикализация" нормы, осуществлявшаяся под флагом демократизации языка, т.е. приближения нормы к разговорной речи, по сути дела была в значительной мере явлением антидемократическим, так как находилась в противоречии с языковой практикой основной массы регулярно публикующихся, официально выступающих и т.д.

Эволюция нормы в Норвегии за последние десятилетия внешне напоминает три ступени гегелевской триады. Если положение до реформы 1938 г. принять за тезис, положение между 1938 и 1981 гг. — за антитезис, то ситуацию после 1981 г. соблазнительно считать синтезом. Однако "синтез" этот своеобразный: он является не качественно новой ступенью, в которой "сняты противоречия", "отрицается отрицание", а механическим соединением весьма разнородных элементов.

По всей видимости, нормализаторы 1981 г. стремились сделать норму более реалистичной и тем самым повысить ее престиж. Представляется, что особого престижа эта новая норма иметь не будет. Собственно говоря, "Изменения" и нельзя назвать "нормой" в привычном смысле этого слова. Они не регламентируют, не упорядочивают употребление индивидом языковых форм, а фактически легализуют разноречие. В самом деле, закрепляя, например, вариантность оформления около 500 существительных среднего рода, около 1100 существительных женского рода (эти цифры надо увеличить в несколько раз — с учетом сложных существительных с этичными элементами в качестве последних, ср. *tak* "крыша" и *blikktak* "железная крыша", *torvtak* "крыша из дерна", *stråtak* "соломенная крыша" и т.д.), а также 240 слабых

глаголов (в последнем случае для многих единиц допускаются по 3, а иногда и 4 варианта), полностью предоставляя индивиду право самому отбирать и комбинировать эти формы, "Изменения" 1981 г., по сути дела, — свидетельство того, что единой нормы у букмола нет.

Едва ли принесут "Изменения" 1981 г. Норвегии и "языковой мир". Стихийно сложившаяся реальная норма, которой является *standardøstnorsk*, получила лишь частичное признание, и ее многочисленные сторонники, видимо, не удовлетворятся этим положением. Сторонники же "радикализации" языка имеют основания расценить "Изменения" как капитуляцию, отказ от твердого курса. Нормализаторы, отказавшись от жесткого "языкового планирования", решили, видимо, предоставить процесс выработки нормы естественному, стихийному ходу событий.

Бесспорно, что дальнейшее развитие норвежского языка будет сложным процессом. Ведь другая официальная форма литературного языка "новононвежский", хотя число пользующихся ею сравнительно невелико,⁹ является важным фактором языковой ситуации в Норвегии. Слияние букмола и "новононвежского" в близком будущем представляется нереальным. Маловероятно и появление более или менее четкой нормы у букмола. Причины тому несколько, остановимся на главных. Любая языковая норма, коль скоро она отвергает часть форм, используемых членами языкового коллектива, не может быть в равной мере демократичной для всех, т.е. чтобы соблюдать ее, часть индивидов должна отказаться от ряда своих речевых навыков. В нынешней же Норвегии, после "Изменений" 1981 г., как мы пытались показать, установлена некая "демократия" для всех говорящих, поскольку огромное число вариантов получило официальный статус. Теперь любое ограничение этого числа, любое сужение вариативности неизбежно будет восприниматься как антидемократическая акция, как ущемление уже существующих прав части населения. Немаловажно, что при всех, порой значительных, отклонениях имеется известная корреляция между классовой принадлежностью индивида и степенью "радикальности"/"традиционности" его языка: речь трудящихся в целом более "радикальна", чем речь капиталистов, а речь тех, кто регулярно выступает в печати, публикуется и т.д., прежде всего интеллигенции, в общем, более "традицион-

на". Словом, любое изменение нынешнего *status quo* несомненно вызовет резкие протесты достаточно широких слоев норвежцев. Когда в стране норма складывается до демократизации общества, на значительно более ранних этапах его развития (как, например, это было в Дании и Швеции), она принимается теми слоями населения, речевой практика которых она противоречит, как уже данная реальность, с которой необходимо считаться. Иное дело, когда у индивида отнимают право следовать своим языковым привычкам — право, которое он уже имеет. Немаловажным моментом, далее, является и то, что для очень многих антиномия "радикальная" форма — "традиционная" форма — это вопрос не "что правильнее вообще", а "в какой речевой ситуации уместнее та или иная форма". Таким образом, если для одних "радикальная" форма — нейтральный способ выражения, то для других это стилистическое средство, необходимый элемент разговорного стиля.

Вместе с тем очевидно, что та уникальная языковая ситуация, которая сложилась в Норвегии — наличие двух официально равноправных форм литературного языка, одна из которых теперь фактически лишилась сколько-нибудь четкой нормы, весьма неблагоприятна. Нормализаторы оказались в положении "учеников чародея", которые, вызвав некие процессы, не смогли предвидеть последствий и предотвратить их. Норвежскому обществу предстоит долгий и болезненный путь к языковому единству.

П р и м е ч а н и я

¹ *Utdrag fra Utdrag fra Utdrag Nr.100 (1980-1981) Endringer i rettskrivning og læreboknormal for bokmål. S.1., v.v.*

² *Ny læreboknormal 1959. Oslo, 1959; Krogsvrud T. og Seip D.A. Norsk rettskrivningslære etter "Ny læreboknormal 1959". 15. utg. Oslo, 1959.*

³ Правила норвежской орфографии различают следующие формы слов: а) единственную (*eneform*); б) основную (*hovedform*) — тот из вариантов написания, который может использоваться в школьных учебниках; в) равноправные (*jamstilte former*) — когда оба варианта являются основными; г) альтернативную (*sideform*), которую нельзя использовать в учебниках.

⁴ Ряд стилистов признает неудачными формы родительного падежа существительных женского рода с определенным артиклем, поскольку граммема "родительный падеж" характерна в первую

очередь для книжного стиля, а графема "женский род" - для разговорной речи.

⁵ Даже весьма консервативный словарь "Riksmålsordboken" (Redaksjon: Tor Guttu e.s. Oslo, 1977) указывает для этого слова только форму с артиклем женского рода.

⁶ Vinje F.-E. Språksituasjonen i Norge. - In: De nordiske språkenees framtid. Lund, 1977, s.34.

⁷ Эта норма отражена в ряде работ, не имеющих официальной силы, например: R i k m å l s o r d b o k e n / Redaksjon: André Bjerke. Oslo, 1963; Riksmålsordboken (см. примечание 5); S o w a r d G. Kortfattet riksmålsgrammatikk. Oslo, 1958, и конечно, в обширном словаре: N o r s k riksmålsordbok. Bd. 1-2. Oslo, 1937-1957. К сожалению, эти работы не вполне адекватно отражают реальную речевую практику, ориентируясь на "консервативный риксмол".

⁸ Берков В.П. Языковое положение в Норвегии. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос) /Отв. ред. Н.И.Толстой. Л., 1983, с. 61-65.

⁹ Единственные регулярно публикуемые данные о роли "новонорвежского" - сведения о количестве учащихся с "основным" языком обучения в 9-летней школе. После длительного снижения число учеников, у которых "новонорвежский" является основным, стабилизировалось к середине 70-х годов, составив в 1976 г. 16,5%, в 1977 - 1980 гг. - 16,4%, в 1981 г. - 16,5% (S t a t i s t i s k a r b o k 1982. Oslo, Kongsvinger, 1982, s.372).

V.P.Berkov

Ny etappe i norsk språknormeringspolitikk

I artikkelen analyseres situasjonen i Norge etter godkjenningen av "Endringen i rettskrivning og læreboknormal for bokmål" av 1981. Mens den offisielle normen før 1981 var trass i sin lite realistiske karakter til en viss grad systematisk og konsekvent, mangler den nye normen (hvis den i det hele tatt kan kalles for norm) disse egenskapene idet den legaliserer et vrimmel av alternative former og i grunnen eldr fast at bokmålet ikke har noen enhetlig norm. Den vil neppe bringe landet språkfred: på den ene side har standardgsnorsk bare delvis fått anerkjennelse, på den andre har tilhengere av radikal norsk grunn til å betrakte "Endringene-81" som kapitulasjon, som oppgivelse av den tidligere nokså sty kurs. Norskens videre utvikling kommer til å bli en komplisert prosess: enhver endring av den nye situasjonen vil fremkalle protester fra ganske betraktelige lag av samfunnet

Г. В. Воронкова

О ФАКУЛЬТАТИВНОМ ВАРЬИРОВАНИИ
В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что факультативными аллофонами (вариантами) фонем называют звуки, встречающиеся в одной позиции и заменяющие друг друга, не изменяя при этом значения слова.¹ Основным критерием факультативного статуса аллофонов Л. Р. Зиндер считает отсутствие разрушения слова и возможности появления нового при замене одного звука другим.²

Представляется, что исследование особенностей факультативного варьирования фонем в том или ином языке может раскрыть те связи, которые существуют между динамикой системы фонем и стабильностью этой системы в пределах данного синхронного среза, показать мобильность системы, репрезентирующей, как известно, статическое состояние языка. Мы предполагаем, что факультативное варьирование фонем является свидетельством или каких-либо заканчивающихся, или начинающихся фонетических процессов. Однако сама природа этих процессов может быть различной и потому различными могут быть и природа, и специфика факультативного варьирования в звуковой системе языка.

Факультативное варьирование норвежских фонем [p, t, k] и их звонких коррелятов [b, d, g], называемое в скандинавской фонологической и фонетической традициях также *fortes* и *lenes*, *teipes* и *medie*, а также "твердыми" и "мягкими",³ является интересным примером, на котором можно проследить изменения в системе норвежского языка в процессе становления национальной нормы.

Различие в терминах, относящихся к указанным фонемам, не случайно и в значительной степени обусловлено сложностью их антропофонической природы. Установлено, что звонкость [b, d, g] различна в разных положениях и не абсолютна, так как голос при произнесении этих фонем появляется только на фазе эксплозии.⁴ Кроме того, фонемы [p, t, k] — аспирированные и сильные, в отличие от [b, d, g], которые являются неаспирированными и слабыми.⁵ Эти их особенности, по мнению М. И. Стеблин-Каменского, послужили, в частности, отправной точкой для одного из важней-

ших звуковых изменений, охватившего весь скандинавский ареал, а именно для передвижения смычных согласных.⁶

Следуя М.И.Стеблин-Каменскому, мы будем называть норвежские [p, t, k] и [b, d, g] не глухими и звонкими смычными, а "твёрдыми" и "мягкими", или *tenues* и *mediae*, поскольку они обозначают не только смычные, но и их щелевые и межскандинавские рефлексы, а также и потому, что звонкие [b, d, g] - в действительности полувзвонки в большинстве позиций.

В риксмале *tenues* и *mediae*, безусловно, фонемы. И этот вопрос не требует пояснений.⁷ В их смычном варианте они употребляются в норвежском либо факультативно в некоторых словах, либо в определенном морфологическом контексте. См., например, *antakelse* [án:ta:kəlsə] [án:ta:gəlsə]; *deltakelse* [dè:lta:kəlsə], [dè:lta:gəlsə], *deltaking* [dè:lta.kip], *mottaking* [mó:t(t)a.kip] и *lepe* [lè:pə], *lepestift* [lè:bəstif:t].
Формы с *tenues* могут быть обусловлены, таким образом, морфологией слова с суффиксом *-ip*, перед которым, как правило, произносится [k], не варьирующее с [g]. Чередование *tenues* и *mediae* в разных морфологических условиях можно наблюдать и в ряде других случаев. Ср. *not* - *overmodig* [mu:t - ð:vətmu.di]; *overflate* - *overflatisk* [ð:vərfla:tə - ð:vərfla.di:k], [ð:vərfla.ti:k].

В орфоэпических словарях часто даются просто дублетные формы.⁸ В спонтанной разговорной речи наблюдается также ситуация, при которой либо *tenues*, либо *mediae* оказываются более предпочтительными в тех или иных словах и выражениях. Слова высокого стиля сохраняют так называемые датско-норвежские формы.⁹ Ср. *kjøtt* в значении "мясо" и *kjød* вм. *kjøtt* в значении "плоть": *Jeg har kendt mig ildnet i ånden og kjødet*. - "Я почувствовал, что мое сердце похолодело, а кровь застыла"; *En tydelig mand af kjød fra taa til top*. - "Настоящий человек из плоти и крови" и *kjøttpudding* "мясной пудинг", *kjøtt til middag* "мясо к обеду".¹⁰ *Mediae* употребляются в таких словах, как *vitenakapelig*, *æpråkvitenakap* (научный стиль), или в выражениях типа *takk i like måte* "и вам спасибо", *om forlatelse* "прошу прощения" (при вежливом обращении). Насколько сильна тенденция употреблять *mediae* вместо исконных *tenues*, говорит,

в частности, то, что поэты рифмуют исконные *mediae* с датско-норвежскими *mediae*: *brød - lød, neget* (от *et nek*) - *meget*.¹¹

На стилистические факультативные фонемы (которые, правда, не называются так в норвежской "фонологической" литературе) указывал еще Storm (начало XX в.), классифицируя материал по отдельным звукам. Интервокальное [b] употребляется вместо [p] или [p:] в более высоком стиле: [ɛp:lə], [lɛp:ə] вм. "благородных" [əb:lə], [lə:bə] или [ləb:ə]. Как утверждает Storm, чаще говорят [skɑ:bə], чем [skɑ:pə], но всегда [skɑ:pevæi] и всегда [skɑ:bɛr], [skɑ:bəlav] (у Алнеса это слово дано также с [b], в то время как у Берульфсена с [p]); [skɑ:bnip]; в "народных" словах употребляют [p]: [trəl:aka:p]; в "ученых" - [b]: [kɪn:aka:b], [vɪ:dɪnka:b], [vɪ:dɪnka:bəli].¹²

Таким образом, [p] "твердое", или *tenues*, и [b] "мягкое", или *mediae*, можно считать стилистическими факультативными аллофонами соответствующего фонем.

Любопытно, что в Бергене употребляется форма с "твердым" [p]: [hɔ:pe], в то время как в "восточном городском говоре" (термин Storm) обычно говорят [hɔ:bə], т.е. употребляют более консервативную форму.

Особенности факультативного произношения норвежского [t], согласно Storm, сходны с особенностями произношения [p]. Его основные позиции - это интервокальная и конечная в кратком и долгом варианте. В перечне примеров, которые дает Storm, все [t] или конечные, или интервокальные, но не начальные. Ср.: *Fat, flat, Nat, huta, lat, lata, Mat, Gata, aat, Vaat-Gaata, graata, kaat, Maate, Båter, Pøter, Røter* и т.д. Ограничение дистрибуции [t] объясняется, по-видимому, тем, что именно в конечном и интервокальном положениях норвежское произношение отличается по звонкости от датского, где обычно [d]. В этой же связи Storm специально комментирует произношение слова *Sveite* (*Sveitte*) (дат. *Sved*) "пот", и особенно слова *svett* "потный" (дат. *svedt*), указывая, что здесь нужно произносить глухой дентальный, а не звонкий, как иногда произносят люди "с хорошим произношением" (*penttalende Folk*). Произношение

han er sved, указывает Storm, бессмысленно, так как Sved - это существительное, и произношение [d] в этом случае свидетельствует лишь о том, что произносящие sved хотят быть больше датчанами, чем сами датчане. Однако именно в интервокальном положении и в исходе слова возможно, как и в случае с губными смычными, факультативное звонкое произношение дентального смычного в таких словах, как [sɛd:et] (jeg har siddet), [sɛ:er], [kɔ:d], [gɛ:der], [gɛd:er]. Storm указывает также, что даже в так называемых dagligdagge ord, т.е. в обиходной речи, произношение [t] колеблется, когда речь становится более торжественной. Ср., например, Ånden vidner mod Kjødet. - "Душа с телом спорит". Ånden er villig, men kjødet er akropelig. - "Дух бодр, а плоть немощна". Произношение дентального mediae было обычно в словах научного стиля, а также в словах, которые иначе не произносились (ср.: [brud:, akad:, lod:] и т.д.). Storm указывает, кроме того, на "неправильное" произношение [t] вм. [d] в обиходной речи, например, [mu:t] mod, но [mù:di] modig, [tølmú:di] tålmodig, а также [ly:ter] вм. [ly:der] (de lyder godt), а даже часто [bò:tə], [bòt:ə] både.¹³ Таким образом, употребление конечного и интервокального [d] вм. [t], равно как и употребление конечного и интервокального [t] вм. "нормативного" [d] является, с одной стороны, фактом стилистической вариативности использования фонем [t] и [d], а с другой стороны, фактом перенесения звучания по аналогии.

Глухой смычный заднеязычный встречается в норвежском языке в основном в тех же позициях, что и глухие губно-губной и зубной (терминология Storma). Ср., например, [kà:ka, ta:k, tak:, tàk:a]. Storm указывает лишь, что норвежский, как и шведский, сохраняет старое [k] там, где датский имеет [g], и приводит несколько примеров с [k] в интервокальном положении: [å:ka, bå:ka, kà:ka].¹⁴

Ларсен, писавший в то же время, что и Storm, связывает употребление твердых и мягких согласных с социальными слоями норвежского общества. Так, он считает, что люди среднего достатка по тем или иным причинам не хотели отклоняться от произношения, типичного для Восточной Норвегии, не употребляли

"мягких" и произносили [gà:pə, grÿ:tə, kà:kə], в то время как учителя произносили [gà:wə, grÿ:ðə, kə:gwə], т.е. произносили по-датски.

Ларсен, как и Сторм, обращает внимание на то, что из-за двойного произношения смычных иногда происходила подмена одного звука другим. В заимствованных словах имело место появление исторически не обусловленного "твердого" (ср. фр. заимствование [ш:тə]). Невскоинные *tenues* появились также в некоторых диалектах (северных горных и западнонорвежских), например, в слове *Sud* [gm:t]. Смешением "твердых" и "мягких" Ларсен объясняет также появление "твердых" в безударном слоге в некоторых грамматических формах (например, в претерите слабых глаголов), там, где датчане пишут -ed, -ede и произносят [ð] - ср. [kàstət, ðivət]. Однако слово *marked* (в современном ослоском произношении) произносится с [d], в то время как *måned* имеет колеблющиеся формы: [mò:nət, mɔ:nəd, mò:ntə]; [ʒr:ət] произносится с [t], а [frè:məd] - с [d].¹⁵

Факультативность [t] и [d] и замена одной фонемы другой (скорее, все-таки факультативность их позиционных вариантов - конечного и интервокального) - особый случай влияния "буквенной фонологии", т.е. влияние письменного языка на устную норму.¹⁶

Хотя датская устная норма не получила распространения в Норвегии, так как не имела никакой народной основы, датская орфография, датская письменная норма, претендующая на роль национальной письменной нормы в Норвегии, оказала некоторое влияние на норвежскую устную норму, и это прежде всего сказалось в различном произношении исконных "твердых", или *tenues*. Колебания в произношении *tenues* и *mediae* имели, видимо, место в течение очень длительного периода (с XVI в.), но наблюдения фонетиков охватывают период приблизительно последних ста лет. Эти колебания также отчасти связаны и с орфографическими реформами в Норвегии (1907, 1917, 1938), которые предусматривали замену букв b, d, g на p, t, k (låpe вм. lþe, slite вм. slide, leke вм. lege и т.д.). Однако некоторые формы с b, d, g все-таки разрешались. Каж-

дая из реформ предоставляла все большую свободу выбора в отношении *b, d, g*. После реформы 1907 г. *b, d, g* остались в некоторых словах литературного характера (*med litterært preg*), которые, видимо, считались датскими заимствованиями, потому что они не употреблялись в народной речи (*folkemålet*), например в слове *ufortrøden*.¹⁷ Впоследствии формы с исконными "твердыми" медленно вытесняли "мягкие".

Логика норвежских орфографических реформ не совсем ясна. Например, не совсем понятно, почему "заимствованные" слова должны существовать в орфографии того языка, орфографическое влияние которого стремятся устранить. Дело, видимо, заключается в том, что орфографические реформы (и, в частности, реформа 1938 г.) давали обязательные написания не только для букмола (риксмола), в основе которого лежит ослоский говор, но и написания для нюношк (ланнсмола), основанного в значительной степени на западных норвежских диалектах. Эти две нормы были *a priori* противопоставлены друг другу, и их стали противопоставлять в орфографии и по употреблению букв *p, t, k - b, d, g*, тем более, что говор образованных людей, сохранявших неисконные "датские *b, d, g*" в некоторых словах, лежал в основу букмола (риксмола).

Обязательность сохранения букв *b, d, g* в некоторых словах могла послужить тем тормозом, который препятствовал интеграции исконных "твердых", или иначе *tenues*, из речи разных социальных слоев в норму. Только широкие социолингвистические исследования употребления дублетных форм с *tenues* и *mediae* могли бы пролить свет на их реальное использование в речи жителей Осло. Однако и материал, изученный нами, позволяет сделать выводы относительно специфики *tenues* и *mediae* в пределах синхронного среза в сто лет.

"Твердые" в застывших выражениях, литературных словах, некоторых словах из обдженной речи стали ощущаться как стилистические варианты "мягких" и продолжали употребляться в "датской" форме, особенно в речи старшего поколения. В речи молодого поколения они наблюдаются реже вследствие сужения круга таких слов (ср. наблюдения Сторма, Ларсена, Алнеса, Берульфсона), уменьшения влияния тех южнонорвежских диалектов, которые

в свое время оказывали влияние на речь определенных социальных кругов и "разрешения" писать "твердые".

Здесь уместно будет привести высказывание М.И. Стеблин-Каменского относительно норвежского смешанного городского говора, в основе которого лежало чтение датского текста. Он предполагает, что этот говор, существование которого прослеживается по свидетельствам второй половины XIII в., "мог быть более официальным и близким к датскому написанию или более просторечным и близким к местному диалекту... Вероятно также, что он все время испытывал влияние окружающей диалектальной среды и в связи с этим как-то изменялся".¹⁸ Колебания в употреблении *tenues* и *mediae* (и особенно в интервокальном положении, где отчетливо проявляется противопоставление глухих и звонких) являлось свидетельством того, что смешанный городской говор Осло постоянно испытывал влияние датского написания и в какой-то степени оёрланнского диалекта с его "мягкими" смычными.¹⁹

Непридыхательные глухие аллофоны *tenues*, факультативно употребляющиеся с непридыхательными звонкими аллофонами *mediae*, являются в норвежском языке особым типом факультативной субституции, возникшим под воздействием датской письменной нормы, а также в результате орфографических изменений в норвежской письменной норме начала XX в. Описываемый тип факультативного варьирования не имеет, на наш взгляд, перспектив для дальнейшего развития, о чем свидетельствует и его более редкое употребление в языке младшего поколения и все более частое употребление "не датских" фонетических форм в качестве факультативных. Мы можем отнести описываемый феномен к типу реликтовых явлений, постепенно уходящих из фонологической системы норвежского литературного языка (риксмол) в связи со становлением орфоэпической нормы, складывающейся на основе собственно норвежских фонетических традиций. Однако чередование *tenues* и *mediae* перед некоторыми морфемами может оказаться довольно стабильным явлением в морфологической системе норвежского языка.

Примечания

- 1 Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 53.
- 2 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979, с. 72.
- 3 Sivertsen E. *Fonologi*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976, s.76; Nasalev M. *Morfonemikk*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972, s.44, 48; Storm J. *Norsk Lydskrift med Omrida af Fonetiken*. - *Norvegia*, 1908, bd 1, s.73; Petursson M. *Drög að almennri og íslenskri hljóðfræði*. Reykjavík, 1976, s.34-35; Lundell J.A. *Norsk språk*. - *Norsk tidsskrift för vetenskap, konst och industri*, 1882, N 5, s.487; Стеблин-Каменский М.И. Скандинавское передвижение согласных. *Вопросы языкознания*, 1982, N I, с. 48-68.
- 4 Grosch O., Selmer E.W. *Håndbok i elementær fonetikk*. Oslo, 1930, s.77-78.
- 5 Vanvik A. *Norsk fonetikk*. Oslo, 1958, s.29-32.
- 6 Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч., с. 48.
- 7 Borgstrøm C. Hj. *Innføring i sprogvitenskap*. Oslo, 1958, s.41; Borgstrøm C.Hj. *Almen Sprogvidenskab*. København; Stockholm; Göteborg, 1964, s.24.
- 8 Alnæs I. *Norsk uttale-ordbok*. Oslo, 1925; Rulfsen B. *Norsk uttaleordbok*. Oslo, 1969.
- 9 Jerke A. *Hva er godt riksmål?* Oslo, 1962, s.95.
- 10 Ibid., s.95, 71-72.
- 11 Ibid., s.96.
- 12 Storm J. *Op. cit.*, s.80-82; Brekke R. *Bidrag til dansk-norskens lydlære*. - In: *Studier i norsk Sprogvidenskab*. I. *Fonologi*. Oslo, 1981, s.33-34.
- 13 Storm J. *Op. cit.*, s.82.
- 14 Ibid., s.141.
- 15 Larsen A.B. *Kristiania Bymål*. Kristiania, 1907, s.80-81.
- 16 Как известно, с конца XIV в. Норвегия перестала существовать как самостоятельное государство, в ней распространился датский письменный язык, который стал языком администрации (XVI в.), затем языком законодательства и судопроизводства (к концу XVI в.), в результате реформации - языком церкви, а после введения книгопечатания и распространения датских книг в стране датский язык в Норвегии стал языком книги вообще (Стеблин-Каменский М.И. *История скандинавских языков*. М.; Л., 1953, с. 73).
- 17 После первой орфографической реформы выходит целый ряд документов, регулирующих норвежскую орфографию, в том числе

так называемые "Læreboknormal"; см. также, например: Den ny rettskrivning i lærebøkene 1918; Indstatilligning fra Rettskrivningskomiteén 1917; Ny rettskrivning 1938. Regler og ordliste; Framlegg til skoleboknormal for bokmål 1939; Tilråding om ny rettskrivning 1936; Seip B.A. Gjennom 700 år. Fra diskusjonen om norsk språk. Oslo, 1954. В соответствии с орфографической реформой 1938 г. в букволе (риксмоле) были разрешены параллельные формы, в которых предпочтение отдавалось буквам b, d, g: advare, åtvare; -tagelig; -takelse; -tager, -taker. В соответствии с поправками к этой реформе предпочтение отдавалось в некоторых словах p, t, k: -takelig, -tagelig; -taker, -tager; åtvare; åtving (Framlegg til læreboknormal 1957. Oslo, s. 46; 51).

18 Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? (Норвежское языковое движение в тунике). - В кн.: Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языковедении. Л., 1974, с. 83.

19 На юге Норвегии, в так называемой мягкой полосе, произношение "мягких" вместо "твердых" типично. Так, в говоре Кристиансанна, который служил одно время образцом для "правильного" произношения в Осло, произносили [gɑ:ba] gare, [lɛi:de] lete, [kɑ:ga] kake, [sɑ:ga] søke (Johnsen A. Kristiania bymål. Oslo, 1942, s. 7).

G.V.Voronkova

Om fakultativ variasjon i norsk

I artikkelen beskrives stilistiske fakultative varianter av fonemene /p, t, k - b, d, g/ med særlig vekt på den diakroniske rollen som disse variantene spiller i det norske synkroniske lydsystemet. Det slås fast at oppkomst, spredning og bortfall av bløte konsonanter i noen stillinger skyldes påvirkning av dansk skriftspråk, norske rettskrivningsreformer og dialektene på Sørlandet. Fakultative bløte konsonanter dør bort i enkelte ord og uttrykk og blir igjen når de alternerer med harde plosiver på grensen til avledning/morfemer.

Н. Ю. Гвоздецкая

ОБОЗНАЧЕНИЯ "РАДОСТИ" В "СТАРШЕЙ ЭДДЕ"

Глоссарий к "Старшей Эдде"¹ содержит ряд лексем, переводными эквивалентами которых являются обозначения "радости",

ор. glādr adj. heiter, froh, stets ohne angabe des worüber; feginn adj. froh, im gegensatz zu glādr stets mit angabe des grundes; reifr adj. froh, munter; gaman n 1. freude (durch gesellschaft)... 2. freude (allg.) glaur m lärmender jubel, laute freude; bes. von der geselligkeit in der halle. На первый взгляд эта информация вполне достаточна для того, чтобы объединить данные слова в лексико-семантическую группу на основе общей семы "радость" и, анализируя примеры, попытаться описать их семантические особенности. Именно по такому пути идет К.Остхерен при построении лексико-семантического поля "радости" в древнеанглийском языке, объявляя "путеводной звездой" своего исследования "понятие", определяемое им как "приятное возбуждение чувства".² Вопрос о том, насколько четко вычленилось это понятие в сознании средневекового человека, в его работе не ставится.

Между тем очевидно, что перевод на современные языки весьма приблизительно отражает семантику древних слов, которые, по выражению М.И.Стеблин-Каменского, представляют собой "символы, приспособленные для выражения чего-то в сознании человека далекой от нас эпохи, сознании, совсем не похожем на наше".³ За сходством переводных эквивалентов может стоять единое осмысленное соответствующих мест памятника современным читателем, а не реальная константа средневекового сознания.

В ряде лингвистических работ встречается мысль о том, что понятие "чувства" неотделимо в значении некоторых древнегерманских слов от понятий, связанных либо с другими сферами психической жизни, либо с явлениями социального порядка. Так, др.-англ. *hete* или *gewin* — это одновременно и "ненависть", и "распря".⁴ В содержании др.-сакс. *wôa*, *hugi*, *wôaefo*, по мнению Г.Баккер,⁵ трудно разделить интеллект, волю, чувство (ср. также др.-исл. *hugr* "мужество, мысль, желание"). Думается, что диффузность понятия психической сферы является типологической особенностью древнегерманской абстрактной лексики, которую, на наш взгляд, следует соотносить с отсутствием интереса к внутреннему миру личности, отмеченным историками культуры в оригинальной древнегерманской литературе, с нечетким противопоставлением мира внутреннего миру внешнего в средневековом сознании.⁶

В сагах читатель узнает о переживаниях персонажей только по их внешним проявлениям. На наш взгляд, те же особенности характерны для очень многих ситуаций в "Эдде": о радости героев свидетельствует их смех. В то же время слова, которые традиционно считаются обозначениями "радости", встречаются в контекстах, допускающих разное осмысление, или даже в таких, которые противоречат радости.

Обозначения "радости" в современных языках, конечно, не всегда употребляются с целью сообщить исключительно о внутреннем переживании. Так, выражение "радости жизни" указывает, скорее, не на психический феномен, а на материальные блага или чувственные удовольствия. Наряду с подобными выражениями в современных языках существуют и другие, описывающие исключительно психическое событие ("почувствовать радость", "лицо светится радостью" и т.п.). Однако такого рода словосочетания отсутствуют в языке "Эдды".

В настоящей статье мы попытаемся показать, что типичные контексты употребления ряда лексем, трактуемых в глоссарии как обозначения "радости" (и являющиеся таковыми в современном исландском языке), указывают на принадлежность этих лексем к иной сфере понятий, нежели эмоции и чувства.

Употребление прил. *feginn* связано в "Эдде" почти исключительно с двумя мотивами — встречи и насыщения; перевод глоссария — "радостный" (всегда с указанием причины). В случаях, когда речь идет о насыщении, контекст не дает основания утверждать, что имеется в виду душевный настрой, а не удовлетворение физической потребности. *Nótt varðr feginn, /sá er næsti trúir (Háv, 74)* — "Ночью сит тот, кто довернет (своим) припасам" (т.е. кто позаботился о них заранее); *þá heyrir þú / hrafnna gjalla, / orno gjalla, /selli fegna (Gör II, 8)*. — "Тогда услышишь, как вороны кричат, орлы кричат, кормом довольные" (или "кормом ситые", ср. формульную полустроку *orno vadda* (нн, 35) "орлы насытившиеся", где в похожей ситуации употреблено причастие от глагола *veðia* "насыщать"). Мотивы встречи и насыщения своеобразно переплетены в *НН II, 43* и *Гм, 25*. В *НН II, 43* Сяггун так говорит о своем состоянии при встрече с Хельти: *Nú em ec svá fegin/fundi ocrom/sem átfrekir/Óðins haugar,*

/er val vito, /vignyt bráðir (НН II, 43). Меч, который отирает о траву "довольный победой" (gagní feginn Fm, 25) Сигурд, заставляет вспомнить об острых мечей, которыми "настигал орлов" Хельги (ос mett aga/ oddom zaddas НН II, 8). В Ам, 69 мотив насыщения отсутствует в контексте строфы, но есть в более широком контексте песни: Гудрун устраивает Атли торжественную встречу и, мстя за смерть братьев, заставляет его отведать мяса собственных сыновей.

Ограничение употребления feginn контекстами встречи и насыщения объясняется, по нашему мнению, его семантико-деривационными связями с глаголом fagna "оказывать гостю хороший прием" (ср. формульное выражение honum var vel fagnat). Эти связи позволяют высказать предположение о первоначальном смысле feginn — это "состояние гостя, которому оказан подобающий прием". Таковой включал достойное приветствие (ср. Gr, 5), обильное угощение и всяческую заботу о нуждах гостя (ср. Ам, 6). Выражение радостных эмоций, которое, конечно, могло иметь место в действительности, не считалось достойным упоминания, и потому нет необходимости особо выделять его в семантике fagna (как это сделано в толковании глоссария: freudig begrüßen "радостно приветствовать"), тем более, что иногда подобное истолкование противоречит смыслу ситуации: едва ли с легкой душой встречала братьев Гудрун, ранее посланная им предупреждение об опасности (вполне достаточной представляется трактовка полустроки os fagnaði komum (Ам, 47), данная в переводе А. Корсуна — "братьев встречая, как подобало"⁷). "Ситый", "удовлетворенный приемом", наконец, просто "удовлетворенный" или "довольный" — таковы варианты первоначально единого смысла, нашедшие отражение в языке "Эдды". Смысл "радостный" (конечный результат семантического развития), возможно, присутствует уже в "Эдде", но он неотделим от прочих смыслов и не противопоставлен им в контексте, поэтому трактовка feginn в глоссарии представляется модернизированной. Интересно, что об этимологических связях feginn напоминает иногда даже не ситуация, а деталь словесного окружения. Так, о трусливом Хьялли говорится, что он был бы очень доволен, если бы мог "принять жизнь как дар", т.е. если бы

ему даровали жизнь: *feginn léx þó Hialli, /at hann fiqr þægi* (Am, 63) – глагол *þiggia* часто употребляется в "Эдде" в смысле "принимать дар", ср. Akv, 33.

Взаимоотношения хозяина и гостя (одаривающего и одариваемого) прослеживаются также в контексте употребления прил. *reifr* (перевод глоссария – "радостный, веселый"), связанного с ситуациями гостеприимства (Háv, 15, 103) и пира (композиты *biór-reifr* и *ql-reifr*, первая часть которых – обозначения пива). Перевод глоссария подчеркивает в однокорневом глаголе *reifa* как духовный, так и материальный аспекты (*erfreuen, beschenken* "радоваться, одаривать"). На наш взгляд, однотипная сочетаемость глагола (всегда с обозначениями золота в качестве дополнения) говорит в пользу второго, материального, аспекта значения и позволяет толковать этот глагол как "одаривать". В таком случае тот, кто *við gesti reifr* (Háv, 103), – это "одаривающий → щедрый" (ср. также Háv, 15, толкование см. в связи с *gláðr*); *biór-* или *ql-reifr* – это "одариваемый (тот, кого угостили пивом) → хмельной" (опьянение больше, чем веселость, подчеркивается в соответствующих контекстах: Браги, которого пришлось "усмирять" (кутта) на пиру из-за его неподобающих речей; воины Брунрекка, не услышавшие стука копья).

Наиболее многочисленны примеры с прил. *gláðr* (перевод глоссария – "веселый, радостный" (всегда без указания причины)), которое выступает также в составе имени собственного. Имя мифологического коня *Gláðr* имеет два толкования: "веселый" (J. de Vries) и "гладкий, блестящий" (H. Kuhn). Второе толкование, ориентированное на древнейшее, этимологическое значение слова, в большей степени отвечает как характеру мифологической номинации, так и поэтическому контексту. Другие имена коней в этой туде либо обозначают внешность и внешне воспринимаемые особенности поведения коня (*Falhófnir* "мохноногий", *Sceiðbrimir* "храпящий" и др.), либо дают мифологическим коням идеализирующую оценку, основанную на впечатлении блеска и света, в частности блеска золота (*Glær* "светящийся", этимологически родственно *Gláðr*; *Gísl* "сияющий"; *Gyllir* "золотистый"; *Gulltorpr* "с золотистой холкой"). Заметим, что именно последняя группа имен образует аллитерационный "каркас" парных

строк, в который включен и *gláðr* (ср. также параллелизм *gláðr* и *gláð*, каждое из которых начинает строку): *Gláðr oc Gyllir, / Glægr oc Sceiðbrimir ... Gláð oc Falhófnir, / Gulltoppr oc Léttfeti* (Grm, 30).

Мифологический топоним *Gláðsheimr*, скорее, - "мир блеска", чем "мир радости" (как он обычно переводится). Это осмысление подтверждается, на наш взгляд, и характером номинации в других топонимах того же рода (*Breidablic* "Широкий блеск", *Glitnir* "Блестящий", *Glavir* "Блестящий"), и мотивировкой подобных названий блеском золота: *Glitnir er inn tiundi, / hann er gulli studdr* (Grm, 15); *Glavir stendr / með gullnu laufi / fyrir Sig-týs vqlum* (SnE, 113).⁸ В обоих случаях название топонима и название мотивирующего признака приходятся на аллитерирующие вершинки строки. Тем же особенностями лексики и стиха отмечена полустрофа в Grm, 8: *Gláðsheimr heitir inn fimti, / þars en gullbiarta / valhqill víð of þrumir*. В "Младшей Эдде" при упоминании данного топонима тоже сообщается о золотом убранстве этого жилища богов (SnE, 22).

В роли эпитета *gláðr* встречается в ситуациях, которые на первый взгляд вполне могут подразумевать радостные эмоции или подъем духа: игра на арфе (Ver, 42), пир богов (Grm, 7, 13) или героев (Lkv, 33), встреча гостя (Gr, 3, 19) или возлюбленной (НН II, 14), сражение (НН, 49) или месть (Sg, 31). Однако во многих случаях анализ контекста позволяет обнаружить противоречивость подобной трактовки. Игра на арфе, атрибут древнегерманского пира, могла, однако, сопровождать и трагические ситуации, ср. игру Гуннара, брошенного в змеиный ров. Играющий на арфе Эггдер (*g'giar hirðir, / gláðr Eggðér* (Ver, 42) в переводе А. Корсуна "пастух великаны, Эггдер веселый") упомянут в контексте описания конца мира, "гибели богов"; Эггдер сидит на могильном кургане - *á haugi*, под "деревом повешенных" - *gálgviðr*. Смех Бринхильд после убийства Сигурда, по мнению М. И. Стеблин-Каменского, - не радостный, а "героический" смех⁹ (ср. Sg, 31). Хельги, которому признается в любви Сигрун, обещает ей поддержку, никак более не выражая своих чувств. В прозаическом отрывке, предшествующем НН II, 14, сказано только, что Хельги был очень утомлен боем. Пророчество Гринпира о том, что

Сигурду суждено быть гостем Хеймира (*gláfr gestr*, Grp, 19), су-
лит Сигурду смерть. По-видимому, в этих примерах эпитет не
описывает состояния героев, а является украшающим. Украшающий
характер данного прилагательного подчеркнут тем, что оно несет
высокую поэтическую нагрузку¹⁰ - всегда (за одним исключением)
аллитерирует и обычно участвует в эпической вариации. Поэтому
представляется вполне вероятным, что в роли эпитета, как и в
имени собственном, *gláfr* сохраняет значение "блестящий" -
прилагательные света и блеска (*hvítr*, *líóen*, *bleíkr*, *esírr*,
blátr) широко представлены в "Эдде" как украшающие эпитеты и
имеют тенденцию к переходу в имя собственное (ср. *Svánhvít*
"Лебяжьесветлая" и *Hróðrglǫð* "Славносветлая").¹¹ Приведем при-
меры употребления *gláfr* и *blátr* в сходных формульных выра-
жениях: *Ílægaði af því, / heiptgiǫrn kona, / glǫð á gólfí, /*
af þér góða víti (Zg, 31) - "Не от того ты смеешься, злобная же-
нщина, светлая в доме, что доброе задумала" и *Ísær var es meúa,
/ móðir mic fœddi, / bígrt í buri* (Gðr II, 1) - "Была я дево́й,
мать меня воспитала, светлая в доме"; *Þiggja knáttu, þengill /*
í þínni hǫllo / gláfr at Guðrúno / gnædda niflfarna (Akv, 33) -
"Принять можешь, князь, светлый от Гудрун, в своей палате, де-
тенышей, во мрак ушедших" и *en þani Bella, / blátr, at Surti*
(Var, 53) - "А Бэли убойца, светлый, на Сурта".

В целом украшающему эпитету в "Эдде" свойственно описы-
вать не внутренние переживания и душевные состояния, а внеш-
ность человека или героические добродетели.¹² Примечательно,
что др.-англ. *glæd* в "Беовульфе", этимологически родственное
gláfr и тоже выступающее в роли украшающего эпитета (ср. *glæ-
dir Ylfingar* (NH, 49) и *glæde Scyldingas* (B, 58), обычно тол-
куется как "славный", "благородный", "милостивый" (С. L. Wrenn,
Fr. Klaeber) или "величественный, статный" (Heine-Schücking).
Думается, что подобная трактовка не исключена и для *gláfr*.
Так, в "Пророчестве Грипира" *gláfr* участвует в эпической ва-
риации наравне с такими постоянными эпитетами конунга, как
hǫfver, gegn, snotr, ítr, mætr. Ср. также вариацию внутри
строки: *gofuct líð gylfa, / gládir Ylfingar* (NH, 49). В сущно-
сти, семантика *gláfr* могла бы быть подана в словарном толко-
вании в очень широких рамках, как это сделано, например, для
прилаг. *gegn*: *lobendes Beiwort: klug od. wohlwollend od. ge-*
46

recht. Употребление украшающего эпитета для характеристики героя направлено на то, чтобы подчеркнуть идеальный характер этого героя, чем и обусловлена "размытость" семантики такого рода прилагательных.

Более точного определения требует значение *glædr* там, где от прилагательного зависит весь смысл высказывания. Ам 6 обнаруживает параллель с др.-англ. *glæd* в значении "дружелюбный, приветливый" (*Wætm, Klæber*), ср. *veð við gættas glæd /geofena gemundig* (В, 1173).— "Будь с гостями приветлив и помни о дарах" (обращение Вальхтесов к Хродгару на пиру) и *Glöð var os Glásmör, / ... / hústi um þorf gesta* "Приветливая была и Глаумвер... заботилась о нуждах гостей" (речь идет о выполнении долга гостеприимства, причем выражение *glöð var* варьирует клягюл *qvæddi* "приветствовала"; о поведении хозяина см. также *Háv, 103*). В Ам, 60 и *Fm, 31* *glædr* варьирует обозначения смелого, решительного: *Hvortum er betra, / ... glöðum er betra* (*Fm, 31*); *Gör, sem til lystir! / glædr minn þess víða, / gæsr minn þér reynaz* (Ам, 60). Возможно, здесь актуализируется одно из значений *glædr* в роли украшающего эпитета ("храбрый"). В Ам, 60 (слова Хитти перед казнью) философское понятие "радости в страдании" противоречило бы чуждому рефлексии мировосприятию эпического героя. Той же бодрой готовости пред лицом смерти учит строфа из "Речей Высокого": *glædr os reifr/æyli dýama hverr, / um vinn víðr dala* (*Háv, 15*), в переводе А.Корсуна: "каждый да будет весел и добр до часа кончины". По нашему мнению, здесь речь идет не об эмоциональном состоянии ("весел"), а о тех добродетелях, которые упомянуты в *Háv 48*: *mildir, fróenir / menn bast lífa*. — "Щедрые, смелые счастливы в жизни".

В глоссарии у *gaman* два значения: 1. "радость обращения"; 2. "радость" (вообще). Примеры с *gaman* действительно делаются на те, где говорится об общении людей, и те, где таковой смысл отсутствует. Можно, однако, сомневаться, что объединяет эти примеры именно "чувство радости". В *Háv, 114* *gaman* упомянуто при перечислении всего, чего лишается человек, охваченный любовной страстью: *hon svá gærir, / at þú gair eigi/þing né þibðans máls; / mat .þú né villat/né mannaeis gaman, / ferr þú*

vorgafullr at vofa. В данной отрывке упоминаются тинг и тьябн, еда и сон — основы физического и социального существования человека. Тот же мотив и почти в тех же выражениях присутствует в Grp, 29: Non firrir þic / flesto gamni, / fagr állti / föstrá Heims; / svefn þú né sefr, / né um vasar dömir, / gágaði manna, / nema þú mey vér. — "Она лишит тебя всех благ, прекрасная воспитанница Хеймира; не будешь ни спать, ни участвовать в тьябах, ни замечать людей, пока не увидишь деву". Здесь тоже идет речь о сне, тьябах, общении с людьми, но слова, обозначающие эти понятия, следуют за gaman, как бы расшифровывая его смысл. Таким образом, круг объединяемых данным словом явлений показывает, что заключенное в нем понятие не только несводимо к "радости" как внутреннему переживанию, но и глубже, чем просто "общение с людьми", как переводит gaman X. Геринг.¹³ Точнее было бы сказать, что gaman отражает не сам процесс общения, а его результат — те блага, которыми может воспользоваться только человек, связанный сетью социальных отношений с другими людьми. Эти блага подразумевают не только взаимоотношения людей, но и предметы, в которых они материализуются.¹⁴ Думается, что Háv,⁴⁷ следует понимать не столько в плане духовных богатств, сколько в связи со средневековым "институтом дарения",¹⁵ и auðigr "богатый" имеет здесь прямой, а не переносный смысл: Ungi var es forðom, / fóg es einn vaman, / þá varð es villr vege; / auðigr þóttomz, / er es annan fann, það er manna gaman. — "Некогда я был молод, отправился в путь в одиночку, и заблудился; богатым счел себя, встретив другого, человек человеку — благо".

Связь gaman с богатством (auðr) и едой (matr) прослеживается в NN 11,33: Þá væri þér hefnt / Helga dauða, / ef þú værir vargr / á viðom úti, / auða andvani / oc allz gamans, / hefðir eigi mat, / nema á hægum srgungir. — "Было бы отомщено за смерть Хельги, если бы ты стал волком (vargr значит также "преступник, изгнанник") в лесу, лишенный богатства и всех благ, не имел бы еды, разве бы только набрасывался на трупы". Контекстуальная и понятийная связь слов gaman, auðr и matr подчеркивает не только материальный аспект понятия, обозначаемого gaman, но и социальную окраску auðr и matr. Лишение

изгнанника еды предполагает не голодную смерть, а удовлетворение голода падалью (как об этом говорится в отрывке), т.е. социально не принятым способом (ср. в *Skm*,35 угрозу Скирнира, что Герд придется пить козью мочу). Возможно, как нарушение людских обычаев следует рассматривать и упоминавшееся выше лишение сна - бодрствовать ночью свойственно нечеловеческим существам; ср. в этой связи также кеннинг ночи *vefngaman* (*Alv*, 30) "благо сна". Суц. *aubr* часто употребляется как синоним изделий из золота (ср. формулу *aubr oc hringa* (*HN I*,11) относимую к разряду тавтологических¹⁶), а в *Vsp*,7 обозначает продукт кузнечного ремесла (*aubr vmiðoðo*), т.е. служит воплощением общественного труда (упоминается в повествовании о сотворении мира в связи с учреждением религиозного культа и ремесла). Связь *gaman* с понятием богатства позволяет думать, что Гуннхильд предлагает Гудрун шьющих золотом гуннских девушек не для развлечения (*avá at þér gaman þicci* (*öbr II*, 26) - в переводе А.Корсуна "тебе на забаву"), не для того, чтобы расквитаться скорью по убитому Сигурду, а как богатство, как возмещение за нанесенный убийством ущерб (ср. рабынь и дорогие уборы в *Am*, 70, которых Атан предлагает Гудрун за убийство ее братьев). Переплетение мотивов богатства и еды можно видеть в "золоторогих коровах" великана Трима, называемых им наряду с прочими богатствами, среди которых не хватало красавицы Фрейи (*Þrk*,23). Таким образом, в круг понятий, с которыми ассоциируется *gaman*, входит любовная связь (см. также *Vm*, 32, *Skm*,39, 41, *Hrb1*, 30, *Háv*, 99, 161).

Угрозу отторжения от мира людей на равные лады варьирует в своих заклинаниях Скирнир, чьи проклятия включают лишение Герд не только *gaman*, но и *glaustr* (в глоссарии толкуется как "шумное веселье, особенно на пиру"), ср. *Skm*,30 и 34. Контекстуальное обличение этих двух слов, которое наблюдается и в других примерах (ср. формульные выражения с прил. *andvani* "лишенный": *aubr andvani/ oc alla gamana* (*HN II*, 33) и *enn þú, gramr, riðir/ glaumr andvani* (*Br*, 16)), позволяет предположить, что в значении *glaustr* на первый план индвигается ценностный аспект пира, пир как средство поддержания социальных связей в варварском обществе. В *Br*,16 лишенный *glaustr* оказывается ведомый на казнь Гулиар. Мотив смерти, перекликающийся с мотивом изгнания, звучит также и в проклятиях Скирнира.

В "Речах Высокого" гаман появляется в композите гаман-гáнаг в связи с советом добиваться взаимного согласия и поддержки у доброго человека (в беседе?): *göðan mann/ teygðo þér at gamanþínom, / oc nem lísnargaldr, meðan þú lifir (Háv, 120)*, причем соседство с *lísnargaldr* "благие заветья" указывает, возможно, на сакральную природу понятия, обозначенного композитом. Контекстуальное и смысловое "средство" гаман с *göðr* "хороший, добрый" и *galdr* "заветья" видно в *3d, 5*, причем здесь оно скреплено также средством поэтическим (все три слова аллитерируют между собой: *göðra galdra / oc gamanþínom*). Сигурда, вопрошающего Грипира о судьбе Гуннара (*þan Gunnari / til gamans gábit (Grp, 44)*) и своей собственной судьбе, интересуется, конечно, сколь "благим" будет его хребий, и "радость" в переводе А. Корсуна — это явная модернизация ("Будет ли Гуннару хребием радость"), приписывание эпическому герою способности осознавать свои эмоции как ценность.

Определить обозначаемое гаман понятие ("благо социализации?") потому оказывается так трудно, что "абстрактные" слова современных языков ("благо", "польза" и т.п.) кажутся для его передачи слишком общими, в то время как попытка конкретизировать их приводит к перечислению явлений, представлявшихся порой внутренне не связанными современному человеку. Лучше всего эту особенность древних понятий выразил В. Грэнбек: "Они указывают одновременно на нечто духовное и на нечто материальное, однако отсутствует стик (шов), где встречались бы материя и дук".¹⁷

П р и м е ч а н и я

¹ Здесь и далее ссылка на издание: E d d a. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrg. von G. Neckel. II. Kurzes Wörterbuch von H. Kuhn. Dritte umgearbeitete Auflage des Kommentierenden Glossars. Heidelberg, 1968.

² O a t h e r g e n K. Studien zum Begriff der "Freude" und seinen Ausdrucksmitteln in altenglischen Texten (Poesie, Alfred, Aelfrik). Berlin, 1959.

³ С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. Мир саги. Л., 1971, с. 7.

⁴ По этой причине В. Кольвайн считает понятийные схемы Доризайфа и Халлинга-Вартбурга непригодными для классификации древнеанглийских слов (K u h l w e i n W. Die Verwendung der Feindseligkeitsbezeichnungen in der altenglischen Dichtersprache. Neumünster, 1967, S. 56).

⁵ В е с к е р G. "Geist" und "Seele" im Altsächsischen und im Althochdeutschen. Heidelberg, 1964.

⁶ С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. 1) Мир саги; 2) Маф. Л., 1976; Г у р е в и ч Е.А. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁷ Здесь и далее переводы А. Корсуна цитируются по изданию: Б е о в у л ь ф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах (Библиотека всемирной литературы. Серия первая, т.9). М., 1973.

⁸ Цит. по: E d d a Snorra Sturlusonar. Þórleifr Jónsson gaf út. Kaupmannahöfn, 1875.

⁹ S t e b l i n - K a m e n s k i j M.I. Valkyries and heroes. - Arkiv för nordisk filologi 97 (1982), s.83-84.

¹⁰ О связи поэтической и семантической значимости слов в древнегерманской аллитерационной поэзии см.: С м и р н и ц к а я О.А. Синонимические системы в "Беовульфе". - Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 1980, № 5, с. 44-57.

¹¹ Об украшающем эпитете в "Эдде" см.: М е л е т н и - с к и й Е.М. "Эдда" и ранние формы эпоса. М., 1968.

¹² Н е i n r i c h a Н.М. Stilbedeutung des Adjektiva in eddischen Heldenlieder. Würzburg, 1938.

¹³ С e r i n g Н. Glossar zu den Liedern der Edda. Paderborn, 1923.

¹⁴ О взаимоотношении в "Эдде" героя и вещей см.: Г у - р е в и ч А.Я. "Эдда" и сага. М., 1979.

¹⁵ О роли даров в средневековом обществе см.: Г у р е - в и ч А.Я. Категории средневековой культуры.

¹⁶ Г у р е в и ч Е.А. Парная формула в эддической поэзии: Опыт анализа. - В кн.: Художественный язык средневековья /Отв. ред. В.А.Карпушин. М., 1982, с. 65.

¹⁷ Цит. по: S c h l e n k K.F. Studien zum Gebrauch vom *draem* in der angel-sächsischen Poesie. Marburg, 1950, S.10.

N.Ju. Gvozdetckaja

Beteckningar för "gläsje" i "Äldre Eddan"

Med hjälp av kontextanalys bevisar författaren att betydelseerna av de fornisländska ord, vilka brukar översättas i Eddas glossarium med moderna beteckningar för "gläsje", tillhör ett annat begreppsområde.

ЛЕКСИКО-КОНСТРУКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Шведский язык имеет ограниченный набор словообразовательных средств для выражения аспектуальности, точнее — акциональных значений, для чего широко используются лексико-конструктивные средства, представленные в виде глагольных аналитических (и полуаналитических) конструкций, которые возникли в результате полной или частичной десемантизации одного из компонентов свободного словосочетания. Эти средства выступают как готовые конструктивные единицы языка с общей синтаксической функцией, грамматический и смысловой центры которых приходится на разные глаголы.

Наиболее близко к свободным словосочетаниям стоят конструкции, имеющие в качестве вспомогательных (полуспомогательных) компонентов фазовые глаголы со значениями начала, продолжения и прекращения действия. В составе конструкций эти глаголы передают общую идею соответствующего этапа действия, которое конкретизируется вторым компонентом конструкций — инфинитивом знаменательного глагола: *börja tala*. Семантика подобных конструкций представляется как сумма значений — общего (акционального) и частного (лексического).

Вспомогательные компоненты других конструкций прошли большой путь десемантизации. В некоторых случаях акциональное значение бывает свойственно конструкции в целом, семантика конструкции не представляет собой сумму значений, входящих в ее состав компонентов: *hålla på att falla omkull*.

Вспомогательные компоненты являются грамматическим центром конструкций; они могут быть единственным показателем их формы, но могут и спрягаться одновременно с грамматически зависимыми знаменательными компонентами. Одно и то же акциональное значение обычно находит выражение в нескольких синонимических конструкциях. Поэтому рассмотрение лексико-конструктивных средств производится на основе общности выражаемых ими акциональных значений. Выделяются следующие "аналитические способы действия" (в дальнейшем — СД): (1) начинательный, (2) процес-

сний, (3) конкретно-процессный, (4) финитивный, (5) многократный, (6) квазирезультативный, (7) окказионально-результативный и (8) эффективный.

(1) Начинательный СД обозначает приступ к действию безотносительно к достижению его результативного предела. Начинательное значение передается следующими аналитическими конструкциями: „börja (att) + инфинитив“, „ge sig till att + инфинитив“, „gripa sig an med att + инфинитив“, „komma sig för att + инфинитив“, „sätta igång (med) att + инфинитив“, „ta sig att + инфинитив“, „åta sig att + инфинитив“¹.

Основной, доминантной, является конструкция со вспомогательным глаголом börja, который используется преимущественно без инфинитивной частицы att. Глагол börja сочетается с разнообразными неопределенными и предельными глаголами (III- и II-глаголами); исключение составляют те глаголы, семантика которых противоречит значению начинательности: из III-глаголов — это реляционные глаголы типа duga, tillhöra; из II-глаголов — глаголы с моментальным и одноактным значениями (bosma, blixtra till osv.). Напр.: Mörkret tätnade omkring honom, och först sedan den sista vagnen passerat, började han gå (Nordkvist). — "Мрак окутался вокруг него, и он пошел не дожидаясь, пока пройдет последний вагон"; Han började klä på sig snabbt (Lang). — "Он поспешно стал одеваться".

Начинательные конструкции с другими вспомогательными глаголами встречаются реже. Их использование ограничено в основном рамками разговорной речи, а значение начинательности сопровождается оттенком преднамеренности, волеизъявления: Och jag... satte igång att tjuta fast ingen annan gjorde det och fast jag snarare borde vara glad att han är död (Lang). — "И я разрыдалась, хотя все стояли молча и хотя мне скорее следовало бы радоваться тому, что он умер"; Anita stog sig att koka kaffe (Olsson). — "Анита принялась готовить кофе".

Как показывает примеры, шведским конструкциям в русском языке соответствует синтетические и аналитические образования. Подобно шведским, русские аналитические конструкции, выражающие начинательность, довольно многочисленны и разнообразны как по оттенкам акционального значения, так и по сопровождающим это значение модальным признакам.

(2) Процессный СД представлен двумя разновидностями конструкций, отличающихся друг от друга оттенками процессности: одни конструкции характеризуют процессность как действие длительное и повторяемое, другие — как длительное и постоянное.

Выражение длительного и повторяемого продолжения действий производится следующими конструкциями: "fortsätta (med) att + инфинитив", "fortfara att + инфинитив", а также конструкциями типа "gråta och gråta". Глагол *fortsätta* встречается в конструкциях с параллельно спрягаемой формой знаменательного глагола. Конструкции с глаголом *fortfara* больше свойственны устаревшим нормам шведского языка. Напр.: *Oleoon fortsatte att fråga utan att få något svar* (Nordkvist) "Ульссон продолжал спрашивать, не получая никакого ответа"; *Smirre gav var så ivrig, att han fortfor att dansa runt efter svansen en lång stund* (Lagerlöf) "Смирре был настолько упрям, что еще долгое время продолжал гоняться за собственным хвостом".

В указанных конструкциях употребляются как III-, так и II-глаголы, кроме большинства моментальных и одноактных, а также реляционных глаголов. Конструкции обычно используются в формах презенса и претерита, значительно реже — в формах других времен.

Значение длительного и постоянного продолжения действия (и состояния) передается конструкциями типа "*ligga och vila*". Знаменательный компонент в данных конструкциях имеет те же спрягаемые формы, что и вспомогательный. Кроме глагола *ligga* в качестве вспомогательных выступают глаголы *gå*, *sitta* и *stå*. Различия между ними заключаются в их способности сочетаться со значимыми глаголами. Так, для глагола *gå* возможны сочетания с глаголами перемещения типа *gå och bära*, но не с глаголами горизонтального положения, что характерно для вспомогательного глагола *ligga* (*ligga och sova*). Хотя лексическое значение вспомогательных глаголов определяет их сочетаемостные возможности, они несомненно прошли значительный путь десемантизации, поскольку в конструкциях решающую роль играет не лексическое, а их аспектуальное значение. Напр.: *Sykonen gick och talade om morgon hela dagen* (Lagerkvist). "Братья и сестры весь день только и говорили, что о бабушке"; *Anders*

satt och såg på henne hela tiden (Lagerkvist) - "Андрес все смотрел и смотрел на нее".

В составе анализируемых конструкций обычно употребляются III-глаголы, за исключением реляционных. Как правило, эти конструкции стоят в форме претерита или презенса, форма футурума в наших примерах вообще не представлена.

В русском языке инфинитивные сочетания, выражающие длительное и повторяемое продолжение действия, как и в шведском, "скудны и односторонни по семантике".² В русском языке существуют и словосочетания с глаголами "ходить", "сидеть" и т.д., близкие по значению шведским длительно-постоянным конструкциям. Однако в русском эти глаголы сохраняют самостоятельное лексическое значение в составе словосочетаний и не используются в качестве акциональных модификаторов. Словосочетания с ними не имеют такого широкого распространения, как соответствующие шведские конструкции. В отличие от последних, они предназначены для выражения субъективно-модальных значений, сфера их употребления - разговорная речь,³ ср.: ходили и говорили; сидел и смотрел.

Глагол *gå* занимает особое место среди прочих вспомогательных глаголов длительно-постоянных конструкций. В силу своего двойственного аспектуального характера он употребляется в составе двух различных конструкций: в сочетании с III-глаголами он образует конструкции анализируемого СД, с II-глаголами - эффективный СД.

(3) Конкретно-процессный СД обозначает акцентированный признак действия в его конкретном течении. Близкие по семантике конкретно-процессные конструкции существуют в различных романских языках, в английском конкретно-процессное значение свойственно грамматическим формам прогрессива.

Основным средством выражения конкретно-процессного значения в шведском языке является конструкция *hålla på (med) att + инфинитив* или *hålla på och + параллельно спрягаемая форма глагола* (свойственна разговорной речи). Вспомогательный глагол *hålla på*⁴ сочетается как с III-, так и с II-глаголами, кроме реляционных и некоторых стальных (*stå, hänga* и т.п.), а также глаголов с моментальным и одноактным значением. Кон-

струкция функционирует главным образом в формах презенса и претерита, прочие формы, особенно футурум, встречаются редко. Напр.: — Jo, här håller du på och pratar och ogerar, men säg: kommer du verkligen att mörda gisslan ajälv? — Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты старуху или нет?" (Достоевский); Vinden höll på att ändra riktning och havet beredde sig att störta sig över ön norrifrån (Lang). "Петер менялся, и море готовилось обрушиться на остров с севера".

Конкретно-процессное значение передается и конструкцией vara ute och + параллельно спрягаемая форма глагола: Bodjagin var ute och for med sitt folk i distriktet. "Бодягин с прототрядом сейчас каруселирует по округу" (Шолохов).

В русском языке конкретно-процессное значение не имеет специального выражения и передается средствами контекста, например сочетанием сказуемого с обстоятельственными распространителями конкретной временной локализации типа "теперь".

(4) Финитивный СД обозначает прекращение действия, независимо от того, достигнут или не достигнут какой-либо его результат. Финитивность передается следующими конструкциями:

sluta (att) + инфинитив, upphöra (att) + инфинитив. Фазовый глагол sluta может употребляться с постфиксами ned и upp, акцентирующими признак акциональности. Конструкция с глаголом upphöra имеет книжное употребление. Вспомогательные глаголы образуют конструкции совместно с НП-глаголами, за исключением реляционных. Напр.: De slutade äta och fadern tog adjö (Lagerkvist). "Закончили есть, и отец попрощался"; Om skribenterna kunde förutse hur varje ord skall bli ihågkommet och vänt emot dem skulle de flitiga pennorna... upphöra att arbeta (Lang). — "Если бы писакки могли предвидеть, что каждое их слово будет учтено и обращено против них, то перестали бы работать их усердные перья".

Русский язык обладает более разнообразными средствами выражения финитивности, аналитическими и синтетическими: перестал, закончил, докончил, окончил работать; отработал и т.д.

(5) Многократный СД указывает на регулярное повторение одного и того же действия в определенные промежутки времени.

Основной конструкцией многократного СД является сочетание вспомогательного глагола *bruka* с инфинитивом без частицы *att*. Вспомогательный глагол сочетается с некоторыми статальными, эволютивными (*läsa, dricka osv.*) и П-глаголами, соотносимыми с понятием процесса действия. Обычно эта конструкция функционирует в форме претерита или презенса. Напр.: *Om vågarna brukade källan svämma över och förvandlas till en bäck vare vatten försvade ner i bandiket (Lang).* — "Весной родник обычно выходил из берегов и превращался в ручей, воды которого стекали в сточную канаву". Использование конструкции в футуруме не отмечено в наших примерах.

Значение многократной повторяемости иногда передается при помощи конструкции *kunde* + инфинитив (вспомогательный глагол стоит только в форме претерита). Действие, обозначаемое данной конструкцией, связано с одушевленным субъектом, для нее характерна коннотация произвольности действия. Напр.: *Men inte heller han kunde sova på nätterna och han rökte mycket (Martinson).* — "Но и он не спал по ночам и много курил".

Шведские многократные конструкции переводятся на русский язык либо при помощи образований типа "бывало приходит", "имел обыкновение приходить", относимых к средствам выражения субъектно-модальных значений,⁵ либо при помощи сочетания сказуемого с обстоятельствами неограниченной кратности.

(6) Квазирезультативный СД обозначает также действие (обычно нежелательное), достижение результата которого было близко к осуществлению, но по каким-то причинам этого не произошло. Основным средством выражения данного СД является конструкция *hålla på att* + инфинитив или *hålla på och* + параллельно спрягаемая форма глагола. Конструкцию образуют только сочетания вспомогательного глагола с моментальными и одноактными глаголами. Использование конструкции отмечено только в форме претерита. Напр.: — *Ja visst ja, förresten... det höll jag på att glömma (Simezon)* — "Да, кстати... чуть было не забыл".

В разговорной речи распространена другая конструкция с анализируемым значением — *vara nära att* + инфинитив: *Vid nästa steg sjönk den högra foten ner i en grop, och han var nära att tappa lampan då kroppen krängde åt sidan (Nordkvist).*

"При следующем шаге правая нога попала в яму, и он, пошатнувшись, чуть не уронил лампу".

Как показывают примеры, в русском языке шведские конструкции находят выражение в сочетании глаголов с частицей "чуть (было) не" ("едва не"). Значение русских словосочетаний классифицируется как субъективно-модальное.⁶

(7) Ситуационально-результативный СД указывает на случайное, неожиданное наступление результата действия. С этим значением функционирует только конструкция *gåka* + инфинитив, использующаяся, как правило, в формах презенса и претерита. Вспомогательный глагол обычно сочетается с П-глаголами. Напр.: I det samma som nu pojken lyfte huvudet, råkade han titta i spegeln, och då såg han, att locket till hans mor kista hade blivit uppslaget (Lagerlöf) "В тот миг, когда мальчик поднял голову, он случайно взглянул в зеркало и увидел, что сундук матери открыт".

В русском языке при отсутствии специальных средств выражение данного значения связано с употреблением при сказуемых обстоятельств типа "случайно".

(8) Эффективный СД обозначает успешное завершение действия, доведение его до исчерпывающего результата.

Эффективное значение передается конструкцией "ta och + параллельно спрягаемая форма глагола", встречающейся в форме презенса и футурума. Вспомогательный глагол сочетается с эволютивными и П-глаголами, которые обозначают действие, выполняемое одушевленным субъектом. Напр.: Eller ska vi, som ännu inte gjort vårt, ta och lösa problemet åt honom? (Claesson). - "Или мы, еще не сделав своей, (возьмем и) решим ему задачу?"

В форме претерита эффективное значение выражается конструкциями "kom och + параллельно спрягаемая форма" и "gå och + параллельно спрягаемая форма глагола". Знаменательные компоненты этих конструкций представлены П-глаголами. Напр.: jag skulle just göra i ordning vagnstället, när herrn kom och tog piskan... "- Стал я пристегивать полсть на коляске, а пан кнул взял..." (Шолохов. Лазоревая степь); Sen gick han och hämtade årgorna... (Claesson). - "Потом он принес (= пошел и принес) вёсла...".

Для всех указанных конструкций характерен оттенок преднамеренности, воли. Существующие в русском языке близкие по значению конструкции отнесены к субъективно-модальным средствам выражения. Они встречаются реже, чем в шведском языке, и ограничены рамками разговорной речи.

Эффективное значение свойственно и конструкции *få* + инфинитив, аналога которой в русском языке нет. Сочетаемость вспомогательного глагола ограничена кругом III-глаголов и двойственных глаголов чувственного восприятия: Han svarade att det inte var bra, "inte alls bra". Men mera fick jag inte höra (Lang) "Он ответил, что это нехорошо, "не совсем хорошо", и большего я не услышал", Nu först fick jag veta det! (Martinsson) "Только сейчас узнал я это!".

Итак, краткий обзор лексико-конструктивных средств шведского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексико-конструктивные средства шведского языка отличаются разнообразием по своему составу и характеру выражаемых акциональных значений. Они во многом определяют своеобразие аспектуальной системы шведского языка.

2. "Аналитические способы действия" сводятся к следующим основным группам - временным (начинательный, конкретно-процессный, финитивный), количественно-временным (многократный, процессный) и специально-результативным (квазирезультативный, окказионально-результативный, эффективный). По количеству и разнообразию средств наиболее широко представлены временные СД.

3. Многие вспомогательные глаголы обладают широкой сочетаемостью с глаголами знаменательными. Границы этой сочетаемости определяются не лексической семантикой исходных глаголов, а соотносительностью их с тем или иным аспектуальным значением. Ограниченную сочетаемость проявляют вспомогательные глаголы, образующие специально-результативные конструкции. Реляционные глаголы вообще не отмечены в составе аналитических конструкций.

4. Многие конструкции имеют преимущественное употребление в формах претерита и презенса, а некоторых из них, в частности ряд специально-результативных конструкций, функционируют в форме только одного времени. Подобное "ограничение" парадигмы

вспомогательного глагола как грамматического центра обусловлено акциональной семантикой конструкции.

5. У большинства лексико-конструктивных средств наряду с акциональными значениями проявляются и модальные признаки. Ведущими среди них безусловно являются акциональные значения, поскольку они находят последовательное и определенное выражение в составе той или иной конструкции и поскольку возможность образования той или иной конструкции зависит от аспектуальной семантики исходных ее компонентов. Модальные же признаки, как правило, связаны с первичным значением вспомогательных глаголов и степень их проявления во многом обусловлена характером контекста.

Наиболее тесное переплетение акциональных и модальных компонентов наблюдается в конструкциях со специально-результативными значениями.

6. При сопоставлении шведских конструкций и параллельных им русских словосочетаний отмечается следующее: русские словосочетания, стоящие в ряду других средств, являются периферийными средствами выражения того или иного акционального значения, их употребление произвольно и обусловлено коммуникативными задачами говорящего; шведские конструкции являются единственным эксплицитным средством выражения того или иного акционального значения, поэтому при передаче определенной акциональности всегда используется определенная конструкция (произвольность выбора ограничена рамками существующих в языке синонимических конструкций). Шведские конструкции относятся к сфере языка, русские словосочетания — к фактам речи.

П р и м е ч а н и я

¹ Еще в XIX в. имела распространение начинательная конструкция со вспомогательным глаголом *begynna*. Однако в современном языке она практически не употребляется. См.: И с - к о л ь с к а я Е. Г. Видовые обороты в современном шведском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1952, с. 17.

² Б о й к о А. А. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке. Л., 1973, с. 15.

³ Р у с с к а я грамматика, т. II. М., 1980, с. 222-223.

⁴ Самостоятельное значение глагола *hålla på* — "заниматься чем-л."

- 5 Р у с с к а я г р а м м а т и к а , т . II , с . 224-226.
6 Т а м ж е .

С о к р а щ е н и я

- Claesson - C l a e s s o n S. Vem älskar Yngve Frej. Stockholm, 1973.
Lagerkvist - L a g e r k v i s t P. Gäst hos verkligheten. Stockholm, 1965.
Lagerlöf - L a g e r l ö f S. Nils Holgerssons underbara resa genom Sverige. Stockholm, 1952.
Lang - L a n g M. Vår sång blir stum. Stockholm, 1963.
Martinson - M a r t i n s o n H. Vägen till klockrike. Stockholm, 1967.
Nordkvist - N o r d k v i s t K.R. En dag i oktober. Stockholm, 1976.
Достоевский - Д о с т о е в с к и й Ф. Преступление и наказание. М., 1970; Д о с т о ј е в с к и ј F. Brott och straff / Svensk översättning av H.Björkegren. М., 1979.
Шолохов - Ш о л о х о в М. Собр. соч. в 8-м т., т. I, М., 1956; S j o l o c h o v M. Den azurblå stäppen och andra noveller / Översättning av Staffan Dahl. Stockholm, 1961.

V.V.Ivanitskij

Lexikaliska och konstruktiva medel som uttrycker aspektbetydelse i modern svenska

Artikeln analyserar lexikaliska och konstruktiva medel i modern svenska vilka utnyttjas för att uttrycka aktionsbetydelse. Här behandlas analytiska och halvanalytiska konstruktioner med ingressiv, durativ, effektiv, kvasisresultativ, iterativ och annan betydelse. Bildandet av ovannämnda konstruktioner betingas av komponenternas semantik. De svenska konstruktionerna jämförs med liknande ryska sådana.

О.А.Комарова

НОРВЕЖСКИЕ ЭФЕМИЗМЫ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Проблема эфемизм вызывает в последние годы все больший интерес лингвистов в связи с тем, что социолингвистика обратилась к изучению взаимодействия языка и экстралингвистических

факторов. Изучение эвфемизмов позволяет осветить некоторые аспекты взаимоотношений языка и морали. По традиционным определениям эвфемизм есть "проявление тактичности или чувства того, что прилично".¹ Эвфемистический импульс существует с древнейших времен, он заставлял избегать прямого наименования некоторых понятий или объектов из страха или суеверия — так возникли древнейшие эвфемизмы. Поздние, как отмечал Е. А. Ларин, "эвфемизм расцветает на почве буржуазного лицемерия, ханжества, либеральной брамы и политической позы, наконец, и подцензурного Эзопова языка".²

В трактовке эвфемизмов проявляются отчетливо две тенденции — психологическая и социологическая. С точки зрения психологии употребление эвфемизмов диктуется лишь соображениями стыдливости, деликатности говорящего. Сторонники социологического подхода склонны игнорировать индивидуальные моменты. Ульман, выделяя три группы эвфемизмов, возникающих по социологическим причинам, отмечает, однако, что ни одна из них "не является абсолютной универсалией, так как они зависят от разных социальных и культурных факторов и возникают только в определенных условиях".³ В советской лингвистике утвердилась точка зрения, согласно которой учитываются как социальные, так и психологические аспекты возникновения эвфемизмов. Убедительным представляется определение, данное А. М. Каценым: "Эвфемизм есть служащее цели смягчения высказывания косвенное наименование того, что в прямом обозначении неприемлемо с точки зрения принятых в обществе норм морали".⁴

Выделить понятийные сферы употребления эвфемизмов довольно сложно, поскольку границы этого явления в языке весьма расплывчаты. Издавна существуют некоторые, довольно общие, категории. Как уже упоминалось, самими древними являются обозначения всего сверхъестественного, страшного (Skaregen "бог", ságen "черт", gráakjegg "дьявол", grábein "волк"); сюда же относятся представления о смерти (borgang "уход", sove inn "уснуть"); характеристика физических и умственных недостатков (tilbakeliggende "недоразвитый", srgó "псих"), описание некоторых частей тела, физиологических процессов, сексуальных отношений (himren "зад", ytre bekvemmeligheter "удобства во дворе").

Эвфемизмы являются подвижной частью лексики, изменяются в которой обуславливаются изменениями в самой действительности или колебаниями в нравственно-моральных ограничениях, накладываемых обществом. Так, почти исчезли из употребления эвфемизмы, связанные с наименованием некоторых предметов одежды — *permisjonær, de uvennelige* "брижи"; стало допустимым их прямое наименование, а косвенные приобрели стилистическую окраску как средство создания комического эффекта или выражения прони. В связи с исчезновением породивших их понятий многие слова, относящиеся к периоду фашистской оккупации, вышли из активного употребления — *brakkevarer* "спекулянт", *atripet* "сотрудники швей с фашистами" и др.

В традиционно выделяемых сферах эвфемистических замен их социальная обусловленность вытекает не только из соображений морали, вежливости, тактичности (при обсуждении физических или умственных недостатков, пороков нравственности), но и из того, что они позволяют смягчить малоприглядные черты действительности. Так, частенько о денежных неприятностях говорят как о "временных затруднениях" — *en midlertidig forlegenhed* или маскируя неприятный факт "красивым" иностранным словом — *rekniære problemer*. Из официальных отчетов исчезают упоминания о бедности, чаще речь идет о *mindre velstående* "недостаточной обеспеченности". Вероятно, из тех же соображений все большее распространение находит термин *arbejdsledig* "безработный" вместо путающего *arbejdsløs* "безработный"; сдержанное *alderhjem* "пансионат для пожилых" вытесняет скомпрометированное слово *gamlehjem* "дом престарелых". Пополняется синонимический ряд обозначений физической неполноценности или критической оценки умственных способностей. Прямое обозначение инвалида встречается значительно реже, чем слова *vanlig* "нетрудоспособный" — *yrkesvalghemmet* "ограниченный в выборе профессии" — *funktionshemmet* "с ограниченной подвижностью". Для официальных документов, языка прессы характерно в последнее время распространение английского заимствования *handikappet* "не совсем здоровый". Очевидно, употребление заимствованного слова затуманивает напоминание о физическом недостатке. Разнообразны и многочисленны способы косвенного описания состояния опыане-

ни, ср.: *Kvelden før hadde jeg tatt meg en for meget og var lett bedugget* (Lyngar, 10) — "Накануне я выпил лишнего и был слегка навеселе"; *De trodde de skulle kjekke seg ved å ta en dram og mange var tydelig påvirket* (Illustrert, 1968, N 20) — "Они решили подкрепиться, приняв стопочку, и многие были явно под хмельком".

Широкое распространение эвфемизмов характерно не только для норвежского языка, об их росте пишут английские и американские лингвисты. В книге "Американский язык 1970-х" (*The American language of the 1970s*) отмечается, что "постоянный рост эвфемизмов представляет опасность для мыслей и поступков людей, поскольку цель эвфемизмов в основе своей — обмануть; структура любого языка определяет в какой-то степени, как общество, пользующееся этим языком, воспринимает реальность жизни".⁵

В советской лингвистике принято говорить об эвфемистической функции косвенных наименований как о способности смягчать высказывание. Чем неожиданнее употребление слова в качестве эвфемизма, тем сильнее его эффект.⁶ Показательна судьба некоторых из древнейших эвфемизмов, связанных с обозначением бога или дьявола: они настолько стерлись от частого употребления, что утратили свойственную им ранее эвфемистическую функцию, превратились просто в восклицания, междометия: (*for*) *ærgen* "черт побери", *fanken* "черт", *Jøss* "боже".

В разговорной речи происходит постоянный процесс окказиональных эвфемистических замен, вызванных или соображениями приличия или психологическим состоянием говорящего и собеседника. Такие эвфемизмы интересны с точки зрения их семантики и функционирования. В роли окказиональных эвфемизмов часто выступают слова широкой семантики, многозначные слова, фразеологические обороты с глаголами *gå*, *ta*, *få*. Чем многозначнее слово, тем больше возможность ассоциаций с предметами и явлениями, не подвергающимися табуированию. Широкая семантика слова дает возможность затушевать неприятную сущность высказываемого. В качестве окказиональных эвфемизмов нередко выступают такие слова, как *ting* "вещь", *sak* "дело". Довольно часто употребляются в этой роли местоимения *det* "это", *dette* "то",

причем не в функции замещения, а как косвенные наименования табуированного понятия: Det var den kvelden min far tok meg inn på kontoret for å snakke om det (Møte, 121).—"Это было в тот вечер, когда отец пригласил меня в кабинет, чтобы поговорить об этом". В данном случае местоимение обозначает предмет отцовских наставлений — соблазны, подстерегающие юношу. Ср. еще пример: Litt etter litt fikk hun da frem at det - det var ikke kommet (Møte, 207).—"Наконец она рассказала, что "оно" — "оно" не наступило". Здесь местоимение употреблено вместо обозначения некоторых функций женского организма. Как видно из примеров, расшифровать значение эвфемизма можно только при помощи контекста. То же происходит и при эвфемистическом использовании многозначных слов: Så mens de jevnaldrende venninner allerede hadde sine første små eventyr (og ordet eventyr betydde ikke riktig det samme dengang som det betyr i dag)... (Hjemme, 1982, 12).—"Итак, в то время как ровесницы-подружки уже переживали свои первые маленькие приключения (а слово "приключение" означало тогда не совсем то, что значит сейчас) ...".

При появлении окказиональных эвфемизмов в тексте могут присутствовать некоторые указания на то, что происходит эвфемистическая замена. Указания эти бывают оформлены графически — тире или многоточием, обозначающими hesitation, курсивом и т.п. Встречаются также лексические выражения таких указаний в виде междометий или звукоподражательных слов, характеризующих психологическое состояние говорящего: Jeg er bare meg selv og hvis det skulle ha seg slik at jeg hadde kanskje en venninne, så ... (Illustrert, 1968, N 20).—"Я ведь одинок, и если бы случилось так, что у меня была бы — подруга, то..."... Men hadde dere ikke passet like godt på ham som på meg? Og også brukt andre... eh... overtalelsemidler? (Hjemme, 1982, 12).—"Но разве вы не следили за ним так же строго, как за мной? И тоже применяли другие ... э... методы убеждения?"

Довольно часто в художественном произведении встречаются вводные слова и обороты, подчеркивающие эвфемистический характер употребленного слова или выражения: Jeg tror ikke han er lykkelig med den konen. For å si det mildt (Møte, 42). "Не думаю, что он счастлив с этой женщиной. Мягко говоря", Jeg

fikk i sommerens løp et meget nye kunnskap til - hva skal jeg kalle det - hennes geografi (Møte, 157) "За это лето я очень подробно изучил - как бы это сказать - ее географический рельеф". Слово geografi обозначает здесь особенности фигуры девушки.

Привлекают внимание некоторые новые сферы расширенного применения эвфемистических замен. Зарубежные лингвисты склонны видеть в обилии эвфемизмов особенности восприятия окружающего мира; на наш взгляд, такая особенность может быть развита специально. В значительной степени это относится к эвфемизмам, применяемым при описании экономического и политического положения. Одним из ярких примеров является изменение обозначения понятия et tilbakeliggende land "отсталая страна" в underutviklet "неразвитая" и utviklingsland "развивающаяся" с окончательной формой uland, где полностью затупежано негативное значение первоначального термина. Уже на наших глазах родился эвфемизм åpen konflikt "открытый конфликт" или konfrontasjon "конфронтация" вместо пугающего "война". Показательно в связи с этим появление в норвежской печати ряда иронических замечаний о языке политических деятелей (Aktuell, 1968, N 8). Так, Й. Хаугланн приводит список клише-эвфемизмов: den økonomiske vekst i samfunnet kan bli større "экономический рост нашего общества может быть больше"; vår rustningspolitikk bør ta sikte på kontrollert nedrustning - "наша политика в области вооружений должна ориентироваться на контролируемое разоружение"; vår sosialpolitikk ennå ikke er fullkommen - "наша социальная политика еще не совершенна". Любопытен в этом плане отрывок из газеты "Верденс ганг": Ute på landet er det store spenninger, sosialt og politisk. Enkelte steder er det nesten borgerkrig. Programmet er svar på uroen på landsbygden (Verdens gang, 1981, Maj 18). - "В стране ощущается большая напряженность, общественная и политическая. В отдельных местах дошло почти до гражданской войны. Данная программа является ответом на волнение в сельских местностях". Пугающее "гражданская война" сменяется эвфемизмами "напряженность" и "волнения".

Другой заметной сферой применения эвфемизмов стали в последние годы названия профессий. Очевидно, речь идет о повыше-

нии социального престижа некоторых профессий, а также и о выгодной их "подаче". Наблюдения за текстами рекламы и объявлений по найму показывают широкое распространение наименований *ingeniør* "инженер" и *disponent* "заведующий", что вызвало замечание Ф.-Э. Винье о том, что старым представителям этих профессий придется, вероятно, подыскивать себе новые названия.⁷ Наблюдается все больше случаев употребления компонента *assistent* "ассистент", который позволяет приукрасить название второстепенной должности. Так, в одном номере "Аftenposten" (1981, 29 апр.) находим рядом *tegneassistent* "помощник чертежника", *kontorassistent* "младший служащий" и даже *kjøkkenassistent* "кухонный рабочий". Иногда возникает целый ряд таких эвфемистических обозначений: ср. привычное *vaskekone* "уборщица" заменяется облагороженными вариантами *rensjøringakone*, *rensjøringshjelp*, *renholder* и, наконец, *rensjøringssassistent*. В том же номере газеты находим такое объявление: *til istandsetting og renhold av våre hotellrom søker vi medarbeidere* "для поддержания порядка и чистоты в номерах отеля ищем сотрудников". В этом объявлении в качестве эвфемизма выступает нейтральное по своей семантике слово "сотрудник". В одном современном романе подобные явления вызывает раздраженный комментарий персонажа: "Ничего совсем не осталось просто рабочих, сплошь ассистенты, даже мальчишки-смазчики именуется не иначе как "ассистент по станкам" (*maskinassistent*)".⁸ Показательны также замечания Ф.-Э. Винье об употреблении термина *renovasjonsarbeider* "рабочий по очистке" вместо традиционного *søppeltøsser* "мусорщик". Видный норвежский лексиколог Даг Поннерсен видит в распространении нейтральных к обозначению пола элементов в названиях профессий (напр. *assistent*) отражение борьбы женщин за эмансипацию: включение в название профессии компонента, позволяющего пользоваться словом для обозначения работника мужского и женского пола, является показателем равноправия. Этот аргумент также свидетельствует о социальной значимости рассматриваемого явления.

Для эвфемистической замены часто используются слова, заимствованные из английского, французского, латини. Последние

встречаются в речи врачей, когда в разговоре с больными или их родственниками для смягчения высказывания врач называет болезнь по латини *cancer* вместо страшного "рак". Иностранскими словами оперируют и авторы рекламных объявлений, предпочитающие повышать интерес к товарам и избегать прямого названия неприятных факторов: показательно в этом аспекте употребление слов *perverigasjon* "перспирация" и *deodorant* "дезодорант" и абсолютное отсутствие "некрасивого" *svette* "пот". Интересно в этом плане быстрое распространение заимствованного *diskotek* "дискотека", как бы повышающее интерес к обычным танцам.

С социалингвистической точки зрения несомненный интерес представляет вопрос об использовании эвфемизмов в различных стилях и о социальной характеристике их использования. Решение его требует дальнейших наблюдений над материалом различного стилистического плана; бесспорно пока лишь то, что большинство узуальных эвфемизмов вошло в литературный язык, тогда как окказиональные являются принадлежностью устной речи. Основой пополнения эвфемистических рядов и появления новых эвфемизмов служат, вероятно, профессиональные аргы и заимствования, в какой-то мере просторечья. Например: *Hun antyda at han vel kunne ta med seg jenta hjem en gang, hvis det var ei fast jente da, og ikke hundre blomster* (25 Sept., 212). — "Она дала понять, что он может как-нибудь привести домой девушку, если это, конечно, его постоянная девушка, а не просто случайный цветочек". Однако слово, пришедшее из просторечья, не всегда принимается именно в силу своего характерного резкого звучания. Так, показательны в следующем отрывке различные способы обозначения понятия "сыщик": *Så du er en skikkelig nokk privat vnsushane, du? En Ola-lett-på tå? ... Enslags detektiv? — Jeg foretrekker etterforsker. Så høres det ikke ut som en eller annen kriminalfilm* (Kvinnen, 15). — "А ты и в самом деле настоящая норвежская частная ищейка? Ула-иши? Что-то вроде детектива? — Я предпочитаю слово "следователь". Тогда не так похоже на приключенческий фильм". Очевидно, что просторечное "частная ищейка" и иностранное "детектив" неприятны герою, в качестве эвфемизма употребляется нейтральное "следователь".

Явление эвфемии, как мы попытались показать, охватывает разные понятийные сферы, живет и развивается в современном норвежском языке.

П р и м е ч а н и я

- 1 Е п б о к om ord. Oslo, 1971, s.102.
- 2 Д а р и н Б.А. Об эвфемизмах. - В кн.: Проблемы языкознания. Л., 1961, с. 119.
- 3 У л ь м а н С. Семантические универсалии. - В кн.: Новое в лингвистике, вып.5 /Пер. с англ. под ред. и с предисл. Б.А.Успенского. М., 1970, с. 255.
- 4 К а ц е в А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1977, с. 14.
- 5 Е s t r i n Н.А., М e h u s V. The American language of the 1970s. San Francisco, 1974, p.92.
- 6 К а ц е в А.М. Указ. соч., с.16.
- 7 V i n j e P.-E. Norsk språk. Oslo, 1972, s.55.
- 8 R o g s t a d A. Nevnen. Oslo, 1975, s.38.

С о к р а щ е н и я

- Møte - Н о e l S. Møte ved milepelen. Oslo, 1974.
25 Sept. - S o l s t a d D. 25. Septemberplassen. Oslo, 1975.
Kvinnen - S t a s l e s e n G. Kvinenn i kjøleskapet. Oslo, 1981.
Lyn gar - L y n g a r M. Ballonger. Oslo, 1981.

О.А.Комарова

Norske evfemismer fra et sosiolingvistisk synspunkt

Forfatteren behandler fenomenet eufemisme i norsk. Tradisjonelt har man betraktet eufemismer som uttrykk for hensynsfullhet eller følelse for det som er anstendig. Historisk sett er eufemismer tett knyttet til religiøse og moralske forbud. Artikkelen er et forsøk på å redegjøre for visse forandringer i dannelse og bruk av eufemismer i våre dager og undersøke om det eksisterer noen korrelasjon mellom det ekstralingvistiske og det språklige på dette feltet. Det legges særlig vekt på analyse av ord som leilighetsvis brukes som eufemismer både i privatlivet og i det offentlige språk. Materialet viser at eufemismer danner en dynamisk del av norsk ordforråd.

Е. В. Краснова

ДАТСКИЕ ГЛАСНЫЕ С "ТОЛЧКОМ"
(экспериментально-фонетическое исследование)

Одна из особенностей фонетического строя датского языка — "толчок" (*stød*), а также наличие большого количества щелевых согласных — значительно отличает его звучание от близких ему шведского и норвежского языков. Исторически "толчок" связан с тоническим ударением скандинавских языков. Артикуляция "толчка" долгое время была предметом дискуссий фонетистов. Как считалось ранее, при произнесении "толчка" происходит полная смычка голосовой щели; в результате экспериментально-фонетических исследований было установлено, что полная смычка голосовой щели происходит редко. С. Смит в экспериментально-фонетическом исследовании "Толчок в датском языке" характеризует "толчок" как сильное и мгновенное напряжение экспираторных мышц, которое резко прекращается.¹ Это напряжение нарушает нормальное колебание голосовых связок, и слышится "толчок". Описывая звук, который обычно слышен при произнесении "толчка", Э. Фишер-Йоргенсен называет его "скрипучим" и отмечает, что существует множество типов произнесения "толчка", и этот характерный звук может отсутствовать вообще.² Несмотря на большое количество исследований, посвященных "толчку", его истории, артикуляции и характеристикам, в этой области еще существуют нерешенные проблемы.

Как известно, "толчок" может быть на: 1) долгих гласных, 2) дифтонгах, 3) согласных *m, n, l, r, ç, ð* т.е. в основном на сонантах, а также переднеязычном щелевом шумном *ð*. Необходимо также отметить, что в современном датском языке "толчок" имеет фонематическое значение.

В данной работе представлены результаты исследования характеристик долгих гласных с "толчком". Поскольку "толчок" — явление просодическое, особый интерес представляли специфические характеристики гласного с "толчком", реализуемым в предложении.

Обычно датское слово состоит из ударного слога, за которыми могут следовать несколько безударных (от 0 до 3). Эти без-

ударные слоги содержат в своем составе безударный гласный [э]; очень слабый, он может значительно меняться в зависимости от окружающих звуков, принимать i-образный, а-образный или иной характер. Как отмечает Э.Фишер-Йоргенсен, "[э] часто очень краткий и может исчезнуть полностью в разговорной речи, особенно после сонантов".³

Ударение в датском языке является динамическим (хотя в некоторых диалектах и присутствует тоническое), связанным и неподвижным. В датском предложении обычно не имеют ударения артикли, местоимения, вспомогательные глаголы, союзы, личные имена перед фамилиями, предлоги в сочетании с существительными.

Хотя детальное изучение интонации датского языка и не входило в задачу этой работы, в результате проведенного исследования были сделаны некоторые выводы о мелодике датского предложения.

Известно, что интонация складывается из нескольких компонентов: 1) частоты основного тона голоса; 2) интенсивности; 3) длительности или темпа; 4) паузы; 5) тембра. Как считает Л.Р.Зиндер, "все компоненты интонации, кроме паузы, обязательно присутствуют в высказывании, потому что никакой его элемент не может быть произнесен без какой-либо высоты голоса, силы и т.д. Поэтому все компоненты интонации тесно взаимодействуют между собой".⁴

До недавнего времени все эти компоненты интонации датского предложения были изучены очень мало. Но за последние годы появился ряд исследований, которые отчасти восполнили пробел. Н.Торсен, Н.Р.Петерсен, Э.Фишер-Йоргенсен исследовали частоту основного тона гласных, движение тона на протяжении высказывания, различные интонационные типы предложений.

Исследование мелодики предложения, безусловно, представляет значительную трудность, так как основной тон предложения — это результат взаимодействия нескольких компонентов. Для датского языка Н.Торсен выделяет следующие компоненты: 1) интонационный контур предложения; 2) движение тона в ударной группе (под ударной группой понимается ударный слог со всеми последующими безударными); 3) особое движение тона в словах, содержащих "толчок"; 4) собственно основной тон гласных и связанные с коартикуляцией изменения.

Первые три компонента свойственны языку и "контролируются говорящим". Четвертый компонент Н. Торсен называет микропросодическим.⁵ Таким образом, Н. Торсен различает суперсегментные и сегментные единицы. Если мелодика датского предложения в целом, движение основного тона в ударной группе, а также некоторые сегментные единицы были изучены довольно подробно, то слова с "толчком", как правило, не входили в материал исследований последних лет.

Поскольку гласные с "толчком" имеют свои особые характеристики, то рассматривались качественные и количественные характеристики этих гласных в предложении, т.е. выяснялось, имеют ли гласные с "толчком" особые качественные характеристики в предложении, каков характер движения основного тона в простом утвердительном предложении, как меняется основной тон внутри гласных с "толчком" в предложении и в изолированных словах и, наконец, меняется ли длительность гласных с "толчком" в предложении.

Материалом исследования послужили 11 слов с "толчком" и 22 утвердительных предложения с этими словами. Все исследуемые гласные находились в ударном положении, так как "толчок" возможен только под ударением. Изучались огубленные гласные заднего ряда, неогубленные гласные переднего ряда, гласный нижнего подъема. В работе рассматривались утвердительные, краткие (от 4 до 9 слогов) предложения. Все предложения подразделялись на две группы:

1) простые утвердительные предложения с прямым порядком слов, в которых слово с "толчком" является либо дополнением, либо обстоятельством и стоит в конце предложения, например: *Han købte en ko*;

2) простые утвердительные предложения с обратным порядком слов, где то же слово с "толчком" в функции дополнения или обстоятельства стоит в начале предложения, причем дикторы читали эти предложения с логическим ударением на первом слове, т.е. на слове с "толчком", например: *En ko købte han*.

Весь материал (слова и предложения) был записан в произнесении четырех дикторов (1 женщина и 3 мужчины), обладающих нормативным датским произношением. С полученных записей были

сняты спектрограммы, а с половины материала - осциллограммы. По спектрограммам были получены данные о качественных характеристиках гласных с "толчком" в изолированных словах и в двух типах предложений, по осциллограммам - о длительности и частоте основного тона в предложениях и словах. Для того чтобы данные по длительности в разных предложениях и у разных дикторов можно было сравнивать, мы получили относительные длительности звуков (отношение абсолютной длительности данного звука к средней длительности звука в слове или предложении).

Сопоставление спектральных значений первой и второй формант (F_I и F_{II}) гласных с "толчком" в изолированных словах и в двух типах предложений показало, что существенных различий между гласными отдельных изолированных слов и слов в предложениях, а также между гласными в предложениях двух типов, как правило, нет. Все имеющиеся различия в качественных характеристиках нерегулярны. У двух дикторов можно, однако, заметить тенденцию к произнесению гласных с "толчком" в начале предложения немного более продвинутыми вперед, чем в конце предложения, но эти изменения не являются значительными.

Представляют интерес данные, полученные по осциллограммам. Была подсчитана частота основного тона в гласных с "толчком" как в изолированных словах, так и в предложениях. В результате были построены графики изменения частоты основного тона, отображающие движение основного тона в предложениях двух типов и в словах. Хотя полученные кривые имеют различный характер, что объясняется в первую очередь индивидуальными особенностями дикторов, изменение основного тона в целом одинаково у всех дикторов. Полученные данные по мелодике предложения в основном соответствуют данным, представленным в работах Н. Торсен. В предложениях первого типа, т.е. обичных повествовательных, начинающихся с ударного слога, первый ударный слог выше предшествующего ударного, затем начинается падение частоты основного тона до следующего ударного слога, где наблюдается небольшое повышение тона заударного слога, а затем - движение вниз.

В материал настоящего исследования были включены предложения, имеющие простую структуру (подлежащее - сказуемое -

дополнение или обстоятельство) и состоящие в среднем из 5 слогов, так что между двумя ударными находится иногда всего один безударный. В этом случае безударный слог, следующий за удар-

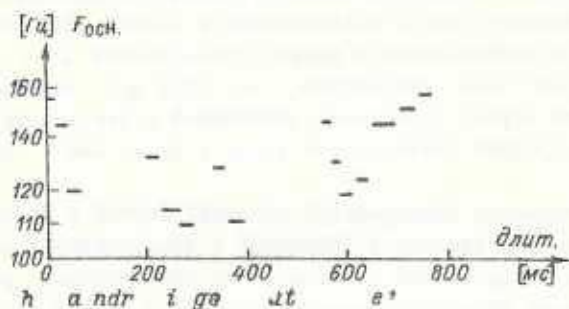

Рис. 1. Изменение частоты основного тона в предложении Han drikker te.

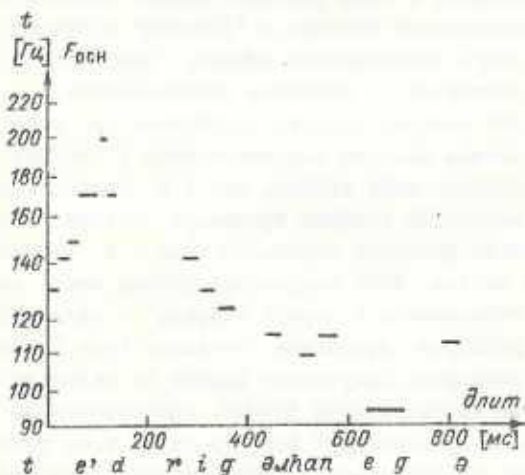

Рис. 2. Изменение частоты основного тона в предложении Te drikker han ikke.

ным, не имеет повышения, а напротив, иногда даже находится ниже, чем ударный (рис. 1).

В предложениях второго типа (рис. 2) с логическим ударением на первом слове с "толчком" характер движения тона со-

всем другой. Первый ударенный слог значительно выше по тону, чем все последующие, а дальнейшее падение тона более резкое, чем в предложениях первого типа, ударные слоги и первые заударные существенно не выделяются.

Следовательно, логическое ударение как бы подчиняет себе все высказывание. Н. Торсен, говоря о подобных предложениях, считает, что такие краткие высказывания с эмфазой сводятся к одной ударной группе в том смысле, что наблюдается один пик подъема-падения.⁶

Если предложение начинается с безударного слога, а за ним следует ударный, то в большинстве случаев они находятся приблизительно на одном уровне, иногда безударный — немного ниже ударного. Это отчетливо видно на рис. 1.

Гласный с "толчком" имеет, как неоднократно отмечали фонетисты, неоднородную осциллографическую кривую, что значительно затрудняет определение частоты основного тона на протяжении всего гласного. Большая часть гласных с "толчком" имеет два четко выраженных участка: участок сбоя колебаний и участок

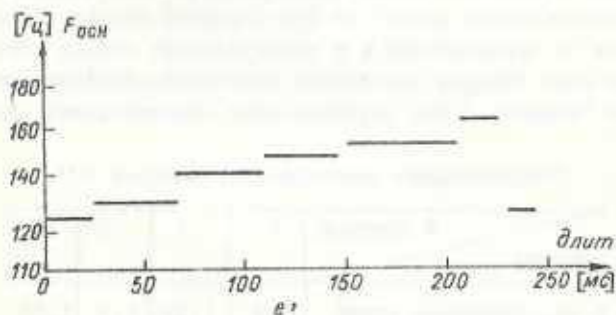

Рис. 3. Изменение частоты основного тона в слове *te*.

сбоя периодов, где резко падает интенсивность и трудно определить частоту основного тона. Подсчет изменения частоты основного тона на гласных с "толчком" показывает наличие определенных изменений, причем, как правило, это последовательное увеличение частоты основного тона (рис. 3), длящееся до сбоя периода (если он имеет место). Такая картина была отмечена в изолированно произнесенных словах с "толчком".

Это характерное движение тона существенно меняет общую картину движения основного тона в предложении, оканчивающемся словом с "толчком". В предложении наблюдается то же повышение тона ко второй части гласного с "толчком", которое было отмечено в изолированном слове, и, следовательно, существенно меняется движение тона повествовательного предложения, заканчивающегося словом с "толчком" (рис. 1). В конце предложения вместо ожидаемого понижения тона наблюдается резкое повышение. Такое повышение на последнем слоге, содержащем "толчок", наблюдается во всех исследованных предложениях и у всех дикторов. Иногда последний слог даже значительно выше первого ударного, что существенно меняет общую картину движения основного тона в предложении с завершающим словом с "толчком" по сравнению с предложением, где слов с "толчком" нет. Это можно, по-видимому, объяснить тем, что сильное напряжение голосовых связок при произнесении "толчка" препятствует изменению частоты колебаний голосовых связок, способствующему оформлению конца повествовательного предложения.

Сопоставление данных по длительности долгих гласных с "толчком" в предложениях и в изолированных словах показало, что для этих гласных характерны изменения, свойственные гласным без "толчка".⁷ При сопоставлении относительных длитель-

Относительные длительности гласного и*

Позиция \ № диктора	1	2	3	4
В изолированном слове	1,3	1,43	1,2	1,06
В конце предложения	2,17	2,5	2,2	1,7
В начале предложения	1,71	1,83	1,95	1,12

* Для вычисления относительной длительности бралось отношение длительности гласного к средней длительности звуков в слове или предложении.

ностей гласных с "толчком" в изолированных словах и в двух типах предложений обращает на себя внимание прежде всего значительное увеличение длительности гласного с "толчком" в сло-

ве, стоящем в конце предложения. Это увеличение распространяется на все звуки последнего в предложении слова, но для гласного с "толчком" оно наиболее значительно. Длительность гласного с "толчком" в этом случае больше длительности гласного с "толчком" в слове, имеющем логическое ударение. Данные по длительности одного из гласных представлены в таблице.

Таким образом, результаты исследования характеристик гласных с "толчком" в утвердительных предложениях, а также в утвердительных предложениях с обратным порядком слов и логическим ударением на слове с "толчком" позволяют сделать вывод о том, что из рассмотренных характеристики (качественные характеристики, длительность, частота основного тона) наибольшее значение имеет частота основного тона, которая существенно меняет общий характер движения тона в предложении.

П р и м е ч а н и я

1 S m i t h S. Stødet i dansk rigesprog. København, 1944, s. 61-62.

2 F i s c h e r - J ø r g e n s e n E. Segment duration in Danish words in dependency on higher level phonological units. - Annual Report of the Institute of Phonetics University of Copenhagen, 1982, N 16, p.42.

3 Ibid.

4 З и н д е р Л.Р. Общая фонетика, М., 1979, с.273.

5 T h o r s e n N. On the identification of selected Danish intonation contours. - Annual Report of the Institute of Phonetics University of Copenhagen, 1978, N 12, p.19.

6 T h o r s e n N. Lexical stress, emphasis for contrast and sentence intonation in Advanced Standard Copenhagen Danish. - Annual Report of the Institute of Phonetics University of Copenhagen, 1979, N 13, p.84.

7 Ср.: F i s c h e r - J ø r g e n s e n E. Ibid., p.178.

E.V.Krasnova

Danske vokaler med stød

(en eksperimentalfonetisk undersøgelse)

Artiklen behandler problemer vedrørende dansk stød. Den eksperimentelle fonetiks metoder blev anvendt til undersøgelse af danske vokaler med stød ikke alene i enkelte ord, men også i sætninger af to typer: en almindelig sætning med afslutten-

de intonation og en sætning med ekstra tryk på første tryk-stærke stavelse. Grundfrekvensens forløb er freavist i kurveform. I sætninger, som har stød på sidste stavelse, sender toneshøjdekurven sig betydeligt. Stødet høres tydeligst, når der er en ganske kortvarig afbrydelse af stemmelæbernes svingninger. Og så forhindrer en stærk innervation af stemmelæberne den ændring af grundfrekvensens forløb, som normalt karakteriserer en afsluttende intonation. Man kan også mærke at vokalerne med stød, ligesom vokalerne uden stød, har længere varighed i den afsluttende position end andre steder.

Н. С. Круглова

ДВОЙНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АРТИКЛЯ
В ИМЕННЫХ ГРУППАХ С СУПЕРЛАТИВОМ

Прилагательное, реализуя свое основное грамматическое свойство, согласование с существительным, функционирует чаще всего в позиции определения, образуя с определяемым существительным именную группу (ИГ). В ИГ прилагательные употребляются в позитиве, компаративе и суперлативе. Три типа ИГ - "позитив + существ.", "компаратив + существ." и "суперлатив + существ." - различаются возможностями оформления артиклем.

Скандинавским языкам присущи два типа определенного артикля: свободностоящий и суффиксированный. По значению они одинаковы: представляют собой морфологический показатель существительного, указывают на род и число. Семантика того и другого артикля заключается в соотношении понятия с действительностью, или в актуализации понятия. Однако если синтаксическая функция свободностоящего артикля сводится к определению левой границы атрибутивного словосочетания как в английском, немецком и других артиклевых языках, то подобная функция не свойственна суффиксированному артиклю. Синтаксическая связь между именем и артиклем существует только в случае употребления свободностоящего. Этот артикль в норвежских грамматиках называют артиклем прилагательного, поскольку он чаще всего употребляется в ИГ. Суффиксированный же артикль, представляющий собой несамостоятельную морфему, по значению совпадает со служебной частью слова.

Двойное употребление (ДУ) определенного артикля в ИГ развивалось и распространялось в норвежском языке до XV в. и было типичным для норвежских говоров. В период с XVI по XIX в., когда норвежские писатели создавали свои произведения на датском языке, ДУ артикля резко сошло, так как это противоречило норме датского языка. Авторы грамматик норвежского языка XIX в. предостерегали от употребления двойного артикля, указывая, что это характерно только для "низкого стиля". Только в конце XIX в. ДУ было признано полноправным в языке, о чем свидетельствует грамматика норвежского языка Карла Бьерсета, изданная в 1897 г.¹ Однако в произведениях писателей XX в. ДУ артикля продолжало нести исключительно стилистическую нагрузку и воспринималось как норвегизм. Несмотря на то, что ДУ было "узаконено" в литературном языке только в конце XIX в., уже в 1921 г. в самой полной и фундаментальной грамматике норвежского языка А.Вестерна были сформулированы правила употребления "двойной определенности" существительного (*dobbelt bestemmelse av substantivet*) и был назван ряд факторов семантического, синтаксического и фонетического характера, препятствующих ДУ артикля.² Правила относительно "двойной определенности", изложенные у А.Вестерна, находят отражение в литературном языке XX в. не полностью. Как показало исследование Е.Линдеби, который рассмотрел частотность у разных авторов, писатели старшего поколения избегали употреблять "двойную определенность", в то время как у молодых писателей двойной артикль стал своего рода модой.³

Таким образом, в отношении ДУ артикля в языке складывается противоречивая ситуация. В настоящей статье ставится задача проанализировать современное состояние ДУ артикля в ИГ с суперлативом.

Предпринятая нами статистическая обработка материала (3000 примеров из произведений художественной литературы XX в.), полученного методом сплошной выборки, показала, что среди ИГ с суперлативом большее количество ИГ имеет двойной артикль. Оформление ИГ артиклем представляет собой следующее соотношение: двойной артикль - 50,7%; один свободностоящий - 38,3; один суффиксированный - 3; артикль отсутствует - 8%. Из полученных данных следует, что ДУ артикля превышает все ос-

тальные возможные случаи в отдельности, но от общего числа ИГ с суперлативом составляет лишь половину всех употреблений.

Таким образом, несмотря на то, что ДУ артикля и становится все более популярным, существует ряд ограничений, не позволяющих распространиться этому языковому явлению шире. Так, например, среди фонетических ограничений Е. Лондбею называет окончание *-n* у существительных мужского рода. У слов, оканчивавшихся на *-n*, в разговорной речи наблюдается стяжение конечного согласного и суффиксированного артикля, поэтому, когда есть свободностоящий, суффиксированный опускается.⁴ Нами были выбраны ИГ с существительными, оканчивающимися на *-n*. Самые частотные из них в сочетании с суперлативом — *smal* и *stark*. Существительное *smal* почти во всех примерах встречается с одним артиклем, хотя возможна и "двойная определенность", например: *Nei, jeg var nå den mest hårløse mannen han hadde truffet* (FA, 339). — "Нет, теперь я для него был самым безнадежным человеком, какого он когда-либо встречал". Существительное *stark* в равной степени употребляется как с двойным, так и со свободностоящим артиклем. В основном же употребление артикля зависит от того, обозначает ли существительное абстрактное понятие или конкретное лицо, т.е. ИГ с *smal*, подчиняются общему правилу ДУ артикля в ИГ⁵: *Øystein, den eldste sønnen, hadde fortalt hvordan det hadde gått* (DS, 157). — "Øйстейн, старший сын, рассказал, как все произошло".

Наш материал показывает, что фонетические факторы сами по себе редко оказывают влияние на употребление артикля, обычно они действуют в сочетании с семантическими и синтаксическими. В качестве синтаксического ограничения ДУ в ИГ Е. Лондбею указывает на придаточное определительное или придаточное с союзом *at*, следующих за ИГ.⁶ ИГ, содержащая суперлатив, определяется обычно придаточным типа: *son en kan tenke seg* или *som jeg noen gang har hørt* и т.д., т.е. придаточными, которые как бы сообщают дополнительную степень качества и вносят эмоциональный элемент в высказывание, например: *...og mumle de kjærligste ord jeg noen gang hadde hørt* (FA, 17). — "... и бормотать самые ласковые слова, какие я только когда-нибудь слышал". Такой тип придаточных принято называть опре-

делительными с ограничительным значением. Они обычно следуют после ИГ, содержащих суперлатив со значением, близким к абсолютному. ИГ оформляются чаще всего одним свободностоящим артиклем. ДУ артикля в ИГ с суперлативом перед определительными придаточными с ограничительным значением встречается обычно в диалогической речи, например: ...jeg la den største steinen jeg klarte å løfte foran døren deres (GBG, 62) - "...я положил самый большой, какой я только мог поднять, камень перед вашей дверью". Возможность употребления и свободностоящего артикля, и ДУ в ИГ с суперлативом перед указанным типом придаточных свидетельствует о дальнейшем распространении этого явления.

Среди ограничений ДУ артикля семантического характера в норвежских грамматиках указывается на различие в употреблении артиклей в ИГ, содержащих суперлатив и элатив, а именно: один свободностоящий в случае элатива и ДУ в ИГ с суперлативом.⁷ Согласно этому правилу суффиксированный артикль в большинстве случаев выполняет смыслоаппроксимативную функцию. ДУ артикля с суперлативом известно еще из древнорвежского и, по мнению Е. Лондсбю, имело довольно широкое распространение в разговорной речи, хотя в древних памятниках, исследованных Е. Лондсбю, количество примеров довольно ограничено.⁸ Основным же средством обозначения относительного суперлатива в древнорвежском языке была сильная форма без артикля, а абсолютного - слабая форма суперлатива с одним свободностоящим артиклем. В современном языке сильная форма суперлатива в качестве определения т.е. в составе ИГ, употребляется редко и с ограниченной группой прилагательных. Мы рассмотрели ИГ, содержащие суперлатив с точки зрения влияния абсолютного/относительного значения на употребление артиклей. Для определения значения суперлатива был применен элемент трансформационного анализа: производилась замена формы превосходной степени на форму положительной степени; если замена не влияет на смысл высказывания, то суперлатив - абсолютный, например: Det var den dødste, den lussmeste tiden på dagen langt fra morgen, lenge til kvelden... (EN, 10) - "Было самое мертвое, самое бездеятельное время дня, далеко за утро, задолго до вечера". В данном слу-

чае суперлатив абсолютный, так как без ущерба для смысла предложения можно употреблять позитив. Выбранные таким образом алативы представляют собой бесспорные случаи абсолютного значения суперлатива.

Среди примеров с ДУ артикля ИГ, содержащие элатив, составили 34%, 66% соответственно приходится на собственно суперлатив. Рассмотрим ряд случаев ДУ артикля с элативом и попытаемся объяснить ДУ: (1) ...han bestilte rike til de forskjelligste steder i Norge (DS, 149) — "... он заказывал междугородние разговоры с самыми разными уголками Норвегии". ДУ в (1) можно объяснить наличием обстоятельства, следующего за ИГ, т.е. ДУ в соответствии с правилом, сформулированным А.Вестерном;⁹ (2) Han hadde til og med den beste viljen til å helbrede henne (NJR, 83) — "У него даже возникло благороднейшее желание излечить ее". В примере (2) в соответствии с общим правилом после ИГ следует несогласованное определение.¹⁰ Следующий пример иллюстрирует ДУ артикля в ИГ с элативом, где существительное само по себе мало информативно и требует определения: (3) ...den telefon hang på vegg i det store lyseblå kjøkkenet og var av det eldste slaget (GBG, 124). — "Телефон висел на стене большой светло-голубой кухни и был самого старого образца".

Рассмотренные нами примеры показывают, что, несмотря на традиционное и одобряемое грамматиками употребление одного свободностоящего артикля с элативом, ИГ с элативом подчиняется и общим правилам употребления артикля в ИГ.

Среди примеров, содержащих ИГ с одним свободностоящим артиклем, соотношение абсолютного и относительного суперлатива следующее: 75% с абсолютным значением, а 25% с относительным. По данным материала, абсолютное значение суперлатива реализуется в основном в сочетании с абстрактными существительными. Прилагательное в суперлативе в сочетании с такими существительными имеет значение субъективной оценки признака, например: ...enda han visste med seg selv at han hadde de beste hensikter (JB, 101) — "...хотя для него было очевидным, что он имел самые лучшие намерения". Для ИГ с элативом характерны такие существительные, как mening, ettertanke, lykke,

depressjon, rettferdighet, uttrykk, bekreftelser и др., т.е. абстрактные понятия, связанные с поведением, существованием и мышлением человека. Таким образом, значительным фактором, влияющим на выбор артикля в ИГ с суперлативом, является характер существительного, его принадлежность к классу конкретных или абстрактных существительных. Это позволяет говорить о том, что в основе варьирования употребления артикля в ИГ с суперлативом и элативом лежит не столько смысловоразличительная функция артикля в данных ИГ, сколько особенности употребления абстрактных и конкретных существительных с артиклем.

Употребление тех или иных семантических подклассов существительных свойственно определенным синтаксическим позициям. Это было показано в ряде исследований на материале различных языков.¹¹ Так, например, в функции обстоятельства употребляются преимущественно абстрактные существительные, а в функции подлежащего подкласс конкретных одушевленных существительных. Наличие подобной зависимости позволило предположить, что в варьировании употребления артиклей в ИГ некоторую роль играет и их синтаксическая функция в предложении. Зависимость ДУ и употребление одного свободностоящего артикля в ИГ с суперлативом представлены следующим образом:

Артикль	Подлежащее (%)	Дополнение (%)	Предикатив (%)	Обстоятельство (%)
ДУ	40	80	25	40
Один свободностоящий артикль	60	20	75	60

Как видно из таблицы, ДУ норвежскому языку свойственны в большей степени ИГ в функции дополнения.

Анализ употребления артикля в ИГ с суперлативом показал, что: 1) ИГ почти всегда оформляется свободностоящим артиклем, который выполняет в основном синтаксическую функцию, в такой позиции его семантическая функция ослабевает, вся тяжесть последней переносится на суффиксированный артикль; 2) фонетические, синтаксические и семантические факторы оказывают влияние на ДУ артикля, но не в полной степени. Как показал наш

материал, ограничения нарушаются, что свидетельствует о тенденции к дальнейшему распространению ДУ в норвежском языке; 3) существует зависимость употребления артиклей от функции ИГ в предложении.

Примечания

- I L u n d e b y E. Overbestemt substantiv i norsk og de andre nordiske språk. Oslo, 1965, s.186.
- 2 W e s t e r n A. Norsk riksmålsgrammatikk for studerende og lærere. Oslo, 1975, s.528-530.
- 3 L u n d e b y E. Op. cit., s.289.
- 4 I b i d . , s.224.
- 5 W e s t e r n A. Op. cit., s.530.
- 6 L u n d e b y E. Op. cit., s.294.
- 7 W e s t e r n A. Op. cit., s.530.
- 8 L u n d e b y E. Op. cit., s.81.
- 9 W e s t e r n A. Op. cit., s.538.
- 10 I b i d . , s.528.

II К о л е с н и к о в А.А. Лексико-грамматические разряды имен существительных и их синтаксические функции. - В кн.: Проблемы теории членов предложения. Кашинев, 1973, с. 45-49; Ш т к а л о Н.И. К вопросу о функциональных особенностях частей речи. - В кн.: Актуальные вопросы грамматики и лексики русского языка. М., 1978, с. 165-170.

Сокращения

- AS - S a n d e m o v e A. En vjåmann går i Land. Oslo, 1963.
DS - S o l s t a d D. Svik. Førkrigsår. Oslo, 1977.
EH - H a a r v a r d s h o l m E. Zink. Oslo, 1971.
FA - A l n e s F. Koloss. Oslo, 1969.
GBG - B u l l G u n d e r s e n G. En dagdrivers optegnelser. Oslo, 1963.
JB - B o r g e n J. Noveller i utvalg 1936-1961. Oslo, 1963.
KH - H o l t K. Det stolte nederlag. Oslo, 1956.
NJR - R u d N. Johan. Jakten og Kvinnen. Oslo, 1966.

Artikkel i konstruksjonen "superlativ + substantiv"

I artikkelen analyseres bruken av foranstilt og sluttartikkel i konstruksjonen "superlativ + subst.". Det er en temmelig fast regel at sluttartikkelen mangler i konstruksjoner med elativ betydning. Det analyseres noen unntak. Analysen viser at norsk tenderer mot å utvide bruken av overbestemthet ved elativ betydning og at sluttartikkelen her mister sin betydningsbærende funksjon. I artikkelen vises også at overbestemthet og enkeltbestemthet i konstruksjonen "superlativ + subst." henger sammen med dens syntaksiske funksjon i setningen.

С. Н. Кузнецов

ЭМОТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Коммуникативная и эмотивная функции предложения

В традиционной грамматике выделяются четыре типа предложений, различающихся по цели высказывания:

- 1) повествовательные (сообщают определенную информацию),
- 2) вопросительные (запрашивают определенную информацию),
- 3) побудительные (призывают к какому-либо действию),
- 4) восклицательные (выражают чувства).

Эта классификация, сохраняющаяся в ряде работ по скандинавистике, в том числе в тех, которые претендуют на фундаментальное изложение теоретических проблем грамматики,¹ имеет в своей основе психологический характер. Указанные типы предложений соотносительны с тремя сторонами человеческой психики — разумом, волей и чувствами: повествовательные и вопросительные предложения обращены в первую очередь к сфере разума, побудительные — к сфере воли, восклицательные — к сфере чувств. Однако, как справедливо указывал А.И.Смирницкий, восклицательные предложения стоят в ином ряду, чем повествовательные, вопросительные и побудительные, так как любое из них может стать восклицательным, "если оно оформлено интонацией, присущей восклицательному предложению".²

Представляется целесообразным, вслед за А.И.Смирницким, отделить коммуникативную классификацию от эмотивной, т.е. вы-

делать, с одной стороны, повествовательные, вопросительные и побудительные предложения, а с другой – невосклицательные и восклицательные. В рамках коммуникативной классификации предложения различаются по типу вызываемой у собеседника реакции, эмотивные же классы отражают различное эмоциональное состояние говорящего.

Сказанное означает, что эти классификации ориентируются на разных участников речевого акта: коммуникативная – на адресата речи, эмотивная – на говорящего. Однако между коммуникативной и эмотивной функциями существует определенное взаимодействие. Оно проявляется, например, в том, что разные коммуникативные типы предложений избирательно реагируют на невосклицательность/восклицательность. Различие коммуникативных типов предложения связано с неодинаковой степенью речевого воздействия на собеседника: повествовательные предложения являются коммуникативно слабыми (они предполагают минимальную коммуникативную реакцию собеседника – усвоение сообщаемой информации), побудительные предложения выступают как коммуникативно сильные, требуя от адресата речи активной действительной реакции, вопросительные предложения занимают в этой шкале среднее место, вызывая ответное речевое действие, но не предполагая воздействия на поведение собеседника. Повествовательные и вопросительные предложения большей частью реализуются в невосклицательной (неэмоциональной) форме, а побудительные, наоборот, чаще всего в восклицательной: *Har kommer.// Kommer han? // Kom! Это связано с тем, что эмоциональность может усиливать коммуникативное воздействие на собеседника, и поэтому сильный коммуникативный тип (побудительные предложения), естественно, тяготеет к сильной эмотивности (восклицательности). Коммуникативное усиление предложения при нарастании его эмоциональности может быть продемонстрировано следующими примерами: *Vent lidt (Soya) "Подожди", Luk op øjeblikkelig!... Luk op!! Med det samme!! (Soya) "Сейчас же открой! ... Открой! Сию же минуту!!"**

Повышенная эмоциональность высказывания на письме выражается с помощью восклицательного знака, скопления восклицательных знаков, изменения шрифта (ср. применение курсива в последнем примере). Расположить предложения по степени нараста-

ния эмоциональности не представляется возможным; в лучшем случае можно лишь констатировать различие между эмоционально немаркированными (невосклицательными) и эмоционально маркированными (восклицательными) предложениями с непрерывной шкалой эмоциональности во втором случае.

Эмотивность может контактировать с коммуникативностью и совершенно противоположным образом — не усиливая, а ослабляя коммуникативную функцию, вплоть до ее полного исчезновения. Это имеет место в тех случаях, когда предложение является непосредственным выражением чувств говорящего, высказываемых без намерения вызвать ту или иную коммуникативную реакцию и даже в отсутствие других участников коммуникации. Получается, что сильная эмотивная функция как бы удерживает высказывание в сфере говорящего, не давая ему (высказыванию) проявить свою коммуникативную функцию. Правда, в этом случае говорящий часто адресует свое высказывание какому-либо воображаемому собеседнику, лишенному конкретного образа. Приведем характерный пример:

Med ansigtet mellem hænderne og albuerne på knæene sad hun og så ud over søens mørke flade. "Jeg elsker dig", hviskede hun, og hun var på een gang ikke klar over, om hun mente søen og mørket og granerne og de lyngklædte højder. Måske elsker jeg slet ikke Heints? tænkte hun tvivlende. Måske er det søen, jeg elsker. Eller måske mig selv... ..Hun lagde sig på ryggen i lyngen og stirrede op i den mørke natthimmel. I lang tid lå hun der, så rejste hun sig og arbejdede sig op på den høj, hvor Heints ved afskeden havde stået og vinket til hende. Da hun stod der, holdt hun hænderne som en dragt for munden og råbte: "Jeg elsker dig" (H.L. Jepsen). — "Закрыв лицо руками и уперев локти в колени, она сидела, глядя на темную поверхность моря. "Я люблю тебя", прошептала она, и ей вдруг стало неясно, не относятся ли эти слова к морю, темноте, ельм и поросшим вереском холмам. Быть может, я вовсе не люблю Хайнца? — с сомнением подумала она. Может быть, я люблю море. Или, возможно, себя... Она легла на спину в вереск и устремила взгляд в темное ночное небо. Так она пролежала долго. Затем поднялась и взобралась на холм, где при их расставании стоял Хайнц и махал ей. Остановившись, она приложила ладони рупором ко рту и прокричала: "Я люблю тебя".

Предложение *Jeg elsker dig* в обоих случаях произносится в условиях, заведомо исключающих коммуникативную функцию, — при отсутствии и даже неопределенности адресата речи, хотя исключение последнего предполагается и выражено местоимением 2-го лица *dig*. Характерно, что при таком речепроизводстве с "удержанной" (в сфере говорящего) коммуникативностью происходит резкое внешнее видоизменение высказывания: оно может сохранить свой восклицательный характер (*han råbte: "jeg elsker dig"*) с типичными для него просодическими параметрами — высотой тона, громкостью звучания и пр., но может и "свертываться" по всем этим параметрам, теряя громкость, высоту тона и пр., хотя функционально остается эмоционально маркированным высказыванием ("*Jeg elsker dig*", *hviskede hun*). Таким образом, сильная эмотивная функция может препятствовать реализации коммуникативной функции, и при этом внешние проявления эмотивности могут нейтрализоваться. Наличие таких эмотивных высказываний с "удержанной" коммуникативной функцией заставляет вспомнить о выделенных еще Л.Шаже "эгоцентрических высказываниях", которые говорящий произносит только для себя, не рассчитывая на восприятие их собеседником.³

II. Средства выражения коммуникативной и эмотивной функции

В датском языке коммуникативная функция имеет ряд специализированных средств выражения. Различие между коммуникативными типами предложения выражается с помощью порядка слов, формы сказуемого, передающей его модальность, а также лексическими средствами (например, вопросительными словами). Выражение же эмотивной функции на грамматическом и лексическом уровнях, как правило, не специализировано, так как невосклицательные и восклицательные предложения структурно могут не отличаться друг от друга. Универсальным средством выражения эмоциональности служит интонация, которая позволяет превратить любое невосклицательное предложение (повествовательное, вопросительное или побудительное) в восклицательное. Вместе с тем датский язык выработал и ряд средств относительной структурной спецификации восклицательных предложений, так как в их составе могут функционально перестраиваться синтаксические средства, первоначальное назначение которых не имеет ничего

общего с выражением эмоциональности. Так, эффект восклицательности может быть получен при использовании вопросительного предложения в качестве повествовательного или побудительного, отрицательного предложения в значении утвердительного, придаточного вместо главного, при замене настоящего времени на прошедшее, при опущении тех или иных членов предложения и, наконец, при инвертировании обычного порядка следования темы и ремы. Рассмотрим эти явления – эмотивную транспозицию предложений, эмотивный сдвиг времен, эмотивный аллиасис и эмотивную инверсию ремы.

I. Эмотивная транспозиция предложений

Типичным средством образования восклицательных предложений является транспозиция вопросительных предложений в повествовательные (а) и побудительные (б):

(а) Uha, bedstefar, er det dig! (Munk) "А, дедушка, это ты!"; Kæreste, hvor var du vidunderlig i aften! (I. Fischer) "Дорогая, какая ты сегодня чудесная!"

(б) Hvor vover du at kalde mig en burgøjsbertes!? (B. Olsson). – "Как ты смеешь называть меня буржуйской девкой!?" Hvor vover... "как ты смеешь..." употреблено здесь, конечно, в значении не вопроса, а побуждения: "Не смей...!"

Первый из этих двух способов выражения восклицательности получил настолько большое распространение, что некоторыми грамматистами он признается чуть ли не единственным средством передачи эмоциональности предложения. Так, Е. Бюсков определяет восклицательные предложения вообще как предложения "вопросительные по форме, но повествовательные по содержанию".⁴ Подобную трактовку можно встретить еще у Х.Г. Вивеля (1901): он различал вопросительные предложения в собственном смысле, на которые ожидается ответ, и "ослабленные вопросы", которые используются в качестве восклицательных предложений.⁵

Это замечание Вивеля хорошо согласуется с высказанной нами выше точкой зрения, по которой сильная эмотивная функция может приводить к ослаблению коммуникативной функции. Действительно, механизм превращения вопроса в восклицание можно объяснить частичным свертыванием коммуникативной функции вопросительного предложения: если вопросительное предложение, предпо-

лагающее сильную коммуникативную реакцию слушателя (ответное речевое действие), начинает использоваться как повествовательное предложение, то сильная коммуникативная функция становится избыточной и преобразуется в сильную эмотивную функцию — предложение становится восклицательным.

Транспозиция же вопросительного предложения в восклицательно-побудительное (случай б) не предусматривает свертывания сильной коммуникативной функции. Поэтому эффект восклицательности создается здесь не за счет преобразования одной функции в другую (коммуникативной в эмотивную), а за счет использования лексических средств: указанная транспозиция была бы невозможна без глагола *voce* "посметь, сметь" в функции сказуемого.

Транспозиция вопросительного предложения в восклицательное представляет собой в первую очередь функциональный сдвиг, при котором структурные особенности вопросительного предложения, т.е. вопросительные слова и особый порядок слов, остаются в общем сохраненными. Тем не менее в ряде случаев указанная транспозиция сопровождается и структурными изменениями, что свидетельствует о стремлении языка выработать специфические структуры для выражения эмоциональности. Так, например, в весьма типичных восклицательных предложениях с *hvor* имеется по сравнению с вопросительными предложениями акцентная и позиционная перестройка: в вопросительных предложениях наречие степени *hvor* удерживает при себе в начальной позиции предикативное прилагательное, которое несет основное фазовое ударение: *Hvor 'gammel er han?* "сколько ему лет?" (букв.: "как он стар?"). В восклицательных же предложениях прилагательное стоит на обычном месте предикативов, а фазовое ударение перемещается на финитный глагол: *hvor 'er han gammel!* "какой он старый!" Ср.: *Hvor v'ar jeg egentlig falsk!* (Зоя: ударение указано в оригинале) "Как я был неискрен!" Таким образом, notable тенденция к структурному размежеванию вопросительных и восклицательных предложений, которая коррелятивна иным подобным процессам, приводящим к становлению относительно специализированных конструкций восклицательного предложения.

Вторым способом образования восклицательных предложений является эмотивная транспозиция предикативных предложений в

главные. При этом они сохраняют структуру придаточных, но получают коммуникативную модальность независимых предложений, т.е. осмыслиются как повествовательные, вопросительные (редко) или побудительные. Здесь следует различать два случая.

(а) Самостоятельное употребление придаточных с относительными местоимениями и наречиями: *Hvor godt hun huskede - hvor godt hun fra den første dag mindedes alting* (Bang). - "Как хорошо она помнила - как хорошо она все помнила с первого дня"; *Hvor hun dog glædede sig umådelig til det karneval* (Bang). - "Как безгранично она радовалась этому карнавалу". На первый взгляд эти примеры идентичны транспонированным вопросительным предложениям, о которых шла речь выше. Однако для транспонированных вопросительных предложений характерен порядок слов независимого предложения (спрягаемый глагол на втором месте); приведенные же здесь высказывания строятся по образцу придаточных предложений (спрягаемый глагол после подлежащего и модальных частиц типа *dog*, а также отрицаний). Таким образом, на самом деле перед нами не функционально преобразованные вопросительные предложения, а придаточные с относительным словом. Ср.: *Hvor var de lykkelige for hinanden, de to* (Munk). - "Как они счастливы друг с другом" - транспонированное вопросительное предложение; *Hvor de må være lykkelig* (Bang). - "Как они должны быть счастливы" - транспонированное относительное придаточное.

Интересно, что в транспонированных придаточных относительное слово *hvor* может удерживать при себе предикативное прилагательное, как это обычно имеет место в исходной конструкции придаточного предложения. Ср.: *Han sad hele tiden og undrede sig over, at han aldrig havde set det før, hvor smuk og frisk hun var* (Bang). - "Он все время удивлялся тому, что никогда раньше не замечал, как она красива и свежа".

Таким образом, мы получаем следующие структурные типы вопросительных, относительных и восклицательных предложений с *hvor*:

Вопросительное предложение: *Hvor stort er barnet?* "Сколько лет ребенку?" (букв.: "Как велик ребенок?")

Относительное придаточное: ...hvør stort barnet er. "... сколько ребенку лет"

Восклицательное предложение – Hjør er det barn stort! "Ка- транспонированный вопрос: кой этот ребенок большой!"

Восклицательное предложение – Hjør det barn er stort! транспонированное придаточное: Hjør stort det barn (dog) er! "Какой этот ребенок большой!"

Отметим также восклицательные предложения с оптативной модальностью, начинающиеся относительным местоимением hvem (der): Hvem der nu havde en god bog! - "Как бы я хотел иметь хорошую книгу" (= Gid jeg havde en god bog!). Здесь функциональный сдвиг не ограничивается преобразованием придаточного предложения в независимое, он распространяется также и на предикативное отношение между подлежащим и сказуемым: hvem der относит действие не к 3-му лицу, а к 1-му лицу единственного числа.

(б) Самостоятельное употребление придаточных с подчинительными союзами (или подчинительной инверсией спрягаемого глагола): At I ikke skammer Jer! (Soya) - "И как вам не стыдно!"; Hvis nogen havde videt det! - "Если бы кто-нибудь знал это!"; Var jeg bare hjemme igen! - "Был бы я снова дома!"

Преобразование придаточного предложения в независимое предполагает опущение главного предложения: At det dog skulle gå så galt, gør mig ondt "Мне жаль, что так скверно получилось" > At det dog skulle gå så galt. - "Как скверно получилось"; Se, hvor søen dog er smuk i dag! "Смотри, как красиво сегодня море!" > Hvor søen dog er smuk i dag! - "Как красиво сегодня море!"

Однако в диахронии зафиксировано и такое преобразование, при котором главное предложение не опускается, а подвергается стяжению с придаточным. Таким образом возникло восклицательно-указательное слово sikken (из se, hvilken "посмотри, какой..."). Благодаря этому процессу возникла единственная структурно обособленная конструкция восклицательного предложения, не имеющая прямых соответствий ни среди независимых, ни среди придаточных предложений: Sikken (en) vejrer han er! - "Каков негодяй!"; Sikket (sikken et) vejr det er i dag! - "Ну

и погодка сегодня!"; *Sikken hjertebanken hun har (Bang)*.—"Как у нее бьется сердце!". В приведенных примерах *sikken* употребляется в качестве определения к существительному. Иное применение этого слова, еще дальше уводящее его от первоначального источника, обнаруживаем в случаях, когда *sikke(n)* играет роль наречия при прилагательном или при глаголе сказуемого: *Sikke koldt det er i dag!* - "Какой сегодня холод!"; *Sikken du er vokset!* - "Как ты вырос!"; *Sikken du opfører dig!* - "Как ты себя ведешь!".

Подобного же рода конструкция представлена и с указательным наречием *så*. Она также не имеет соответствия среди других конструктивных типов предложения, так как порядок слов в ней совпадает с порядком слов придаточного, но в противоположность придаточному здесь нет ни подчинительных союзов, ни относительных слов: *Så iskoldt der var (Bang)* "Как холодно там было"; *Så stærk du er, gamle far!* (Munk) "Силен ты, однако, папаша!".

Таким образом, в восклицательных предложениях происходит процесс закрепления структурных типов, отклоняющихся от обычной конструкции независимых или придаточных предложений и служивших синтаксическому обособлению восклицательных предложений от невосклицательных.

Эмотивная транспозиция отрицательных предложений в утвердительные обычно не имеет самостоятельного характера, она лишь сопровождает другие виды транспозиции предложений, например транспозицию вопросительных предложений в восклицательные: "Lugter her ikke dejligt!" - *sagde Museen (H.C.Andersen)* - "Какой прелестный запах!" - сказаламышь"; *Men selvfølgelig var jeg fornøjet! ... Hvem ville ikke have været det i mit sted!* (Soya). "Конечно, я был оскорблен! ... Да и кто бы не был на моем месте!".

2. Эмотивный сдвиг времен

Использование претерита вместо презенса составляет морфологическую особенность восклицательных предложений, однако синтаксически это явление ограничено типом предложения, построенного по формуле: "det var + оценочное прилагательное в функции предикатива" (*det var kedeligt/dejligt/besynderligt* и

т.п.), например: Se! Sneen er sort! Det var ogsa da mærkeligt (Bruun Olsen).— "Гляди-ка! Снег черный! Странное дело!"

3. Эмотивный алинеис

В восклицательных предложениях нередко имеет место опущение вспомогательных и связочных глаголов, т.е. устраняется носитель модальности в виде спрягаемого глагола. В результате подлежащее получает возможность непосредственного соединения с неличной формой глагола или предикативом: Jeg straffe ham! "Чтобы я наказал его!"; Jeg fundet pengene?⁸ — "Я нашёл деньги?". Такое соположение подлежащего с нефинитным глаголом или предикативом создает впечатление невозможности помыслить субъект и предикат связанными друг с другом, т.е. создает новую модальность взамен той, которая была устранена вместе со спрягаемым глаголом, а именно модальность невероятности, нереальности. Ср. характерный пример: Jeg - vigtig!!! Jeg der aldrig vidste hvad jeg skulle sige til folk jeg rendte på! Jeg der i selskaber enten snakkede alt for meget eller alt for lidt! ...var jeg vigtig!?! Nej. Alt andet kunne hun have beskyldt mig for. Blot ikke for og (=at) være vigtig (Soys)— "Это я-то важный!!! Я, который никогда не знал, что сказать людям, с которыми сталкивался! Я, который в обществе говорил либо слишком много, либо слишком мало! ... это я важничал!?! Нет. Пусть меня обвиняют в чем угодно. Но только не в том, что я важничал!".

Подобные случаи О.Есперсен рассматривает как обычный тип соединения подлежащего и сказуемого — "нексус отклонения": связь между подлежащим и сказуемым отклоняется как невозможная.⁹

4. Эмотивная инверсия ремы

Выше речь шла о коммуникативной и эмотивной функциях как целостных функциях всего предложения. Такая постановка вопроса не исключает, однако, возможности того, что обе эти функции могут быть неравномерно распределены по всей длине предложения. Предложение Han kommer i morgen.— "Он придет завтра" по своей коммуникативной характеристике является повествовательным, сообщаям определенную информацию (в противоположность, например, вопросительному предложению Kommer han i morgen?

"Он придет завтра?"). Однако не все компоненты повествовательного предложения имеют равную коммуникативную ценность; наиболее весомым, несомненно, является компонент *i morgen* "завтра", в котором и сосредоточена новая информация, подлежащая передаче, от говорящего к слушателю. Неоднородность распределения коммуникативной функции по длине предложения заставляет, как известно, постулировать наличие у предложения определенной коммуникативной перспективы или коммуникативного членения на тему и рему.

Имеется ли аналогичная неоднородность в распределении эмотивной функции и можно ли наряду с коммуникативной выделять эмотивную перспективу высказывания?

Формулируя указанную проблему, целесообразно вспомнить теорию Э. Драха, выдвинутую им в 1937 г. применительно к немецкому языку, но вполне допускающую перенос ее и на датскую почву. По мнению Э. Драха, предложение в немецком языке распадается на два поля — переднее, предшествующее спрягаемому глаголу, и заднее, следующее за спрягаемым глаголом. В переднее поле выдвигается все, что окрашено чувствами или желаниями, это поле (эмоционального) "выражения" (*Ausdrucksstelle*). В заднем поле сосредоточивается то, что должно произвести наибольшее воздействие на слушателя, это поле "впечатления" (*Eindrucksstelle*). В зависимости от того, какая из данных функций является главенствующей, выделяются два типа предложения: с акцентом на поле "выражения" (нем. "Endlich kam die ersehnte Nachricht" — "Наконец-то пришло долгожданное известие") или с акцентом на поле "впечатления" (*Nach langwierigen Untersuchungen erging das Urteil* — "После длительных исследований было объявлено решение").

Приблизив терминологию Драха к используемой в настоящей статье, можно сказать, что переднее поле является средоточием эмотивной функции, отражающей эмоциональное состояние говорящего, а заднее поле — коммуникативной функции (функции воздействия на собеседника). Различное распределение этих функций внутри предложения и их неодинаковая связь с участниками речевого акта проистекают из факта развертывания предложения во времени: для говорящего, строящего в уме план предложения, его начальная часть — это непосредственное будущее, то, что будет

произнесено первым и, следовательно, лучше всего приспособлено для непосредственного выражения эмоций говорящего. Для слушателя же предложение — это факт прошлого, причем последняя часть предложения воспринимается им в последнюю очередь (как непосредственное прошлое) и лучше сохраняется в оперативной памяти. Поэтому — то эмотивно наиболее весомая часть попадает в начало предложения, а коммуникативно весомая часть — в его конец.

Сказанным можно объяснить тот факт, что рема (коммуникативный центр высказывания) тяготеет к его концу, а инверсия ремы в начало предложения придает ему эмоциональный характер, ср.: Vældig er Java (J.V.Jensen). — "Огромна Ява"; Langsomt kom publikum på plads (Bang). — "Медленно расселась публика".

Наличие указанных построений, по-видимому, позволяет постулировать существование эмотивной перспективы высказывания, проявляющейся при нарушениях нормального развертывания коммуникативной перспективы (тема — рема > рема — тема).

П р и м е ч а н и я

- 1 V i n j e P.E. Compendium i grammatisk analyse. 6. utg. Oslo; Bergen; Tromsø, 1977, s.78.
- 2 С м и р н и ц к и й А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 259.
- 3 P i a g e t J. Le langage et la pensée de l'enfant. Neuchâtel; Paris, 1923.
- 4 В у в к о в J. Dansk sproglære. 5. udg. København, 1959, s.124.
- 5 W i w e l H.G. Synpunkter for dansk sproglære. København, 1901, s.264-265, 296.
- 6 Ibid., s.320.
- 7 D i d e r i c h s e n P. Elementær dansk grammatik. 3. udg. København, 1966.
- 8 W i w e l H.G. Op. cit., s.149, 162.
- 9 Е с п е р с е н О. Философия грамматики. М., 1958, с. 147-149.

Til forskel fra den kommunikative funktion, der i dansk har specielle udtrykmåder, findes der ikke nogle specielle udtrykmåder for den emotive funktion. Et universelt middel er intonation, som gør det muligt at forvandle enhver sætning i til en udråbsætning. Desuden forføljer dansk over en række midler som bruges for at opnå denne effekt. Disse midler analyseres i foreliggende artikel.

D. K. Кузьменко

ДАТСКИЕ ДИФТОНИИ

В современном датском языке много дифтонгов. У одних дифтонгов скольжение артикуляции происходит в сторону [i]-[ĩ] [ɔ̃i], [ũi], у других - в сторону [u] - [ĩu], [ỹu], [ẽu], [œ̃u], [œ̃u], [ou], [œ̃u], у третьих - в сторону центрального гласного [ʌ] (центрирующие дифтонги) - [ĩʌ], [ỹʌ], [ũʌ], [œ̃ʌ], [ɔ̃ʌ].

Единодушно мнение о том, что датские дифтонги являются реализацией бифонемных сочетаний, хотя доказываются это по-разному. А. Мартине определяет их бифонемность, используя правила И. С. Трубенцкого и Я. Вахека,¹ К. Яниковский противопоставляет дифтонги сочетаниям гласного с согласным (ср. напр., /sdaɪ'/ - steg, /sdaɪ'/ - stail).² Глоссематики рассматривают датские дифтонги на -ĩ и -ỹ как сочетания фонем в соответствии с трактовкой долгих гласных как сочетания двух кратких.³

Единодушно признавая бифонемность датских дифтонгов, лингвисты расходятся в том, с какой фонемой следует идентифицировать вторую часть дифтонгов на [ĩ] и [ỹ]. Одни считают вторые компоненты этих дифтонгов аллофонами гласных фонем /i/ и /y/, другие - аллофонами согласных /j/ и /v/.⁴

Не останавливаясь на критике критериев определения моно- и бифонемности, используемых при анализе датских дифтонгов, определим их статус, основываясь на принципе сопоставления слоговых и морфологических границ.⁵ В фонемных языках (там,

где слоговые границы не совпадают с морфологическими) монофонемными признаются все единицы, которые ни в одной из морфологических форм не распадаются на два слога. Английские дифтонги оказываются, таким образом, монофонемными, поскольку в позиции перед гласной второго слога второй компонент дифтонга никогда не отрывается слоговой границей от его первого компонента (ср. англ. low - lower /ləʊ/ - /ləʊə/), а русские дифтонги [aɪ] и [oɪ] бифонемны, поскольку перед гласной следующего слога они разлагаются на разделенные слоговой границей сочетания /a/ + /j/, /o/ + /j/ (ср. лай - лав [laɪ] - [la-ju]). Если мы применим эту предлагаемую М.В.Гординой процедуру к анализу датских дифтонгов, то увидим, что во многих случаях их поведение соответствует поведению русских сочетаний [aɪ] и [oɪ] - ср. hav - have [hɑu] - [hɑ'-və], skov - skove [sgəu] - [sgə'-və], kløv - kløve [kløu] - [klø'-və], veg - vege [væi] - [væ'-ɣə] и т.п. Такие чередования дают нам право говорить о бифонемности датских дифтонгов. Однако поведение датских дифтонгов отличается от поведения русских сочетаний [oɪ] и [aɪ]. Наряду с формами [hɑ'-və], [sgə'-və], [væ'-ɣə] и т.п. мы встречаем в литературной норме формы [hɑuə], [sgəuə], [væiə] и т.п. Датские фонетисты отмечают, что реализация дифтонгов может зависеть от стиля произношения, от слова, в котором употреблен дифтонг, а также от самого дифтонга. Так, если формы [lɑ'-və] и [grɑ'-və] love, grove могут употребляться и в высоком стиле и в обыденной речи, то формы [vɑ'-və] и [sgɑ'-və] - vove, skove уже невозможны в нейтральном стиле, где они уступили место формам с дифтонгами - ср. [vəuə] и [sgəuə].⁶ Хансен в своей трехтомной монографии "Современный датский язык", посвященной описанию датской литературной нормы, приводит список слов, в которых слоговая граница уже ни в одной форме не отделяет второй компонент дифтонга от первого. Больше всего таких слов с дифтонгами [aɪ] и [oɪ] (ср., напр., bølge, øje, løbe и т.п., rege, øje, øje и т.п.), всего три слова с [ɔu] (oven, over, doven), два слова с [ou] (bøvet, hved) и совсем нет слов с дифтонгом [ɪu].⁷

В датской литературной норме многие дифтонги оказываются двуликими. В одних морфемах они чередуются с сочетаниями фонем

перед последующим гласным, в других не разлагаются в этой позиции. В большом количестве слов мы встречаем факультативные чередования типа [aie] ~ [e-je], [oie] ~ [ø-je] и т.п. Отсутствие таких чередований в группе слов, приведенных О. Хансеном, и употребление в них во всех позициях дифтонгов свидетельствует о том, что даже в полном стиле произношения существует по крайней мере три монофонемных дифтонга /*ɔi*/, /*ai*/ и /*ɔu*/. Чередование типа [eg^hɔiə] [eg^h -və] следует поэтому интерпретировать в норме как факультативные чередования монофонемного дифтонга и бифонемного сочетания /*äv*/. Появление морфем с дифтонгом перед гласной по аналогии с морфемами, в которых дифтонги стоят в конечной позиции или в позиции перед согласной (напр., [eg^hɔi] - [eg^hɔiə] вм. [eg^hɔi] - [eg^h -və]), свидетельствует о том, что дифтонг стал монофонемой, так как перенос аллофонов по морфологической аналогии невозможен.⁸ Этот пример еще раз убеждает в том, что фонологическое изменение происходит до появления контрастирующих позиций и возникновения противопоставления является лишь следствием фонологического изменения.

В датской литературной норме не произошло еще монофонемизации всех дифтонгов, однако участь бифонемных дифтонгов решена. В разговорной речи Копенгагена тенденция к дифтонгизации всеобща - здесь во всех словах и во всех позициях победили формы с дифтонгами (ср., напр., liv - livet [liu^h] - [liu^h - əð], brev - brevet [br^heu^h] - [br^heu^h - əð] вм. старых форм [liu^h] - [li^h -vəð], [br^heu^h] - [br^he^h -vəð]).

Дифтонгизация сочетаний гласных с g, v, j во всех позициях считается одним из самых значительных изменений в языке Копенгагена за последнее столетие.⁹ В результате такого изменения в большом количестве слов слоговая граница совпала с морфологической. Одним из самых важных средств, обеспечивших такое совпадение, оказался датский "толчок". Старые формы типа /ty^h-væn/ - tyven, /br^he^h-vəð/ - brevet, в которых "толчок" как показатель сверхсвободного контакта резко отделял конечный согласный корневой морфемы от предшествующего гласного, сменяются формами типа /t^hu^h-æn/, /br^heu^h-əð/, в которых толчок обеспечивает полное совпадение морфологических и слоговых границ.

Кроме дифтонгов на *i* и *u* в датской литературной норме существуют и центрирующие дифтонги английского типа, которые восходят к сочетаниям гласных с /r/. Из сочетаний /a + r/, /o + r/ развились особые монофтонги [ʌ] и [ɔ]. В высоком стиле центрирующие дифтонги и монофтонги могут чередоваться с сочетаниями [aR], [ɔR], [iR], [uR] и т.п. Обычно датские лингвисты рассматривают и монофтонги [ʌ], [ɔ] и центрирующие дифтонги как реализации сочетаний гласных с /r/,¹⁰ поскольку сохраняется возможность их чередования с этими сочетаниями. Однако в позиции перед гласной следующего слова не "проявляется" согласная /r/ (ср., напр., *far* - *fare* [fʌ'] - [fʌ ə], или [fʌ], *tår* - *tåre* [tɔ'] - [tɔ'ə] или [tɔ'], *fyg* - *fyre* [fʏʌ'] - [fʏʌ'] и т.п.), что свидетельствует о монофонемном характере и центрирующих дифтонгов, и гласных [ʌ] и [ɔ]. Л. Андерсен отмечает, что сочетания "гласный + r + ə" полностью вокализованы в норме,¹¹ а Л. Бринк и Л. Луид считают, что вокализация /r/ происходит везде, "где недостаточно сильно ощущается слоговая граница".¹² Примеры, приводимые ими, убеждают нас в том, что поствокальное /r/ не вокализуется только перед ударной гласной (как, напр., в словах типа *bageri*, *kontorist* и т.п.).

Монофонемной трактовке дифтонгов и гласных [ʌ] и [ɔ], казалось бы, противоречат грамматические формы, в которых окончные /r/ или /er/ являлись особыми флективными морфемами (ср., напр., формы инфинитива *få*, *gå*, *dø* (få'/, gå'/, dø'/ и формы настоящего времени *får*, *går*, *dør* [fɔ'], [gɔ'], [dɔʌ'] и т.п.). Однако сопоставление форм [gɔ'], [dɔʌ'] и т.п. с формами инфинитива [gå'], [dø'] и формами настоящего времени типа *skriver* [sgrɪ'vʌ], в которых /ʌ/ оказывается показателем настоящего времени, вовсе не доказывает бифонемности [ɔ] или [ɔʌ], несмотря на кажущуюся очевидность такого анализа. Формоизменительными средствами могут быть, как известно, не только фонемы, но и признаки, и если, например, в английском форма множественного числа слова "студент" обеспечивается фонемой /v/ (/stjudent/ - /stjudents/), то в румынском в похожей форме множественного числа (/students/) [ts] является монофонемной аффрикатой; в одном и том же языке одни и те же

грамматические категории могут выражаться разными фонологическими средствами (ср., напр., образование множественного числа в датском *gås* - *gæs*, но *stol* - *stole*). Датские формы типа /dʰ/ - /dʰʌ'/, /rʰ/ - /rʰo'/ в том стиле произношения, где ни центрирующие дифтонги, ни монофтонги [ɔ] и [ʌ] ни в одной из форм не разлагаются на два слога, соответствуют не шведским и норвежским формам типа /dʰ/ - /dʰr/, /rʰ/ - /rʰr/ (где /r/ особая фонема), а тем формам, в которых изменение грамматического значения передается чередованием фонем (как, напр., в румынском /student/ - /studentə/ или в ирландском /gærɯn/ - /gærɯn'/).

Фонологические изменения, приводящие к переносу грамматической информации с флексии на корень, начались еще в древних германских языках (умлауты, преломления). В современной датской литературной норме эта тенденция захватывает все большее количество слов (во многих словах корневые фонологические чередования /ā/ - /ɔ/, /a/ - /ʌ/, /u/ - /ū/, /ø/ - /øʌ/ и т.п. вытесняют противопоставление нулевой флексии - /r/ - флексия). Еще более явно эта тенденция выражена в диалектах с алокопой, где почти вся грамматическая информация передается фонологическими чередованиями в корне.

Появление дифтонгов на [u], [i], фонем /ɔ/, /ʌ/ и центрирующих дифтонгов является проявлением тенденции к слогоморфемности, которая на протяжении многих столетий была ведущим фактором фонологических изменений в германских языках.

П р и м е ч а н и я

¹ M a r t i n e t A. La phonologie du mot en danois. - Buletin de societate linguistica, 1937, vol.38, p.216-217.

² J a n i k o w s k i K. Zur Phonologie der dänischen Diphthonge. - Wrocławskie towarzystwo naukowe. Rozprawy Komisji językowej VIII. Wrocław, 1971, s.219.

³ U l d a l l i H. The phonemics of Danish. - Proc. 2nd Intern. Congr. Phonetic Sci. Cambridge, 1936, p.54; H a n s e n Aa. Moderne dansk. I. København, 1967, s.303.

⁴ M a r t i n e t A. Op. cit., p.202-204; J a n i k o w s k i K. Op. cit., s.220.

⁵ Г о р д и н а М.В. О различных функциональных единицах языка. - В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966, с.172-183.

6 Н а п в е н Аа. Udtalen i moderne dansk, 2 opl. København, 1968, s.36; D i d e r i c k s e n P. Udtalen af dansk rigssprog. København, 1957, s.74.

7 Н а п в е н А. Moderne... s.305.

8 Т р н к а В. О аналогии в структуралним јазукозрпту.- Slovo a slovesnost, 1938, N 2, s. 221-223; С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. К теории звуковых изменений. - ВЯ, 1966, № 2, с. 71.

9 B r i n k L., L u n d J. Dansk rigsmål. Lydudviklingen siden 1840 med særlig henblik på sociolekten i København. København, 1975, s.221-222.

10 Монофонемность /о/, /а/ и центрирующих дифтонгов отстывает, насколько мне известно, только Х.Кофед (K o e f o e d H.A. Er det finale r en vokal i rigsdansk? - Danske studier 1964. København, 1964, s.56; A n d e r s e n P. Om det finale r i dansk.- Danske studier 1965. København, 1965,s.76).

11 A n d e r s e n P. Op. cit., s.76.

12 B r i n k L., L u n d J. Op. cit., s.275.

J.K.Kuzmenko

Diftonger i dansk

De danske i-, u- og r-diftonger som udvikledes af oprindelige kombinationer af vokaler + g, v, j og r betragtes sædvanligvis som manifestationer af fonemforbindelser. Imidlertid er en sådan fortolkning mulig kun i de tilfælde da diftongerne foran en vokal bliver til kombinationer af vokal +konsonant (skov [skou·] - skoven [skð'-vən], dag [dai·] - dagen [da'-yən] o.s.v.). Sælsænge diftongerne bliver til sådanne forbindelser har de en bifonematisk værdi. I løbet af det sidste århundrede har diftongerne trængt ind i stillingen foran en vokal ikke alene i københavnsk, men også i rigsmålet og formerne [skð'vən], [da'-yən] udstødes af formerne [skou'-ən], [dai'-ən]. Dette sker på grund af forskydningen af stavelsesgrænsen, hvad leder til vokalforkortelsen og stødforskydningen. Den morfologiske grænse i ordene 'skoven', [skou'-ən], 'dagen' [dai'-ən] o.s.v. sammanfalder nu med stavelsesgrænsen. Når stavelsesgrænsen sammanfalder med morfemgrænsen i alle former (deriblandt i stillingen foran en vokal) har diftongen en monofonematisk værdi. Monofonemiseringen af de danske diftonger betragtes i sammenhæng med tendensen til sammanfaldet af stavelses- og morfemgrænsen.

К. С. Кузьмин

СИМВОЛИКА КРУГА В РОМАНЕ СИГУРДА ХУЛЯ
"ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ"

Роман "Заколдованный круг" ("Trollringen"), написанный в 1958 г., — вершина творчества одного из самых известных норвежских писателей-реалистов XX столетия Сигурда Хуля (1890—1960) — представляет собой продолжение романа "Семейная сталь" ("Arvestålet", 1941). Многочисленные внутренние монологи-воспоминания главного героя Ховарда довольно точно передают содержание этого романа. В то же время "Заколдованный круг" — самостоятельное произведение, смысл которого во многом заключен в его названии.

События романа разворачиваются в глухом селении Нурбюгд, замкнутый мирок которого, как злой тролль, преследует свою жертву. Это селение — самый главный и самый страшный враг Ховарда из тех, с кем ему предстоит бороться. Враг этот не имеет конкретной оболочки, он многолик и вездесущ. Все попытки Ховарда изменить существующие порядки натываются на злобу и ненависть коренных жителей. Новое поколение жителей Нурбюгды повторяет путь своих отцов, раз за разом возвращаясь к исходной точке. Изменения, которые Ховард принес в селение, чисто внешние, формальные. Ему не удалось главное — изменить психологию людей. В поединке с человеческой косностью Ховард обречен на поражение. Так автор создает первый, реальный круг жизни.

Еще один заколдованный круг — это судьба Ховарда. Долгий и непростой путь привел Ховарда в глухую деревню за сотни миль от родного хутора. Он виновен в преступлении, опозорившем его в родном Телемарке. Женившись на Рённев из Нурбюгды, Ховард нарушил слово, данное Туне, которая, узнав об измене, бросилась в водопад.

Жизнь Ховарда в Нурбюгде, да и раньше, насколько это известно, представляет собой сплошную цепь неудач и поражений. Груз совершенного предательства не дает ему жить спокойно. "Что-то притягало его, вдавливало в сон, в болото... Он нес на спине груз, тянувший его к земле, и груз этот ему было суждено нести до конца своих дней" (с. 77).¹ Мечта искупить смерть Ту-

на просветительской деятельности в Нурбюгде оказывается иллюзией.

Все свои неудачи и поражения Ховард объясняет законом возмездия. Для него гибель Реннев, разбитие мечты, поражение в неравном поединке с Нурбюгдой — следствия одной причины: самоубийства Туне, виновником которого он стал. Все остальное, что произошло с ним, представилось ему лишь этапом на пути закономерного возмездия. Таким образом, проблема ответственности за совершенное преступление, занимающая важное место в послевоенных произведениях Хуля, представлена несколько иначе.

Мотивом возмездия пронизан весь роман. Он затрагивает и второстепенных героев и главных. Возмездие может быть мгновенным, может задержаться на долгие годы, но оно обязательно придет и достигнет преступника. Пройдя через муки и унижения, Ховард приходит к пониманию закона возмездия. "Я думаю, что я все же заслужил смерть" (с. 331), — говорит он незадолго до казни. Круг его жизни замкнулся. "Круг замкнулся, и он не знал, где начало, где конец, он раз за разом возвращался на старое место, как человек, заблудившийся в лесу" (с. 201). Пусть Ховарда судят за преступление, которого он не совершал, пусть его истинное преступление не карается земными законами. Однако во всей процедуре суда чувствуется атмосфера фатальной неизбежности финала, который не в силах изменить никто. Но если закон возмездия — закон всеобщий, то почему же остаются безнаказанными другие персонажи романа, виновные в преступлениях: Ханс Нурбю, Амми Муви, Керстаффер Берг? Не потому ли, что действие закона возмездия определяется отношением каждого человека к своему преступлению? Тогда придется признать, что возмездие Ховарда заключено в нем самом и закон возмездия — закон нравственный, мерилom которого является человеческая совесть. К этим выводам и приходит Ховард в тюрьме. Обвиненный в убийстве жены, он вынужден признать, что не вправе сетовать на несправедливость приговора. Его "постигло то, что одни называют *penes*, а другие *circulus vitiosus*. А в здешних селах это называют кругом троллей, или заколдованным кругом. Прошлое мстит за себя, человеческая судьба, как змея, жалит себя в хвост..." (с. 210).

После мучительных раздумий и колебаний, сидя в холодной камере и борясь с животным страхом смерти, Ховард осудил себя сам и приговорил к смерти.

Ответы на многие вопросы, которые возникают при чтении романа, можно получить, лишь обратившись к философскому уровню произведения. Философская основа романа представляет собой сложный синтез христианства и язычества. Хуль умело пользуется богатейшим фольклорным материалом. Он создает образ своего рода норвежского мессии, сложнейшую комбинацию христианина-язычника, сироецировав ее к тому же на обыкновенную человеческую жизнь — жизнь норвежского крестьянина. При этом автор пользуется перефразировкой Библии. Несмотря на то, что предложения строятся по-иному, используются другие слова и выражения, по смыслу некоторые фразы полностью или почти полностью соответствуют библейским.

Хуль, как и большинство писателей, видит в Библии исключительно произведение искусства и сосредоточивает внимание только на морально-этической стороне христианства.

Христианские мотивы особенно заметны в поведении главного героя. Ховард, и сам склонный в глубине души считать себя миссионером, поступает по заповедям Христа, хотя и не всегда это понимает. Ему, как и Христу, дано знание своих врагов и своей судьбы, но изменить ее он не может. "Я ничего не могу творить Сам от Себя" (Иоан. 5.30). "Слова, которые Я говорю вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела" (Иоан. 14.10).

Ховард поступает порой даже во вред себе. В моменты ясности все люди перед ним как на ладони. Например, он помогает Антону устроиться у себя на хуторе, хотя внутренний голос предупреждает его: "Ты в этом раскаялся!" (с. 160). Но Ховард поступает как истинный христианин. "И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними" (Лук. 6.31).

И предаст его так же, как Христа, те люди, к которым он шел с любовью, которым хотел добра. "... Иисус от начала знал, кто суть неверующие, и кто предаст его" (Иоан. 6.64). Разница в том, что Антон предаст Ховарда дешево, всего за десять да-

леров, которые получил от Ханса Нурбн. Меняются времена. Прококов уже не распинают на крестах, им рубят головы. Не меняются, по мнению писателя, лишь люди, которые остаются такими же злыми, жестокими, как и раньше, так же ненавидят своих благодетелей, преследуют, предают и убивают тех, кто несет им истину и свет, потому что рядом с ними люди чувствуют себя еще более жалкими и ничтожными. Через восемнадцать столетий приходит новый мессия и снова идет на Голгофу. Так замыкается круг истории.

Ховард, осознав в тюрьме свое истинное призвание, пройдя через муки и страдания, очистившие его душу, перестает быть обычным человеком. Он — мессия. "...мы нашли мессию, что значит "Христос" (Иоан.1,41). Теперь он, наконец, понимает, что смерть — это его искушение. "Я рассказывал тебе о Туне. Мысли о ней меня больше не мучают, не мучает и мысль о Реннев" (с. 336). Ховард свободен. Тяжкий груз, который он нес на своих плечах, сброшен, вина искуплена. Недаром он так тщательно и скрупулезно репетирует сцену казни, пытался угадать и место, и погоду, и все, что ожидает его в последний день. Теперь он точно знает, что готовится к главному в своей жизни, которая вся была лишь предисловием к этому событию.

Сцена казни — одна из самых ярких сцен романа. Здесь мы находим прямые аналогии с Библией. "Люди со всего селения и даже из других селений бросили свои дела" (с. 341). "И стоял народ и смотрел" (Лук.23.35). "Тогда воины правителя, взявши Иисуса в претории, собрали на него весь полк" (Мат.27.27). И на казни Ховарда присутствует полк мушкетеров. "Какой-то солдат рассказывал, что скоро придут еще солдаты, всего сотни три..." (с. 342). И народ иудейский, и жители Нурбнбдн одинаково воспринимают казнь своего мессии. Для собравшихся, как на праздник, людей зрелище казни оказывается страшнее, чем им хотелось бы. "Народ застонал, кое-кто рухнул на землю" (с.345). "И весь народ, следивший на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бил себя в грудь" (Лук.23.48).

Казнь Ховарда назначена вместо церковной службы. "Говорили, казнь состоится в половине одиннадцатого. В это время обычно начиналась служба в церкви..." (с.341). И люди пре-

красно понимают и чувствуют эту атмосферу. "Было тихо, как в церкви..." (с.343).

Смерть Ховарда становится апофеозом романа. В тот момент, когда палач наносит свой удар, два священника падают перед Ховардом на колени, как перед распятием. И хотя писатель рядом натуралистических подробностей, подчеркнуто обыденным описанием погребения тела казненного несколько снижает пафос сцены, обстановка торжественности и многозначительности происходящего сохраняется. А в последней фразе романа Хуль неожиданно изысканным стилистическим приемом вновь напоминает нам о Библии. "Так умер Ховард Еримнсен, крестьянин из Ульстада, сын крестьянина из Телемарка".

Как уже отмечалось выше, Ховард — не просто мессия, но мессия национальный, норвежский. В образе главного героя библейские мотивы причудливо переплетены с норвежским фольклором. Заметно это и на примере нищей старухи Мари, которая цитирует наизусть Библию и в то же время "колдовать немного умеет" (с.85).

История Нурбетты уходит корнями в глубокое прошлое. Никто не знает, когда был поставлен здесь первый хутор. "Когда-то это случилось, но давно, в незапамятные времена. Быть может, даже до принятия христианства ... Ведь стоит же на чердаке у Нурбт несколько старинных фигур, без спору погашие языческие идолы. На одном из них еще написано: "Св. Халвард" (с.16). Таким образом, Ховард осмысливается не только как христианин, но и как языческий святой. "... имя Ховард редко услышишь в здешних местах, у нас его произносят Халвор" (с.313).

Итак, христианство в Норвегии мирно уживалось с местными суевериями. Крестьяне и охотники верили в троллей, домовых, великанов, распевали старинные песни, передавали из поколения в поколение древние легенды. Хуль использовал этот богатейший фольклорный материал, создавая образ норвежского мессии.

Роман "Заколдованный круг" дает доскональную картину жизни норвежских крестьян в первой половине XIX в. Хуль не стремится высветить прежде всего главную идею пусть даже в ущерб исторической достоверности произведения. Бабуля романа развивается как на фоне крупных исторических событий (война Норвегии со Швецией), так и на фоне повседневного крестьянского быта.

Образ Ховарда-лзычника в романе не менее важен, чем образ Ховарда-христианина.

Общее гнетущее настроение, ощущение грядущей беды передает песня о Виллеманне и Сингне. "...он едет к Синей Горе, чтобы найти и освободить сестру. И вот он сам попадает в гору, и забывает все, и не узнает сестры. Но спустя много-много лет он слышит колокольный звон, узнает сестру, спасает ее, но зато великанша убивает его самого" (с.172). Если следовать этой легенде, то история Ховарда предстает в новом свете. Ховард теперь — благородный рыцарь Виллеманн. Великанша — Рённев ловит его в свои сети и заставляет забыть, зачем он пришел в гору, сбить его с пути и вынудить ходить по кругу. Власть Рённев над Ховардом — власть тьмы, власть ночи. Ховард должен освободиться из-под власти Рённев и узнать погибающую Туне в образе падчерицы Рённев — Кьерсти.

Туне сама помогает ему в этом. Наследный клинок, который Ховард подарил когда-то ей в знак любви и верности, он, после самоубийства девушки, перековывает в косу и убивает им медведя. Убитый медведь — символ побежденных злых сил. В тот же день Ховард трижды слышит колокольный звон. Царство ночи отступило. "Ему приснилось, будто медведица стояла с занесенными над Кьерсти лапами, приготовившись ударить. Тогда он взмахнул косой и вонзил ее так, что медведица обмякла, нет — это была не коса, а нож, наследный клинок, и никакая не медведица, а Рённев, но вот Кьерсти ли это? Или это..." (с.231). Да, это Туне. У Ховарда открылись, наконец, глаза, и обе девушки объединились в его душе в одну.

Национальные фольклорные мотивы, переплетаясь с христианскими верованиями, лежат в основе третьего круга — круга истории человечества, истории, которая повторяется: новые фарисеи распинают нового Христа, снова благородный рыцарь гибнет в неравной борьбе с темными силами природы. Это и есть символический закодированный круг.

В романе есть только один реальный круг, который протоптал, гуляя вокруг своего хутора, полусумасшедший Хётне Лиен. "Круг его с годами все меньше. Да так оно, впрочем, и у всех" (с.98). Но оказывается не у всех. Ховард принимает смерть,

пройдя свой путь до конца. И когда он поднимается на свои 10-гофу и два священника падают на колени, видя величественное зрелище освобождения человека, он расширяет свой круг, бесконечный и вечный, как Вселенная.

П р и м е ч а н и я

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Хуль С. Заколдованный круг. М., 1980.

С о к р а щ е н и я

Иоан. - Евангелие от Иоанна.
Лук. - Евангелие от Луки.
Мат. - Евангелие от Матфея.

K.S.Kuzmin

Ringens symbolikk i Sigurd Hoels "Trollringen"

Tittelen "Trollringen" tolkes i art. på tre forskjellige måter: det er ringen av ondskap, misunnelse og hat som Nordbygda omgir "utabygdingen" med, ringen av Håvarda skjebne-gjengjeldelsen for hans forbrytelse og endelig den symbolske trollringen av menneskehetens historie. Disse ringene ligger likevel i samme plan og overlapper hverandre.

И. П. Куприянова

"СКОРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ" ЛЕОНОРЫ КРИСТИНЫ УЛЬФЕЛЬДТ -
ПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ДАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА

В истории датской культуры принято оценивать XVII век как период, отмеченный в первую очередь подъемом в области науки и научной литературы. Именно в этой сфере духовной жизни страны раньше всего сказалось начавшееся еще в конце XVI в. проникновение идей европейского Ренессанса, влияние итальянского и голландского гуманизма. На протяжении XVII в. Дания дала миру целую плеяду крупных ученых, внесших неопределимый вклад в развитие естественных и гуманитарных наук.

Становление национальной художественной литературы происходит в этот период относительно замедленно. Здесь в боль-

шей мере проявляется воздействие местных факторов: экономические трудности, порожденные разорительными войнами, неизжитые до конца феодальная отсталость и раздробленность, заметное ослабление позиций Дании в международных отношениях. Особенности определяемого этими факторами состояния идеологии находят свое выражение в том, что литература XVII в. носит по преимуществу подражательный характер, лишена оригинальности и национального своеобразия. Явления, достойные внимания, мы находим лишь в поэзии: религиозная лирика Андерса Арребо и Томаса Кинго, поэтический еженесячник "Датский Меркурий", издававшийся в 1666-1677 гг. Андерсом Бордингом. Что касается прозаического жанра, то в нем основное место занимает многочисленные переводы, главным образом с немецкого и французского языков, а также произведения, рабски следующие далеко не лучшим иностранным образцам.

На этом фоне особенно ярко выдвигается единственное поистине незаурядное произведение датской прозы XVII в. — "Скорбные воспоминания" Леонора Кристины Ульфельдт. Трагическая судьба автора в немалой мере содействует глубине восприятия этой книги, но нет сомнений в том, что и сама по себе она обладает значительной художественной ценностью.

Леонора Кристина, любимая дочь короля Кристиана IV от марганатического брака с дворянкой Кирстен Мунк, родилась в 1621 г. и после разрыва короля с ее матерью воспитывалась при дворе, где получила широкое по тем временам образование. В возрасте 15 лет она стала женой блестящего аристократа, сына государственного канцлера, Корфица Ульфельдта, пользовавшегося особым расположением короля.

На протяжении последующих лет Корфиц Ульфельдт приобретает все большую власть и влияние. В 1637 г. Кристиан IV назначает своего зятя правителем Копенгагена, в 1643 г. делает его первым министром и передает ему государственные финансы. В шеститомной истории Дании, опубликованной в 1896-1907 гг., дается следующая характеристика Корфица Ульфельдта, основанная на воспоминаниях современников: "Как никто другой, он умел держаться с достоинством, быть свободным в общении, блистать остроумием и иронией и в то же время хранить скромность выражения;

как никто другой, был сведущ в философии и художественной литературе и был в высшей степени светским человеком".¹ В то же время автор не скрывает, что под блестящей и неоспоримо обаятельной внешностью Ульфельдта крылись серьезные недостатки морального свойства: "О нем говорили, что сила духа его превосходит трезвость суждений, а умение производить впечатление в личном общении — выше его способностей государственного деятеля... С прочими качествами в нем сочетались жгучее честолюбие и жаркая беспокойная страсть к деньгам, демоническое отсутствие моральной брезгливости в выборе средств для достижения своей цели".² Сказанное вполне объясняет тот факт, что по мере возвышения Ульфельдта росло и недовольство им, множилось число врагов и завистников.

Любовь отца и высокое положение мужа обеспечили Леоноре Кристине статус первой дамы датского двора. Прекрасная внешность, незаурядный ум и такт, широкие познания в различных областях — все это содействовало ее успеху как в придворных кругах Дании, так и при иностранных дворах, которые она посещала, сопровождая Ульфельдта в многочисленных дипломатических поездках.³ И, очевидно, все это породило неуемную ненависть, которую испытывала к Леоноре Кристине жена ее сводного брата — будущего короля Фредерика III.

Смерть Кристиана IV в 1648 г. означала конец блестящего существования четы Ульфельдтов. Вскоре Корфиц Ульфельдт был смещен со всех высоких постов и после ряда острых столкновений с новым монархом в 1651 г. покинул Данию вместе с семьей. С этого времени начинается по-своему трагический, хотя и не всегда благовидный, период политических метаний и неосмотрительных действий Ульфельдта. В 1658 г. он в качестве шведского представителя участвует в мирных переговорах в Роскилле, но уже через год вынужден бежать из Швеции в Данию, спасаясь от обвинения в государственной измене. Проведя почти два года в заключении на Борнхольме, семья Ульфельдтов на унижительных условиях добивается прощения Фредерика III; однако получив разрешение выехать в Голландию для лечения, Корфиц Ульфельдт вступает в переговоры с курфюрстом Бранденбургским Фридрихом-Вильгельмом, прося помощи для свержения короля и обещая за это корону Дании.

Оповещенный курфюрстом, Фредерик III принимает меры, чтобы захватить Ульфельдта, а когда это не удается, подвергает его суду заочно. Согласно внесекному приговору, предатель и все его потомство лишаются дворянского звания, их имущество конфискуется, и за отсутствием приговоренного публично казни подвергается его изображение. Дом Ульфельдтов в центре Копенгагена был сожжен, и на его месте водружен позорный столб, стоявший вплоть до 1842 г.

Если Корфиду Ульфельдту удалось скрыться (проведя еще год в непрерывных скитаниях, он умер в 1664 г. недалеко от Базеля), то судьба его жены сложилась иначе. Летом 1663 г., после суда над Ульфельдтом, она была вероломно выдана Фредерику III английским королем Карлом II, к которому поехала по поручению мужа взыскать старый долг. Доставленная в Копенгаген пленница была помещена в тюрьму Синюю башню, где без суда находилась в течение 22 лет.

Датские историки отказываются вынести определенное решение о том, насколько Леонора Кристина была посвящена в планы мужа, но совершенно ясно, что только отсутствие прямых улик и проявленная стойкость при допросах помогли ей сохранить жизнь. Ясно и то, что помимо политической борьбы в судьбе Леоноры Кристины огромную роль сыграла ненависть королевы. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, пережив Фредерика III, Леонора Кристина не получила свободы и при его сыне — Кристиане V, пока была жива София-Амалия. Только после смерти последней, в 1685 г., узнице было разрешено покинуть Синюю башню и поселиться в монастыре в Марибо. Здесь она прожила еще 13 лет, получая пенсию от короля, и в 1698 г. умерла.

Воспоминания Леоноры Кристины не предназначались для публикации, по мысли автора они должны были остаться чисто семейным документом, главная задача которого — посвятить детей в трагическую историю матери, избавить их от возможных сомнений в ее полной невинности. Однако благодаря живому уму, тонкой наблюдательности и несомненному литературному дарованию Леоноры Кристины, ее книга далеко превосходит первоначальный замысел.

Перед читателем разворачивается не только картина тяжелых физических и моральных испытаний, выпавших на долю автора, но

и чрезвычайно подробное, изобилующее живыми деталями изображение повседневного быта дворцовой тюрьмы. Леонора Кристина тщательно описывает помещение, в котором ее содержат: хульная, лишённая окон зловонная камера, носящая название "Тёмной церкви", в которой она провела первые дни, и более просторные и приспособленные для жизни камеры, в которые ее переводили позднее. Рассказывая о своих сторожах и прислужниках, Леонора Кристина даёт лаконичную, но яркую характеристику особенностей их поведения, внешности, личных качеств. С признательностью отмечая каждое проявление человеческого отношения и внимания к себе самой, она подчеркивает, что это могло навлечь на людей гнев "сильных мира сего" и потому было очень опасным. Поэтому вполне понятно, что пленница очень сдержанно говорит о тех, кто оказывал ей помощь, сочувствие, и гораздо более подробно повествует о грубости и жестокости, с которыми ей приходилось сталкиваться.

Человек глубоко верующий, Леонора Кристина ищет поддержки и моральных сил в религии, постоянно утверждая, что только незримая уверенность в мудрости и милосердии божественного провидения дала ей силы вынести все лишения. И в то же время из ее рассказа становится ясно, что не менее важное значение имело проявленное ею самовладание, несгибаемая сила воли, способность при любых обстоятельствах не утратить контроль над собой. Вырванная из привычной обстановки, поставленная в почти невыносимые условия женщины не позволяет себе погружаться в мрачные размышления, с поразительной изобретательностью изыскивая возможности занять чем-то свой ум, свои руки. Используя те ничтожные средства, которые ей доступны, она занимается рукоделием: выдернутыми из пояса нитками вышивает на случайно попавшей в руки тряпичке сложный узор, лепит фигурки из глины. Часами наблюдает за кишками в камере паразитам, пытаясь делать "научные" заключения об особенностях их поведения и размножения.

Позднее, когда Леоноре Кристине удалось установить некоторые контакты с внешним миром (по вполне объяснимым причинам она не всегда сообщает, как это происходило), она прежде всего заботится о том, чтобы получить книги, писчие материалы, все

необходимое для рукоделия. В текст рукописи вкраплены стихи, сочиненные или переведенные ею в разное время.

Поскольку значительная часть книги написана непосредственно в заключении, естественно, что ее автор избегает упоминаний о чем бы то ни было, не предназначенном для сведения ее тюремщиков и гонителей. Описывая допросы, которым она подвергалась, Леонора Кристина ограничивается воспроизведением заданных ей вопросов и своих ответов, упорно воздерживаясь от каких-либо комментариев. И тем не менее, даже в таком скупом изложении, перед нами встает яркая картина упорной отчаянной борьбы, которую она ведет со своими преследователями, не боясь прозрачных угроз и не поддаваясь на туманные обещания о помиловании в случае признания вины.

Так же сдержанно упоминает Леонора Кристина и о своих могущественных врагах — Фредерике III и королеве Софии-Амалии. О короле она пишет в неизменно почтительном тоне, не забывая каждый раз называть "королевским величеством" и подчеркивать, что верит в его справедливость и милосердие. Подлинное отношение автора к королевской чете, в особенности к Софии-Амалии, которую она обоснованно считает главной виновницей своих бед, достаточно определенно прочитывается между строк. Повествуя об унижительном обыске, которому ее подвергли в первый день заключения, Леонора Кристина сухо констатирует, что произведен этот обыск был приближенными королевы, по ее личному приказанию. Без всяких комментариев приводится случайно услышанный разговор о том, что королева ежедневно требует отчета о состоянии и поведении узницы. Так же внешне бесстрастно констатирует Леонора Кристина ухудшение здоровья Софии-Амалии, приводит рассказы прислужниц о том, как она постарела и подурнела, а, наконец, сообщает, что "богу было не угодно" дать вдовствующей королеве возможность перед смертью проститься с сыном.

Ровный и почти безучастный тон повествования порой резко оттеняет характер событий и переживаний, о которых идет речь. Огромной трагической силы исполнены строки, посвященные описанию тяжелого душевного кризиса, пережитого Леонорой Кристиной в первый месяц заключения, ее состояния после получения известия о смерти мужа, о позорном ритуале "заочного четвертова-

ния" и т.д. Нерадко этот же бесстрастный тон служит прикрытием иронии, глубокого презрения и даже злорадного торжества. Так, при описании обыска, перечисляя все, что было у нее отобрано, Леонора Кристина сообщает, что ей все же удалось утаить несколько драгоценных камней под бинтами на больной ноге и во рту. Называя своих особенно жестоких преследователей, она не упускает возможности упомянуть и о всякого рода несчастьях и бедах, приключившихся с ними в дальнейшем. В дополнении к Предисловию, написанному после освобождения, Леонора Кристина приводит целый список людей, так или иначе сыгравших отрицательную роль в ее судьбе, которых постигла мучительная или унижительная смерть.

В композиционном и стилистическом отношении книга не однородна. На основании анализа бумаги, которой пользовалась Леонора Кристина, изменений, происшедших в особенностях ее почерка, и датировки упоминаемых событий, датские исследователи высказывают предположение, что работа над первой частью рукописи завершена в период с весны 1673 до июня 1674 г. Существует, однако, мнение, что отдельные заметки и черновики к этой части были написаны раньше. Подтверждением этой точки зрения можно считать чрезвычайно детальный, почти дневниковый характер записей, относящихся к событиям первых недель и месяцев заключения. К тому же в тексте есть упоминание о том, что уже в самом начале своего пребывания в Синей башне Леонора Кристина тайно обзавелась письменными принадлежностями: пером, сделанным из куриной коготки, и чернилами, состоявшими из разведенной пивом сажи.

Нет сомнений, что детальность, характерная для начальной части рукописи, имеет и чисто психологическое объяснение: здесь речь идет о событиях, врезающихся в память рассказчицы, о днях, когда ее жизнь и жизнь ее близких подвергалась непосредственной опасности.

Датировка последующих частей менее определена, однако исследователи склоняются к мнению, что события 1674—1685 гг. фиксировались автором в виде черновых заметок, послуживших основой окончательного варианта, написанного уже в монастыре. Такое заключение обосновывается опять-таки анализом качества

оумати и особенностей почерка и подтверждается установленными неточностями в датировке отдельных эпизодов, воспроизведенных, очевидно, позднее по памяти.

Можно предположить, что после смерти Фредерика III (1670) у Леоноры Кристины возникла надежда на освобождение, и это побудило ее к написанию воспоминаний, которые она собиралась передать детям. (В это же время она пишет и свою биографию на французском языке). Однако к лету 1674 г. стало ясно, что надежда эта тщетна, — и именно к этому времени относится Предисловие "К моим детям", написанное в форме письма и датированное 11 июня 1674 г. Монотонное существование в тюрьме на протяжении последних лет превратило ведение записей в одно из занятий, помогавших автору коротать время.

Наконец, заключительная часть книги целиком написана после освобождения, ей свойственна почти такая же детальность в изображении, какую мы видим в самом начале. Описывая свой выход из Синей башни, Леонора Кристина с удовлетворением отмечает, что по ее настоянию он был обставлен с некоторой торжественностью: несмотря на поздний час, дворцовая площадь была запружена народом, и даже сама королева вышла на балкон.

Язык книги, несомненно, дает интереснейший материал для глубоких изысканий.⁴ Если в первой части автор прибегает к подчеркнуто литературной манере изложения, то в дальнейшем построение фраз и лексика все более приближаются к разговорной речи: исчезают сложные грамматические обороты, близкие строю немецкого языка, часто встречавшиеся ранее галлицизмы и немецкие слова уступают место датскому просторечью. Следует также отметить, что Леонора Кристина стремится передать специфику речи различных людей: она воспроизводит немецкую речь одного из надзирателей и диалекты, на которых объясняются надсмотрщики и заключенные; приправленные французскими изречениями фразы допрашивающих ее сановников и малограмотную болтовню прислужниц. Все это обогащает стиль "Скорбных воспоминаний" делает его многокрасочным и разнообразным.

Весьма вероятно, что можно поставить под сомнение объективность Леоноры Кристины в освещении некоторых фактов и обстоятельств, но сила эмоционального воздействия ее мемуаров

неоспорима. За сдержанными по тону строками отчетливо вырисовывается фигура автора — незаурядной личности, в непомерно тяжелых испытаниях сумевшей сохранить человеческое достоинство, трезвый критический ум, силу воли и чувство имора. Будучи в полной власти своих тюремщиков, Леонора Кристина находит возможность утвердить свое моральное превосходство над ними, в то же время чутко откликалась на каждое проявление доброжелательности. По понятным причинам она очень мало пишет о муже, но то немногое, что мы узнаем, убеждает в непритворности глубокой любви и преданности, стойко пронесенной ею сквозь все превратности судьбы.

Не удивительно, что история Леоноры Кристины вызвала живейший интерес многих писателей Дании. Х.К.Андерсен в сказке "Хальгер Датчанин", называя Леонору Кристину "благороднейшей и лучшей из всех датских женщин", говорит о том, что ее горячее сердце украшает собой герб страны. В другом произведении — "Альбом крестного" — он отмечает, что ее судьба — "это песнь, такая радостная в начале и такая печальная в конце". И, наконец, в стихотворении, посвященном Корфину Ульфельдту, Андерсен отказывается безоговорочно осудить его, раз он был удостоен любви такой выдающейся женщины.

Некоторые литературоведы высказывают предположение, что стилистические и языковые особенности "Скорбных воспоминаний" оказали воздействие на Я.П.Якобсена при написании им знаменитого исторического романа "Фру Мария Груббе" (1876). Думается, что эту мысль можно продолжить и развить: в чертах, которыми Якобсен наделяет свою героиню, легко заметить многое, сближающее ее с автором "Скорбных воспоминаний".

Неисчерпаемым источником вдохновения стали воспоминания Леоноры Кристины для одного из крупнейших живописцев Дании — Кристиана Цартмана, создавшего на их основе немало значительных произведений.⁵

После смерти Леоноры Кристины рукопись "Скорбных воспоминаний" была отослана ее младшему сыну — Лео Ульфельдту, жившему в Вене, и хранилась в семейном архиве до 1868 г., когда ее случайно обнаружил там датский историк Ф.Р.Фриис, занимавшийся рознскими документами о Тико Браге. В 1869 г. рукопись была

впервые опубликована С.Биркет-Смитом,⁶ а в 1920 г. ее удалось приобрести для коллекций Фредериксбергского музея, где она и хранится.

Видимо, именно тем обстоятельством, что датские исследователи относительно поздно получили доступ к оригиналу рукописи, можно объяснить сравнительную немногочисленность специально посвященных ее рассмотрению научных работ. Однако в последние годы интерес к произведению Леоноры Кристины Ульфелдт оживился: так, в 1982 г. в Народном университете Орхуса группой исследователей был прочитан цикл лекций на тему: "Леонора Кристина - королевская дочь, писательница и борец за права женщин", материалы которого были позднее опубликованы Научным обществом Орхусского университета.⁷ Нет сомнений в том, что "Скорбные воспоминания" будут и впредь привлекать к себе внимание ученых - как исторический и человеческий документ и как наиболее совершенный образец художественно-мемуарной прозы Дании XVII в.

Примечания

¹ Steenstrup Joh., Krslev Kr. o.a. Danmarks Riges Historie. København, 1896-1907, bd IV. s.235.

² Ibid., s.235-236.

³ Сохранились воспоминания одной из придворных дам французской королевы, где высказывается восхищение красотой, аристократичностью и светскими манерами Леоноры Кристины Ульфелдт (Peter sen M. Kongedatteren Leonora Christina Ulfeldt og hendes husbond. København, 1938, s.42-43).

⁴ Исследованию языка "Скорбных воспоминаний" посвящено несколько работ известных датских лингвистов (см., например: Nielsen N.A. Dansk og fremmed tale: "Jammersmindet". - Runer og rids. Festskrift til Lis Jacobsen. København, 1952.

⁵ "Леонора Кристина в тюрьме" (1870), "Леонора Кристина покидает Синюю башню" (1873-74), "Леонора Кристина в монастыре Марибо" (1882), "Оскок Леоноры Кристины в тюрьме" (1887-88) и др.

⁶ Им же написаны первые работы о судьбе Леоноры Кристины: Birket-Smith S. 1) Leonora Christina Ulfeldts Historie. København, 1879-81; 2) Leonora Christina Ulfeldts Levned. København, 1887.

⁷ Leonora Christina. Historien om en helinde. - Acta Jutlandica LVIII, Humanistisk serie 57. Århus, 1983.

I.P.Kuprijanova

Leonora Christinas Jammersminde

Den danske litteratur ejer kun få betydelige prosværker fra det XVII århundrede. Det mest værdifulde er "Leonora Christinas Jammersminde", en selvbiografisk bog, som giver en gribende beskrivelse af forfatterens mangeårige fængselsophold. Som litterær præstation er bogen enestående i kraft af forfatterens evne til med få streger at kunne beskrive en situation, at skildre levende mennesketyper og den måde, de taler på. Bogen, som første gang blev udgivet i 1869, har siden den tid tiltrukket sig vedvarende opmærksomhed fra både forskeren og kunstneres side.

С.С.Маслова-Лашанская

МЕТОДЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОГОВ

Линии анализа предложной семантики рассматриваются в этой статье в основном на шведском материале с привлечением данных русского и некоторых других языков. В ходе изложения используются следующие термины: 1) предложная конструкция (ПК) — словосочетание, оформленное с участием предлога: gå på bio = пойти в кино; 2) регено (Р) — знаменательное слово в составе ПК, от которого зависит другое слово, присоединенное с помощью предлога¹: gå в gå på bio; 3) депенденс (Д) — зависимое знаменательное слово в составе ПК²: bio в gå på bio; 4) предложный вариант (ПВ) — семантический вариант многозначного предлога, иначе говоря, каждое из значений такого предлога, закрепленное за экспонентом,³ общим для ряда ПВ;⁴ 5) предложная форма (ПФ) — сочетание предлога и депенденса (П + Д): på bio = в кино; 6) предложно-падежная форма (ППФ) — соединение предлога и депенденса в форме того или иного косвенного падежа: к лесу (П + П_{дат.}, т.е. депенденс имеет форму дательного падежа); ППФ — способ использования предлогов в таких языках, как русский, немецкий;⁵ в шведском языке можно говорить о ППФ, если депенденс является личным местоимением (mig в Skriv till mig "Пиши мне") или же депенденс-существительное соединен с предлогом för ... skull, требующим, чтобы депенденс имел форму родительного падежа: för vännernas skull "ради друзей".

Характер предлогов как отчетливо выделяемых элементов словарного состава вызвал к жизни давнюю традицию лексикографического описания предложной семантики в разных языках; значения шведских предлогов описаны в ряде словарей на высоком уровне — широко транслированно.⁶ Однако лексикографическое описание является "изолирующим", каждый предлог выступает в словаре как самодовлеющая единица, взаимосвязь и взаимодействие предлогов лишь в небольшой степени полагает в поле зрения лексикографа. Лексикографы не учитывают в должной мере сущность предлогов как грамматического средства, и поэтому нередко значение предлога смешивается со значением деппенденса в составе ПФ. Например, словарь под редакцией Б.Мольде указывает, что предлог från обозначает исходную точку движения (geva från en ort "ехать от какого-либо населенного пункта"), в то время как исходную точку обозначает Д, а предлог указывает только на аблативность — отделение от какой-либо группы.

Другая линия анализа предложной семантики основывается на понимании предлога как одного из формальных средств, выражающих зависимость между языковыми единицами. В шведском языкознании эта линия представлена в первую очередь в труде А. Нурена "Vårt språk".⁷ Разнообразные отношения зависимости, выражаемые языком, Нурен назвал статусами (status), а языковые средства выражения статусов — касусами (kasus букв. "падеж"). К ПФ типа i skogen "в лесу" он применяет обозначение "предложный падеж" (kasus prepositionalis). Нурен дал широкий обзор статусов и тонко дифференцированную классификацию их; тем самым он показал, привлекая большой материал, богатство значений, передаваемых с помощью предлогов.

В данной статье нет возможности подробнее остановиться на разработке предлогов у Нурена, отметим только, что многие задачи исследования семантики шведских предлогов им не решены. В работах шведских грамматистов более позднего времени семантике предлогов уделялось недостаточно внимания. Есть, правда, очень полезные практические руководства, описывающие значения, передаваемые предлогами,⁸ однако в них не ставится задача полного, углубленного, теоретически обоснованного

обследования предложной системы. Такое обследование - дело будущего. Пока представляется важным рассмотреть принципы анализа предложной семантики, которые являются необходимой частью "предлоговедения".

Выявить специфическое отношение, передаваемое предлогом или ПВ многозначного предлога помогает метод семантических оппозиций - сопоставление предложных конструкций с идентичными регенсом и депенденсом, но различающихся предлогом и выражающих разные отношения: *hälla vatten i kanna* "вливать воду в кружку" противопоставляется *hälla vatten ur kanna* "вылить воду из кружки" (ср. также книга лежит на столе : в столе, нем. *das Buch liegt auf dem Tisch* : *unter dem Tisch*). Такой подбор ПК аналогичен методу "минимальных пар", применяемому при установлении инвентаря фонем какого-либо языка; он может дополняться методом субституции, экспериментальной замены одного предлога другим в рамках определенной предложной конструкции.

Очень важен метод изучения условий реализации того или иного значения предлога, т.е. (а) синтаксической функции ПФ (в том числе и ШФ), (б) структуры предложной конструкции и (в) ближайшего семантического окружения предлога.

(а) Выяснение синтаксической функции ПФ позволяет, например, разделить омонимичные ПФ; ср. шв. *på fem år* в функции обстоятельства времени (*Vi har inte sett varandra på fem år* - "Мы не видели друг друга в течение пяти лет") и в функции определения к существительному-регенсу (*Det var en flicka på fem år* - "Это была девочка пяти лет"). Обстоятельственный характер ПФ в приведенном примере подтверждается трансформацией предложения: *På fem år har vi inte sett varandra* - "В течение пяти лет мы не видели друг друга"; аналогичная трансформация невозможна при определительном значении ПФ.

(б) При анализе структуры ПК обнаруживается существование двух типов ПФ: (1) автономных, значение которых ясно и при отсутствии регенса, и (2) детерминированных, значение которых реализуется только в сочетании с регенсом. Например: (1) *Från ö till ö* - "От острова к острову", "После бала" (Л.Толстой), нем. *Vor Sonnenaufgang* "Перед восходом солнца" (Гауптман); (2) *arbeta på en bok* "работать над книгой" (объективный ПВ

på), rättarna på en bok "перешлет книги" (зд. атрибутивный ПВ på); ср. также зависимость значения предлога от в ППФ от гипертонии при разных регенсах: умереть от (= вследствие) гипертонии и лекарство от (= против) гипертонии.

(в) Изучая ближайшее окружение предлога, можно выделить случаи, когда определяющим контекстом для предложного значения является регенс. Ср. регенсы в приведенном выше примере о ППФ от гипертонии, или шв. fläckar efter olja "пятна от масла" (после регенса - конкретного существительного efter указывает на исчезнувшую, но оставившую следы причину) и borrhoping efter olja "бурение на нефть" (после отглагольного существительного efter указывает на объект поисков).

При анализе семантики зависимости выявляются, в частности, случаи семантического "срастания" предлога с зависимосом: абсолютно одно и то же отношение может передаваться разными предлогами в зависимости от традиционных узусуальных связей: поехать в Крым, но поехать на Украину, шв. arbeta på en fabrik "работать на заводе", но arbeta i en affär "работать в магазине"; ср. также нем. aus Gram sterben "умереть от горя", но vor Hunger sterben "умереть от голода", an einer Krankheit sterben "умереть от болезни". При подобном "срастании" предлога с зависимосом реальная синонимия предлогов выступает как скрытая, завуалированная их внешним различием.¹⁰

Одним из плодотворных методов исследования предложной семантики оказался компонентный анализ, выявляющий семантические признаки (= семантические множители, семы), т.е. элементарные семантические единицы, совокупность которых составляет значение слова.¹¹ Семы выделяются на основе анализа контекстов, содержащих предлоги, и словарных дефиниций и пояснений. Рассмотрим, для примера, важнейшие семы в содержании шведских локальных ПВ и предлогов; для многих из этих ПВ и предлогов (från "от", till "к", ut "из" и др.) характерна сема динамичности (способности указывать на изменение пространственной координаты); эта сема отсутствует у "нейтральных" предлогов, которые Нурен называл "эссивными" (i "в", på "на", bakom "за" и др.). В содержании одних предлогов выделяется сема "интралокальности", т.е. включенности в ориентир (i "в", inom "внутри"), у других, напротив, - сема "экстралокальности"

(utom "вне", utanför "вне, снаружи"). Для некоторых предлогов актуальна сема "контактности" - обязательного соприкосновения с ориентиром (på "на", ur "из"), у других же выступают сема "неконтактности" (åt "в направлении к", efter "за"); часто ПВ нейтральны в отношении признака контактности/неконтактности (vid "у", runt "вокруг" и т.д.).

С компонентным анализом связан метод структурирования предложной системы - выделения семантических подсистем и микросистем. Различают локальную, темпоральную и логическую подсистемы; каждую из них характеризуют семы, связанные (соответственно) с пространственной или временной координацией, или же отношениями "логического плана" (отношениями, познание которых является результатом аналитического мышления). Так, у предлогов и ПВ темпоральной подсистемы часто отмечается сема "курсивности" - указания на перемену соотношения с какой-либо временной границей (från "с", till "до" и др.); отсутствие этой семы характеризует эссивные предлоги (på "во время", "в момент", напр. på kvällen "вечером"). В содержание ряда ПВ входит сема "хронометричности" - способности служить для количественной характеристики временного отрезка (Han var borta i två dagar - "Он отсутствовал в течение двух дней").

В рамках каждой семантической подсистемы выделяются микросистемы - группы, отличающиеся специфическими чертами.¹²

Метод сопоставления предложных семантических подсистем проливает свет на важные особенности системы предлогов в целом. При таком сопоставлении выявляются предлоги, функционирующие лишь в одной из подсистем - только в локальной (bakom "позади", längs "вдоль", nedanför "ниже чего-л.") или только темпоральной (innan "до", sedan "с тех пор как" и др.), или же логической (oaktat и trots "несмотря на", för ... skull "ради" и т.д.). Сопоставительное рассмотрение предложных семантических подсистем показывает максимально тонкую дифференцированность отношений, выражаемых предлогами и ПВ, которые образуют локальную подсистему, меньшую степень дифференциации предложных значений в рамках темпоральной подсистемы и, наконец, - высокую обобщенность и синкретичность предложной семантики в подсистеме абстрактно-логических отноше-

ний. Ср., например, противопоставленные друг другу локальные ПВ рå "на" и om "вокруг" (рå huvudet "на голове", om halven "вокруг шеи") и их темпоральные соварианты рå и om, являющиеся синонимами (они указывают на отнесенность к определенному отрезку времени: рå/om tisdagarna "по вторникам"). Аналогичным образом локальные ПВ предлогов till и рå выражают резко несхожие отношения (till = к - till bordet "к столу"; рå = на - рå bordet "на столе"), в то время как соварианты тех же предлогов, входящие в логическую подсистему, оказываются синонимичными (так, существительное förklaring управляет как предлогом till, так и рå - en förklaring till/rå en företeelse "объяснение некоего явления"). Перестройка семантики и соотношений между одними и теми же предлогами, ПВ которых входят в разные подсистемы, не является спецификой шведского языка, такую же картину мы обнаруживаем и в других языках; ср. русск. локальные от : о (отойти от стола - снять что-л. со стола) и от/с, выражающие причину (от/с горя), анги. локальные at/over (at the sea "у моря" - over the sea "над морем") и at/over оформляющие объект при глаголе grieve "горевать".

Понять особенности развития предложной семантики и изменений в сфере действия отдельных предлогов помогает метод анализа мотивационных связей ПВ одного многозначного предлога. Этот анализ выявляет прежде всего мотивационные связи, соединяющие многие темпоральные и логические ПВ с их локальными совариантами. Например, локальный ПВ från указывает на отделение от какого-либо пространственного ориентира (ta ned en bok från hyllan "снять книгу с полки"); он метафорически используется и в переносно-локальном значении: från dofterna kan vi gå till synerna (X. Мартинон). "От запахов мы можем перейти к зрительным образам". Ясна также метафора, лежащая в основе темпорального ПВ från - показателя движения от временной границы (från denna dag "с этого дня") и ПВ från, входящего в логическую подсистему и указывающего на происхождение чего-л.: kaffe från Java "яванский кофе" (букв. "кофе с Явы"). Локальный ПВ från служил метафорическим мотиватором при создании темпорального и логического совариантов, и про-

странственная метафора объясняет общность между ПВ разных семантических подсистем.

В тех случаях, когда мотивировка у ПВ разных подсистем ясна, возникает иллюзия, будто бы все употребления предлога являются ипостасями одного общего значения; мотивационная связь легко и обманчиво воспринимается как семантическое единство. 13

В то же время мотивационная связь между ПВ одного предлога, входящими в разные семантические подсистемы, нередко отсутствует. В одних случаях это является результатом демотици — процесса забвения мотивировки и ослабления мотивационной связи. Процесс этот обусловлен тем, что значение ПВ (т.е. выражаемое им отношение) существеннее для языковой коммуникации, чем мотивационные связи между ПВ; одно и то же отношение довольно часто передается ПВ с совершенно разными мотивационными связями (логические ПВ, обладающие разной мотивировкой, оказываются при этом синонимами): например, расширительно-посессивное значение в равной мере способны передавать и ПВ *till*, который имеет локальный совариант *till*, обозначающий направление к чему-л., и ПВ *av*, имеющий локальный совариант с аблативной семантикой: *författaren till/av romanen*. Демотивированные ПВ способны даже выражать отношения, противоречащие значению омофоничного локального ПВ (возникает своего рода катахреза, например в ПО *basen på en kolonn* "основание колонны" (букв. "основание на колонне").

Демотивация ПВ логической и темпоральной семантических подсистем является базой для аналогического применения того или иного ПВ, которое игнорирует мотивационные связи в общей предложной системе языка, т.е. для появления ПФ типа вышеприведенного *basen på en kolonn*. Семантическая идентичность ряда ПВ и принципиальная несущественность мотивировки при функционировании в речи делают возможной "экспансию" отдельных ПВ — проникновение одного ПВ в сферу функционирования другого. Так, по норме литературного языка регене *inkomst* "доход" требует предлога *av*, а между тем появились и ПФ с *på* (*inkomsterna på mina skrifter* "доходы от моих писаний" — Кар де Мумма). Тенденция к "экспансии" особенно характерна для предлога *på*.

Примечания

¹ Регенс обычно называет стержневым или главенствующим (Русская грамматика АН СССР в 2-х т., т.2. М., 1980, с. 79), а также управляющим или независимым членом (Стебляк — Каменский М.И. Грамматика норвежского языка, М., 1957, с. 157).

² Деленденс обыкновенно называет зависимым или управляемым членом.

³ О термине "экспонент" см.: Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М., 1975, с. 25.

⁴ Используя термин ЦВ, автор исходит из того, что многозначный предлог может быть описан как набор, пучок семантических вариантов, подобно тому как знаменательная лексема представляет собой набор лексико-семантических вариантов. В речи полисемантический предлог всегда воплощается в одном из своих ЦВ.

⁵ "Вместе с падежной формой имени предлог образует синтаксическое единство, так называемую предложно-падежную форму. Установить в таком соединении отдельное от предлога значение падежа в большинстве случаев невозможно" (Русская грамматика АН СССР, т. 1, с. 712).

⁶ Illustrerad svensk ordbok / Redaktör docent Bertil Molde. 3 uppl. Stockholm, 1963; Svensk handordbok. Konstruktioner och fraseologi / Under redaktion av Ture Johansson och K.G. Ljunggren, Stockholm, 1971; Ordbok över svenska språket utg. av Svenska Akademien. Lund, 1898 - (издание продолжается); Östergren O. Nysvensk ordbok. Bd 1-X. Stockholm, 1919-1972.

⁷ Ногрен А. Vårt språk, bd V. Lund, 1904.

⁸ См., например: Montan P., Rosenqvist H. Prepositionsoken. Stockholm, 1982.

⁹ О структурных типах шведских ПФ см.: Маслова — Дашанская С.С. Взаимодействие лексической и грамматической семантики в предложных конструкциях. — В кн.: Взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л., 1981, с. 45-54.

¹⁰ О скрытой синонимии предлогов см.: Маслова — Дашанская С.С. Из наблюдений над предложной синонимией в шведском языке. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1964, IX, с. 21-28.

¹¹ Компонентный анализ был, как известно, разработан на материале полнозначных слов, но позже стал использоваться при изучении предложной семантики (напр., в следующих работах: Леонтьева Н.Н., Никитина С.Е. Смысловые отношения, передаваемые русскими предлогами. — Slavica IX. Debrecen, 1969; Дашанская С.С. Номинация и полисемия в шведском языке: Автореф. докт. дис. Л., 1974; Двинянинова Г.С., Левицкий В.А. Система пространственно-временных предлогов. Пермь, 1980; Всеволод-

Дова М.В., Владимиров Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1962).

12 О микросистемах локальной предложной подсистемы шведского языка см.: Маслова - Лашанская С.С. Семантические взаимоотношения локальных предлогов в шведском языке. - В кн.: Скандинавский сборник, Таллин, 1969, XIV. О микросистемах шведской темпоральной подсистемы см.: Маслова - Лашанская С.С. К вопросу о темпоральных значениях предлогов. - В кн.: Исследования по английской филологии, IV. Л., 1971.

13 Концепция обих значений предлогов развивал Битто Брэндал (Brändal V. Präpositionernas teori. København, 1940). Его схемы обих значений, составленные для 23 языков, в том числе и для шведского, не соответствуют реальной картине семантических отношений, передаваемых предлогами.

S.S. Maslova-Lasjanskaja

Om olika metoder att analysera
prepositionernas betydelse

Sammanfattning

I artikeln kommer följande otraditionella termer till användning:

Regens betecknar ett överordnat led i ett hypotagm med en preposition ($g\bar{a}$ i $g\bar{a}$ på bio).

Dependens betecknar ett underordnat led i ett hypotagm med en preposition (bio i $g\bar{a}$ på bio).

Prepositionsform betecknar prepositionen tillsammans med dependens (på bio).

I artikeln betraktas flera sätt att analysera prepositionernas betydelse:

1. Man anställer jämförelser mellan syntaktiska konstruktioner som består av helt identiska regens och dependens men innehåller olika prepositioner (resa till Stockholm : resa från Stockholm).

2. Man utforskar förhållanden under vilka en preposition fungerar, dvs prepositionsformens syntaktiska funktion och struktur samt semantik hos regens och dependens.

3. Man använder komponentanalysen.

4. Man försöker klarlagga det prepositionella systemets struktur, dvs visa olika prepositionella subsystem och mikrogrupper.

5. Man analyserar förbindelser mellan olika betydelse hos en och densamma preposition samt motiv som ligger till grund för prepositionernas nya användningstyper.

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Шведский язык, подобно другим скандинавским языкам, первоначально имел четырехпадежную систему склонения имен существительных. Однако уже в период позднего древнешведского (1375–1526) в системе склонения существительных происходит ряд преобразований, в результате которых к концу этого периода в языке большей части территории Швеции сохраняются только 2 падежные формы: основной, или общий, и родительный падежи. При этом окончание родительного падежа *-a*, свойственное ранее только существительным мужского и среднего рода с основой на *-a* в единственном числе, вытесняет другие окончания родительного падежа и становится единственным окончанием родительного падежа для всех слов и форм. Общий падеж характеризуется отсутствием падежной флексии.¹ В современных германских языках грамматические отношения, в том числе и падежные, получают свое выражение преимущественно не в морфологических элементах, являющихся частью слова, а в элементах, находящихся за рамками простого слова – в предлогах, порядке слов и т.д.² Это положение полностью справедливо в отношении шведского языка, и естественно, что флективный родительный падеж, сохранившийся в современном языке и являющийся широкоупотребительным, представляет особый интерес для исследования.

Аналогичные изменения произошли и в падежной системе датского, норвежского и английского языков. Состояние флективного родительного в датском и норвежском языках близко к шведскому. Что касается английского языка, то единой точки зрения на характер падежной системы в этом языке нет. Языковеды выделяют здесь от 2 до 5 падежей,³ а некоторые из них вообще отрицают существование в современном английском языке падежной системы.⁴ "Языковые процессы, действовавшие в системе имени в древне- и среднеанглийский периоды, – считает А.М. Мухин, – привели не к сокращению числа падежей существительного, а к полному их разрушению".⁵ Остаточная флексия родительного падежа *-(e)* в, по мнению Мухина, переосмысливается как по-

казатель притяжательности, что привело к появлению новой грамматической категории имени существительного — категории принадлежности вместо категории падежа.

Существование в шведском, датском и норвежском языках двупадежной системы не вызывает сомнений, однако имеются разные взгляды на то, что представляют собой словосочетания с родительным падежом и что они выражают, по-разному проводится их семантический анализ. Проблемы, связанные с анализом таких словосочетаний, и составляют предмет данной статьи.

Прежде всего следует отметить отсутствие единства терминологии, используемой при анализе родительного падежа, как у советских, так и у шведских лингвистов. Поскольку родительный падеж выражает синтаксические связи, целесообразно рассматривать не отдельные слова в родительном падеже, а генитивные словосочетания. Шведские грамматисты (Бекман, Вессен, Тураль), говоря о родительном падеже (*genitiv*), имеют в виду выражаемые падежом отношения, т.е. семантику генитивного словосочетания, не дифференцируя синтаксических отношений и форм их выражения. А.Питкянен пользуется термином "биномиальные генитивные гипотазы", однако обозначает им не только сочетания присубстантивного генитива с определяемым существительным, но и эквиваленты сочетания с генитивом — предложные конструкции, такие, как *taket på huset* вместо *husets tak* "крыша дома"; сложные слова: *husetaket* (такое слово не выражает нового понятия, а только передает определенные синтаксические отношения); атрибутивные словосочетания: *Bergstralaka huset* "дом Бергстрала" и т.д.⁶ В отличие от А.Питкянена, мы будем пользоваться термином "генитивное словосочетание", имея в виду только словосочетание, состоящее из существительного в родительном падеже и определяемого им слова (падежные формы местоимений рассматриваться не будут). Необходимость терминологически отграничить словосочетания с родительным падежом от других грамматических средств, передающих аналогичные синтаксические отношения, вытекает из принятой нами концепции "Русской грамматики" АН СССР, где категория падежа понимается как "словоизменительная категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношения име-

ни к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения".⁷ Аналогично определяется категория падежа и шведским грамматистом У. Турелем.⁸ Члены генитивного словосочетания могут быть обозначены по-разному. Так, А. М. Пешковский пользуется терминами "управляющее" и "управляемое" существительные,⁹ в лингвистической литературе более позднего времени встречаются термины "определяемое и определяющее",¹⁰ определяемое слово иногда называют "стержневым", "опорным" словом или "главным компонентом".¹¹ Шведские грамматисты чаще всего используют термины huvudord "главное слово" и genitivattribut "генитивное определение".¹² А. Питкянен пользуется терминами kärnled "ядерный член" и attribut "атрибут, определение".¹³ В статье существительное в родительном падеже будет называться определяющим, а второй член генитивного словосочетания — определяемым.

Основой семантического анализа родительного падежа является общая теория падежа, в развитии которой наблюдаются 2 основных направления:

1. С древних времен ученые пытались определить "общие значения" падежей, считая, что одна и та же система форм должна передавать какой-то общий смысл. В современном языкознании эта идея имеет своих сторонников (Якобсон, Караулов, Чешко),¹⁴ полагающих, что все частные значения падежей могут быть сведены к одному общему или инвариантному значению.

2. Уже в конце XIX в. ряд языковедов высказывает другую точку зрения, говоря об относительной независимости падежных значений от морфологических средств их передачи. Важнейшую роль для развития этого направления играли работы А. А. Потемки, в которых он выступал за разграничение "формального значения" падежа и его внешнего морфологического знака, понимая под формальным значением особый тип синтаксической связи. Метод, предложенный Потемки, сохраняет свою актуальность: многие современные исследователи падежей исходят из невозможности изучения падежных значений в отрыве от синтаксических функций падежей.

Шведский ученый А. Нурен первым в начале XX в. сделал попытку рассмотреть совокупность так называемых "падежных зна-

чений" вне зависимости от характера их передачи языковыми средствами. Для строгого разграничения морфологических средств выражения и передаваемых ими семантических отношений он использует 2 разных термина, называя первые падежами (*casus*), а вторые статусами (*status*). Но к морфологической категории падежа Нурен отнес практически все формальные грамматические средства: средства выражения числа и рода, словообразовательные суффиксы и целые словосочетания. Эту сторону теории Нурена подверг критике М.И.Стеблин-Каменский, считая, что падеж в его концепции "вообще ликвидируется как грамматическая форма".¹⁵ В то же время введение в падежную теорию понятия "статус" было одним из главных достижений Нурена, несмотря на то, что, анализируя статусы, он абстрагируется от их грамматического выражения, чем фактически сводит анализ к перечислению различных логических отношений, выражаемых в языке. (В дальнейшем мы также будем называть падежные значения статусами, хотя в рассматриваемых грамматиках этот термин не используется.) Уже сам принцип построения падежной концепции Нурена отрицает идею "общего значения". К отрицанию этой идеи приходит и М.И.Стеблин-Каменский, который видит возможность определения грамматического значения падежа только в определении "всего составляющего его комплекса частных значений, а тем самым и того лексического материала, в котором это значение реализуется".¹⁶ В современных грамматиках шведского языка нет стремления найти "общее значение" родительного падежа. А.Питкянен ставит вопрос об основном значении генитива и приводит мнения других ученых по этому вопросу, не формулируя четко собственной позиции. В своих выводах он ограничивается следующей характеристикой шведского генитива: "Генитив — это языковое средство выражения, которое: 1. указывает на то, что денотат ядерного члена является своего рода "принадлежностью" денотата генитивного атрибута; 2. в определенных случаях обозначает эквивалентность между данными денотатами; 3. в части случаев характеризует или модифицирует понятие ядерного члена".¹⁷

Отказавшись от поисков "общего значения" генитива, обратимся к рассмотрению его семантики в современном шведском языке. В грамматиках современного шведского языка нет полного

единства в характеристике значений родительного падежа. Классификация Б.Коллиндера,¹⁸ перечисляющего статусы генитива, выглядит следующим образом: 1. Генитив выражает принадлежность денотата определяющего денотату определяемого (hundens ägare "владелец собаки"). 2. Денотат определяющего является владельцем денотата определяемого (Kalle's hund "собака Калле"). 3. Генитив передает отношения части и целого (husets tak "крыша дома"). 4. Генитив субъекта (Caesars död "смерть Цезаря"). 5. Генитив объекта (Jerusalem's förstöring "разрушение Иерусалима"). 6. Определяющий или поясняющий генитив (Stockholms stad "город Стокгольм").

У.Тураля¹⁹ объединяет статусы, выражаемые родительным падежом, в две большие группы: 1. Отграничивающий генитив (определяющее отвечает на вопросы чей? чьи?). 2. Описательный генитив (определяющее отвечает на вопрос какой?). В 1-й группе выделены: притяжательный генитив, генитив субъекта и объекта, а во 2-й группе — генитив свойства (en tredje klassens krog "третьеразрядный кабаk"), генитив меры (ett par timmars sömn "сон, длившийся несколько часов"), поясняющий генитив и эмфатический генитив (alla tiders match "всем матчам матч").

Классификация Н.Бекмана²⁰ отличается от предыдущих уже самым принципом, так как в ее основе лежит синтаксическая функция определяющего в родительном падеже: I. Генитив в функции определения. II. Генитив в функции предикативного члена. III. Генитив в функции приложения, постпозитивного определения к генитивному словосочетанию. Рассмотренным ранее классификациям здесь соответствует I-я группа, внутри которой выделены следующие статусы: 1. Денотат определяющего является владельцем денотата определяемого, 2. Генитивное словосочетание передает взаимосвязь другого рода: генитив субъекта, объекта, меры, свойства и поясняющий генитив.

А.Питкянен проводит гораздо более детальный анализ статусов генитива, существенное место в котором занимает флективный родительный, хотя он и не рассматривается обособленно. А.Питкянен выделяет 6 больших групп: притяжательный генитив (самая большая); генитив связи, партиципный генитив, описательный генитив, идентифицирующий генитив и отдельные случаи употребле-

ния. На основании статистического исследования, проведенного на очень большом материале (800 000 словупотреблений) как в диахроническом, так и в синхронном плане, Питкянен приходит к выводу, что флективный родительный особенно часто употребляется при притякательном генитиве, генитиве субъекта, описательном и идентифицирующем генитиве и, напротив, употребляется редко при генитиве объекта, партиципном генитиве и генитиве следствия. В этих случаях чаще используются его эквиваленты. Проведенный А.Питкяненем анализ убедительно показывает широту употребления генитивных словосочетаний в современном шведском языке при самом разнообразном лексическом значении компонентов, составляющих эти сочетания. Хотя материалы диахронического исследования А.Питкянена и показывают, что по сравнению с периодом 1878-1941 гг. удельный вес флективного родительного несколько снизился во всех семантических группах, анализ примеров 1941-1976 гг. демонстрирует его несомненную устойчивость в литературном шведском языке наших дней. Рассматривая примеры из художественной литературы, А.Питкянен останавливается на конце 60-х годов. Представляется интересным выяснить, как используется флективный родительный в текстах конца 70-х - начала 80-х годов. В качестве примера нами были взяты 2 разноплановых романа 1980 г. и пьеса 1975 г. (драматургические произведения Питкяненем не анализировались). Методом сплошной выборки из научно-фантастического романа П.Йершильда "Живая душа"²¹ (8,5 п.л.) было выписано 219 генитивных словосочетаний, из социального романа М.Андерссона "Мария из Бюстакусен" (13 п.л.)²² - 222, из пьесы П.-У.Энквиста "Ночь трибед" (3 п.л.)²³ - 63 генитивных словосочетания. При семантическом анализе примеров оказалось, что здесь представлены почти все группы Питкянена, хотя далеко не одинаково в количественном отношении. Так, в романе М.Андерссон наиболее широко представлен генитив принадлежности (43%), то же можно сказать и о пьесе (ок. 30%). Это совпадает с результатами А.Питкянена. Роман П.Йершильда дает несколько другую картину: различные виды генитива принадлежности представлены здесь в 29% сочетаний, а 44% примеров относятся к партиципному генитиву, что находится в противоречии с мнением

А. Питкянен о малой употребительности флективного родительного в этой группе. Возможно, такой большой удельный вес партитивного генитива в этом романе объясняется спецификой его содержания и лексики, так как действие происходит в биологической клинике будущего, и 32% примеров партитивного употребления передает отношения между частями тела. Интересно отметить, что и в романе М. Андерссон 30% словосочетаний представляет эту же группу, а в пьесе найдено только 4 примера. Оба романа подтверждают мысль А. Питкянена о редком использовании генитива объекта (1 пример у М. Андерссон), в пьесе же эта группа (4 примера) — пятая по величине. В романе П. Нериньльда и в пьесе примерно в 18% всех примеров определяющим служит имя собственное, а в романе М. Андерссон таких примеров более половины, что также согласуется с выводами А. Питкянена.

Проведенный анализ подтверждает мысль о широком использовании генитивных словосочетаний, а следовательно и об устойчивости приименного родительного в шведском языке наших дней.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

Позиции родительного падежа в системе современного шведского языка по-прежнему являются прочными. Основываясь на анализе работ А. Питкянена, шведских грамматик и материалов, перечисленных из современной художественной литературы, можно сказать, что генитивное словосочетание в шведском языке наших дней является живой и важной грамматической конструкцией.

Возможность распределения генитивных словосочетаний по такому большому числу семантических групп, как это сделано Питкяненем, подтверждает мысль о том, что невозможно выделить "общее значение" родительного падежа, поскольку его значения очень разнообразны и несводимы к единому инварианту.

Хотя неоднократно высказывалась мысль, что генитив чаще всего выражает отношения принадлежности, анализируемый материал не подтверждает этот тезис полностью.

В генитивных словосочетаниях родительный падеж почти всегда выступает в одной и той же синтаксической функции — функции определения, хотя она и не является, как это показывает Бекман, единственной функцией родительного падежа в шведском языке.

Примечания

- 1 W e s a e n E. Svensk språkhistoria. Stockholm, 1958, s.120.
- 2 K n i s s e n T. Kauslære, bd 1. Oslo, 1976, s.9.
- 3 В о р о н ц о в а Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, с. 179.
- 4 И в а н о в а И.П. и др. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, с. 27; Б ж к о в а Р.В. К проблеме падежа существительного в современном английском языке: Автореф. канд. дис. М., 1962, с. 21; В о р о н ц о в а Г.Н. Указ. соч., с. 181.
- 5 М у х и н А.М. О категории падежа в современном английском языке. - В.Я., 1957, № 2, с. 30.
- 6 R i t k ä n e n A. Binominala genitiviska hypotagmer i yngre nysvenska. Tammerfors, 1979, s.5.
- 7 Р у с с к а я г р а м м а т и к а АН СССР. М., 1980, с. 474.
- 8 T h o r e l l O. Svensk grammatik. Stockholm, 1973, s.45.
- 9 П е ш к о в с к и й А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 301.
- 10 В о з н и ц я В.М. Функции родительного падежа в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. Львов, 1963, с. 12.
- 11 Б р е д и х и н а В.П. Строение и функции словосочетаний с применением родительным падежом в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1961, с. 6, 10.
- 12 В е с к м а n N. Svensk språklära. Stockholm, 1964, s.40; T h o r e l l O. Op. cit., s.46.
- 13 R i t k ä n e n A. Op. cit., s.5.
- 14 Я к о б с о n P. Морфологические наблюдения над славянским склонением. в'Gravenhage, 1958, с.5; Ч е ш к о Б.В. К вопросу о падежных корреляциях. В.Я., 1960, № 2, с.51; К а - р а у л о в И.Н. К вопросу о падежных универсалиях. - Вестн. МГУ, Сер. Филол., 1966, № 6, с. 54.
- 15 С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957, с. 50.
- 16 С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Об основных признаках грамматического значения. - Вестн. МГУ, 1954, № 6, с. 169.
- 17 R i t k ä n e n A. Op. cit., s.158.
- 18 S o l l i n d e r B. Svensk språklära. Lund, 1974, s.31.
- 19 T h o r e l l O. Op. cit., s.47, 48.
- 20 В е с к м а n N. Op. cit., s.40, 41.

- 21 J e r s i l d P.C. En levande själ. Stockholm, 1962.
 22 A n d e r s o n M. Maria från Borstahusen. Stockholm, 1962.
 23 H n q u i s t P.O. Tribadernas natt. Stockholm, 1975.

A.V. Savitskeja

Problem vid den semantiska analysen
 av genitiv kasus i modern svenska

I artikeln berörs de teoretiska problem som uppstår vid en semantisk analys av genitiven i det moderna svenska språket. Genitivkonstruktioner har fortfarande en stor betydelse i det svenska språksystemet. Sådana konstruktioner kan indelas i ett stort antal semantiska grupper, vilket visar att det är möjligt att fastställa genitivens grundbetydelse. En analys av den nyaste svenska litteraturen visar att det är inte alltid ett tillhörighetförhållande som dominerar i genitivens semantik.

C.M.Севандер

A. СТРИНДБЕРГ. "РАССКАЗЫ О БРАКЕ"

Великий шведский писатель Август Стриндберг известен в мировой литературе прежде всего как драматург. Наряду с такими классиками европейской литературы, как Чехов, Ибсен, Пирранделло, Шоу и Гауптман он является создателем направления "новой драмы".

Его творческая деятельность, неровная, противоречивая, оставила яркий след как в развитии национального театра Швеции, так и в мировом драматургическом искусстве.

Одним из наиболее значительных периодов творческого пути Стриндберга-драматурга являлась вторая половина 80-х годов: в это время он написал лучшие из своих так называемых натуралистических пьес - "Отец", "Грёкен Инна", "Товарищи", "Кредиторы" (1887-1889). Созданием этих произведений предшествует появление прозаического сборника "Рассказы о браке" (1884-1886), анализ которого позволяет глубже понять проблематику пьес, точнее определить их место в идейной и творческой эволюции писателя. В этих рассказах Стриндберг впервые обратился к теме, которая волновала его затем на протяжении всего литературного

пути и получила детальную разработку в названных выше драмах. Тема обличения буржуазной семьи связывается писателем с критическим осмыслением некоторых сторон женского движения той эпохи.

Своими "Рассказами о браке" Стриндберг принял участие в одной из самых оживленных дискуссий своего времени, посвященной проблемам брака и семьи. Скандинавские писатели в своем творчестве все чаще подвергали критике нравственные и социальные устои буржуазного брака. Своеобразным популяризатором этой темы стал Георг Брандес. В 1869 г. он перевел статью С. Милля "О зависимости женщин", в предисловии к которой отметил, что женский вопрос, тема супружеских отношений являются прекрасным материалом для художественной литературы. Среди писателей, откликнувшихся на призыв Брандеса, были Анна-Шарлотта Эдгрен, Бьернстjerne Бьерсон, Хансрик Ибсен и др. Вероятно, что Стриндберг, начав работу над своими "Рассказами...", был также знаком и с книгой А. Бебеля "Женщина и социализм" (1879), где женский вопрос ставится в прямую зависимость от характера социальных отношений.

Сборник состоит из двух частей, включающих соответственно 12 и 18 рассказов. Первой части книги предшествует данное вниманию репортеру интервью, в котором Стриндберг формулирует свое понимание нравственности. На вопрос репортера, признает ли он, что его книга безнравственна, автор отвечает: "Да, признаю, в соответствии с Вашим пониманием. Ибо, если нравственность есть то, чем она всегда была, — преступление против природы, то в таком случае моя книга безнравственна, ибо она написана в согласии с природой".⁴ Кроме того, обе части книги снабжены предисловиями, разными по содержанию, даже противоречивыми, но имеющими одинаковое назначение: в них излагаются теоретические положения, на которые автор опирается в художественном повествовании.

Вероятно, Стриндберг обратился к предисловиям и интервью с той же самой целью, что и Э. Золя, предисловие которого ко второму изданию романа "Тереза Ракен" стало своеобразным манифестом натуралистического метода. В нем Золя дал отпор критикам, обрушившимся на него после первого издания романа.

Стриндберг, по-видимому, учитывая опыт Золя, написал предисловие к своему произведению заблаговременно. Это как будто бы случайный факт свидетельствует о пристальном внимании шведского писателя к произведениям французских натуралистов, и прежде всего Золя. Безусловно, огромный интерес для Стриндберга представляли теоретические работы Золя — "Экспериментальный роман", "Наши драматурги", "Натурализм в театре", "Романисты и натуралисты". Скандинавские теоретики литературы, вслед за Георгом Брандесом, не проводили резкой границы между понятиями "натурализм" и "реализм", воспринимая эти направления как единое целое. Поэтому внимание писателя к эстетике натурализма не означает для него отступления от реалистических принципов, на которые он опирался при написании романа "Красная комната" (1879) и которые отстаивал в ряде публицистических работ ("О реализме" и др.).

В предисловии к первому циклу рассказов Стриндберг подчеркивал, что считает женский вопрос актуальным лишь для так называемой культурной среды, составляющей 10% населения страны. Писатель дает перечень прав женщины, принадлежащих ей согласно природе, но отнятых у нее в силу социальных условий. Стриндберг говорит о необходимости гарантировать женщине право на одинаковое с мужчиной воспитание и образование, право голоса, право на труд и т.д. В обществе будущего, в обществе справедливого распределения материальных благ, утверждает Стриндберг, брак как гарантия этих благ для женщины исчезает, а мужчина и женщина смогут заключить союз души и сердца на любой срок или по прошествии какого-то времени расстаться "свободно и независимо". Свою программу автор назвал "социалистической" и заявил, обращаясь к репортеру: "Послушайте и запишите, я нападаю на брак при существующих условиях ... я нападаю также... на воспитателей женщин, на церковный брак и галантерейную эмансипацию мужчин, таким образом, я нападаю, запишите это с большой буквы, — на существующие условия".² Так Стриндберг подчеркнул социальную направленность "Рассказов о браке".

Полемизируя с Х.Ибсенем, который, по мысли Стриндберга, "исключение возвел в правило" (речь шла о "Кукольном доме"), писатель стремился дать описание различно мотивированных конф-

ликтов между супругами. "Причин для несчастного брака - множество. Во-первых, сама природа брака. Два человека, к тому же противоположного пола, неосторожно дают друг другу обещание прожить вместе всю жизнь. Брак, таким образом, основан на невероятном".³ Здесь автор намечает психологическую основу изображаемых им семейных коллизий. "Рассказы о браке" справедливо принято считать одним из самых противоречивых произведений Стриндберга. Однако именно в них мы видим отчетливо выраженное стремление писателя найти соразмерное сочетание социальных и психологических факторов, порождающих конфликтную ситуацию, т.е. поиски той самой основы, на которой он позднее будет строить действие своих драм.

Шведский ученый Ульф Бетхус,⁴ посвятивший исследование изучению женского вопроса в творчестве Стриндберга, установил на основе рукописи сборника хронологическую последовательность написания рассказов, составивших его первую часть. Опираясь на датировку, он утверждает, что отношение Стриндберга к женскому вопросу постепенно изменялось от позитивного к негативному, причем наиболее отрицательное освещение проблемы дается в последних по времени создания пяти рассказах: "Возмещение", "Невезение", "Женитьба", "Попытка реформы" и "Неестественный отбор". Однако композиция сборника не определена хронологическим принципом: его начинает рассказ "Награда добродетели", а завершает "Птица Феникс". Наиболее серьезные по содержанию и резкие по оценке рассказы расположены в середине сборника, а "Попытка реформы", "Естественные преграды", "Кукольный дом" следуют за ними, что позволяет Стриндбергу в известной мере смягчить свои нападки на Ибсена и на эмансипацию.

Если разделить рассказы на группы в соответствии с их проблематикой (деление это неизбежно будет несколько условным), то можно заметить, что первая часть сборника выстроена на определенной системе.

В первых трех рассказах автор акцентирует социальную мотивировку семейного конфликта. Теодор, герой рассказа "Награда добродетели", задумывается о своем месте в обществе, пытается разобраться в причинах своих неудач. Он приходит к выводу, что и воспитатели, и церковь, и государство - это звенья одной це-

ши, и вместе они превращают его в нежизнеспособного и бездеятельного человека. Когда лийн Теодор ощутил в себе естественные для человека чувства и стремления, то и служитель церкви, и мать твердили ему лишь об искушении и грехе. В столкновении общественных и природных сил победу одерживают первые. Умирает рахитичный ребенок, рожденный в позднем, не по любви браке, а затем умирает и сам герой. Неспособность молодой супружеской пары разрешить материальные проблемы губит молодоженов в рассказе "Любовь и хлеб", неправильное воспитание девушки приводит к краху семейную жизнь в рассказе "Женитьба".

В следующих историях Стриндберг как бы подтверждает свою мысль о том, что причин для несчастных браков существует множество. В рассказе "Возмещение" супруги несчастны оттого, что у них нет детей. Герой рассказа "Невезение" страдает из-за равнодушия жены к дому и семье. Позднее это равнодушие перерастает в злоупотребление свободой, которую, как ей кажется, она обрела лишь в браке. Брак, заключенный как дружеский союз и лишенный любви, тоже разваливается ("Раздоры"). Этой группе рассказов свойственно пристальное внимание автора к роли женщины в семье и в обществе.

Последняя группа рассказов представляет собой иронический отклик писателя на современное ему движение за эмансипацию женщин. В рассказе "Естественные преграды" героиня стремится доказать, что она способна к деятельности, по-настоящему увлечена работой и потому переступает через "естественные преграды", т.е. собственных детей, и продолжает свое, как ей кажется, "главное дело", полностью передав мужу родительские функции.

Особо следует отметить рассказ "Неестественный отбор", написанный в саркастической манере. Мать ребенка, баронесса, не в состоянии вскормить свое дитя, но всячески возражает против кормилицы-крестьянки. Она сомневается в целительном воздействии на здоровье ее ребенка молока племейки, да еще и родившей без мужа. Барон выдает крестьянку замуж, дабы она не оказалась кормилицей "безнравственной".

Как мы видим, в первой части сборника Стриндберг обосновывает столкновение между героями рассказов как социальными,

так и психологическими причинами. Однако мотивировка конфликтов в некоторых из них не однозначна и складывается из множества элементов.

Середина 80-х годов — переломный момент идейных исканий Августа Стриндберга. "Тому были как общие субъективные причины, вызывавшие распад реалистического направления в скандинавской литературе, так и личные, субъективные, касавшиеся одного Стриндберга".⁵ Под объективными причинами следует понимать прежде всего рост политической реакции, а также принимавшее все более карикатурные формы женское движение, которое Энгельс в известном письме к Паулю Эрнсту назвал более или менее истерическими полуночными бдениями буржуазных и мещанских карьеристок.⁶ Что касается субъективных причин, то здесь имеется в виду драма, разыгранная в "театре жизни" Стриндберга: осложнились его отношения с женой — актрисой Сиги фон Эссен, назревал развод.

Наилучшим доказательством изменившихся взглядов Стриндберга стала вторая часть сборника. Уже в предисловии автор заявляет, что "любовь — свойство, присущее исключительно мужчинам", "мужчина принесет в жертву все, что угодно, ради того, чтобы жить с женщиной, которую любит".⁷ По мнению Стриндберга во всех смертных грехах виновна женщина, "в браке женщина получает сделанную заработную плату", "мужчина в браке один берет на себя ответственность обеспечивать жену и ее детей, его они дети, или нет".⁸ Каждый рассказ как бы подтверждает одну из авторских мыслей, высказанных в предисловии второй части, а в композиции проявляется драматический принцип начтения действия.

Общий тон книги создают первые два рассказа. Притупляются чувства героев, бывшая любовь супругов друг к другу трудно возвратится ("Осень"), материальные проблемы в семье извечны и всегда будут существовать ("Хлеб"). Фритцгоф, герой рассказа "Дитя", воспитывается женщинами, он лишен возможности общения с себе подобными, а всякая его попытка в этом направлении строго наказывается. Ленившись, вернее выданный в мужья против своей воли, он воспринимает брачное ложе как место казни. Но в то же время Фритцгоф обрел хотя бы частичную свободу от

своих "воспитателей", поэтому лес, поле, подлинно мужские занятия — охота и рыбная ловля — становятся для него стихией свободы. Однако, не получив полной независимости от женского окружения, он спивается и попадает в лечебницу как неизлечимо больной.

Программой для второй части сборника является рассказ "За плату". Елена, выйдя замуж, продолжает, однако, сохранять целомудрие. Все в ее жизни подчинено одной цели — способствовать продвижению по службе своего мужа. По-настоящему она впервые становится его женой, когда продает ему себя как члену риксдага в обмен на обещание вынести на обсуждение предложение по борьбе с проституцией. Он же осознает, что и дальше будет продавать ей свою душу так же, как она ему тело. Образ Елены — это еще один шаг вперед на пути описания женщины-победительницы. Герой рассказа "Поединок" заявляет: "Брак — это людоедство, если не я съем тебя, то ты меня...".⁹ Название рассказа могло бы быть отнесено и ко многим другим, ибо большая часть брачных историй описана как схватка представителей разных полов. При этом победу чаще всего одерживает женщина, полностью покорив себе мужчину.

Итак, противоречивость взглядов писателя отразилась как в суждениях общего порядка, высказанных им в предисловиях к обеим частям, так и в их конкретном художественном воплощении. Рассказы первой части написаны в более светлых тонах. Иногда автор находит даже выход из "супружеского тупика" ("Возмещение"), иногда гармония брачных отношений отнесена к прошлому ("Птица феникс"). Герои же второй части уже не властны над собой, их словно преследует какой-то рок, обрекая на поражение в поединке с женщиной.

Жизнь героев Стриндберга сплетена из оплошных противоречий и конфликтов, вырастающих на самой разной почве. Личность отчуждена, враждебна обществу. Необходимые изменения происходят и в самом человеке, и в самой близкой ему среде, в семье. Отсюда и нестабильность человеческих отношений. Конфликтная ситуация в "Рассказах о браке", на какой бы основе она ни строилась, чрезвычайно заострена. С одной стороны, это объясняется горячностью, резкостью натуры Стриндберга, его

особой способностью находить противоречия, ведущие к конфликтам, способностью, которая обусловила яркость его драматургического таланта. С другой стороны, писателю было важно пробудить общественное мнение, не оставить читателя равнодушным наблюдателем.

"Рассказы о браке" позволили писателю произвести глубокое социально-психологическое исследование, и это накопление материала завершилось качественным скачком, созданием натуралистической драмы.

Критически восприимчивая эстетические принципы натурализма Золя, Стриндберг выдвигает в качестве мотивировки поведения персонажей и возникающих между ними конфликтов сложное сочетание биологических и социальных предпосылок, что наряду с некоторыми более частными моментами позволяет говорить об особом характере его натуралистических драм и определять их как социально-психологические.⁴⁰

В манере повествования, характерной для "Рассказов о браке", можно обнаружить тенденцию к драматизации. Развитие событий автор стремился передать через диалог и движение, не загромождая их излишними авторскими комментариями. Тема неизбежного вторжения закона конкурентной борьбы в интимную сферу жизни, в отношения полов получает в драме более острое и открытое воплощение. Накал действия, чрезвычайно стремительное его развитие — эти особенности становятся типичными для драмы Стриндберга. В этом мы видим связь с тем приемом постепенного нагнетения напряженности ситуаций, который наблюдали во второй части сборника.

Женские образы "Рассказов о браке", безусловно, послужили основой для создания образов главных героинь пьес. Например, Лаура в драме "Отец" — это как бы синтез женских образов рассказов.

В знаменитом вступлении к драме "Фрёкен Клия", явившемся весомым вкладом Стриндберга в теорию новой драмы, автор говорит о неоднозначности мотивировки конфликта как об одном из главных принципов драмы. Есть основания предполагать, что этот принцип зародился именно в недрах жанра рассказа. Как мы видели, основой столкновений между героями лучших его рассказов

является сочетание множества причин ("Награда добродетели", "Женитьба", "За плату"). Этот принцип был осуществлен Стриндбергом в лучших драмах "Отец" и "Фрёкен Елиа", где мы наблюдаем стяжение воедино тем различных рассказов, в то время как в двух других пьесах натуралистического цикла - "Товарищи" и "Кредиторы" - автор лишь возвращается к ранее затронутым в рассказах темам, развивая их и укрупняя.

Таким образом, "Рассказы о браке" можно, на наш взгляд, рассматривать как определенный этап в творчестве Стриндберга на пути к драме второй половины 80-х годов.

Примечания

- 1 Strindberg A. Giftas. Stockholm, 1972, s.10.
- 2 Ibid., s.27.
- 3 Ibid., s.29.
- 4 Voethius U. Strindberg och kvinnofrågan till och med Giftas 1. Stockholm, 1969.
- 5 Шарыпкин Д.М. Творческий путь Августа Стриндберга. - В кн.: Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975, с. 156.
- 6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.37, с. 351.
- 7 Strindberg A. Op. cit., s.146.
- 8 Ibid., s.146.
- 9 Ibid., s.234.
- 10 Адмони В.Г. Стриндберг. - В кн.: История западно-европейского театра, т. 5. М., 1970, с. 411; Неустроев В.П. Август Стриндберг. - В кн.: История зарубежной литературы конца XIX - начала XX века. М., 1968, с. 289.

S.M. Sevander

A.Strindberg. "Giftas"

Artikeln behandlar Strindbergs verk "Giftas" (d.1, 1884, d.2, 1886) som anses vara en av de mest betydande böckerna skrivna på 1880-talet. Problemet om familjen och Äktenskapet, s.k. kvinnofrågan blir det centrala under denna tid och får en vidare detaljerad belysning i Strindbergs naturalistiska dramer. Berättelsegenren har i betydande omfattning förberett en Strindberg-dramatiker. Motiveringen av Hjältarnas handlande i

berättelserna, bokens strama komposition (d.2) och dess kvinnogestalter förebådar några typiska drag av Strindbergs naturalistiska dramer.

О.А.Смирницкая

СКАЛЬДИЧЕСКАЯ СИНОНИМИКА И МИФЛОГИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ
(О ДВУХ МОДЕЛЯХ СЛОЖНЫХ ПОЭТИЗМОВ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ)

Кеннинг — это, вне сомнения, самая характерная особенность языка скальдов.¹ Пытаясь установить наиболее характерные черты кеннингов, исследователи не раз обращались к Снорри — исследователю скальдов и одновременно скальду. Особой известностью пользуется его формулировка: "[Кеннинг] состоит в том, что мы говорим "Один", либо "Тор", либо кто другой из асов или альвов, а потом прибавляем к именованному название признака другого аса или какого-нибудь его деяния. Тогда все наименование относится к этому другому, а не к тому, кто был назван. Так, мы говорим "Тур победы", или "Тур повешенных", или "Тур ноши" (в оригинале, соответственно: *Sigtýr*, *Hangatýr*, *Farmatýr*. — *О.С.*), и все это обозначения Одина".² Снорри говорит здесь о кеннингах, которые современные исследователи называют метафорическими или аллегорическими, и общепризнанно, что это действительно наиболее характерные из скальдических кеннингов. Ниже речь пойдет исключительно о них.

Не приходится сомневаться в авторитете Снорри. Вместе с тем обращает на себя внимание одна подробность. Построенная им модель претендует на универсальность, однако приведенные тут же примеры из скальдов, содержащие имена *Hangatýr*, *Sigtýr*, *Farmatýr*, *Gautatýr*, *Hroptatýr*, *Hertýr*, не подтверждают ее универсальности. Снорри говорит, что любого аса можно обозначать с помощью имени любого другого аса (или альва), но реально в его примерах в качестве основы употребляется только одно имя — *Týr*, а определение неизменно относит весь кеннинг только к одному асу — Одину. Как же объяснить это несоответствие?

Позволительно высказать следующее предположение. Снорри истолковывает как кеннинги, т.е. в духе скальдической поэтики, мифологические имена, унаследованные скальдами из предшествующей традиции и изначально имевшие совершенно иную семантическую структуру. Иначе говоря, здесь, как и в целом ряде других случаев, возникает противоречие между синхроническим описанием элементов скальдического языка, которому неизменно отдает предпочтение Снорри, и их диахроническим объяснением, могущим представить интерес для историка древнескандинавской поэзии. Второй компонент в приведенных именах — это, вне всякого сомнения, по происхождению не имя аса (Týr), а апеллятив со значением "бог" (týr).³ В качестве же первого компонента выступает либо имя Одина (ср. Hengi, Gauti),⁴ либо субстантивный эпитет: Sigtýr в Akv., 30 — это образование, совершенно аналогичное sig-tivar (мн. ч.) в Akv., 29, а valtýr находит параллель в эдических val-sinni, val-glaumr, val-stefna и т.п. (о значении этих слов см. далее).

Скальды переосмысливали имена богов, известные им из традиции, но, судя по всему, не придумывали новых. Поэтому в сфере мифологической номинации модель Снорри "не работает". Но она оказывается вполне эффективной при построении кеннингов обычного типа, эквивалентных апеллятивам. Так, взяв "имя Одина, либо Тора, либо кого другого из асов и альвов" и приосвоив к нему атрибут "муха", мы получаем стандартный скальдический кеннинг мужчины, такой, как svegð-Rognir, hjalm-Týr, vig-Njörðr, sig-Njörðr и т.п.

Итак, в одной внешней формуле построения сталкиваются две семантически контрастирующие и несовместимые модели: Sig-týr₁ и sig-Týr₂. В первой из них сложное апеллятив используется для образования двухчленного имени собственного; во второй имеет место апеллятивизация собственного имени. Вторая модель изучена во всех деталях, первая осталась, в сущности, незамеченной. Сложные слова данного типа, как правило, либо переводятся на современные языки буквально, при этом прозаизируются (например, geir-Niflungr переводится как "Nibelung mit dem Ger", "spear-skilled Niflung"), либо снабжаются в переводах и словарях знаками вопро-

са. Как специфическое явление древнегерманского поэтического языка субстантивный эпитет был впервые открыт М.И.Стеблин-Каменским.⁵ Но его исследование касается в основном языка древнеанглийской поэзии, в котором данная модель приобрела исключительную продуктивность; приводя лишь подутно примеры из "Старшей Эдды", М.И.Стеблин-Каменский подчеркивает пережиточность, маргинальность таких слов, как *vig-bǫnd*, *val-tívar* в древнеисландском, где они представлены преимущественно "традиционными прозвищами мифологических существ, эквивалентными собственным именам".⁶ Возникает вопрос, не является ли эта пережиточность в каком-то смысле отражением пережиточности самого мифологического творчества, насколько мы можем о нем судить по эддическим песням. В таком случае сопоставление обеих моделей, столь близких (вплоть до омонимии) по составу компонентов и полярных семантически, может оказаться поучительным для исторической поэтики. Программа такого сопоставления и намечается в самом общем виде в предлагаемой статье.

За "точку отсчета" при сопоставлении обеих моделей примем стилистически нейтральную двухчленную модель " $N_1 + N_2$ ", где N_1 — простое логическое определение, ограничивающее область референции второго компонента; ср. *þjóð-gæði* "народное собрание", *vig-gúnar* "руны победы", *geir-nagli* "кольчез для крепления коня к древцу". В соответствующих субстантивных эпитетах *þjóð-*, *vig-*, *geir-*, а также *val-*, *galg-*, *her-*, *vig-* и некоторых других, встречающихся в эддической поэзии, вещественное значение отходит на задний план, будучи скрыто коннотативным ореолом, сопутствующим слову в данной традиции: "...при атрибутивном употреблении существительного в результате его "окачествления" выдвигается на первый план наиболее впечатляющие, наиболее характерные, наиболее эмоционально важные признаки предмета, обозначаемого данным существительным".⁷ Яркая качественность субстантивного эпитета, как можно отметить, делает излишними качественные определения обобщенного типа, и они действительно никогда не встречаются в "Эдде" при таких словах, как *vig-bǫnd*, *val-tívar*. В отличие от адъективного определения, субстантивный эпитет по природе своей суггестивен, он не называет, а намекает; возбуждаемые им ассоциации слишком

неопределенны, они всецело принадлежат данной конкретной культуре, и подыскать им переводной эквивалент едва ли возможно. Субстантивный эпитет не расчленяет и не классифицирует признаки предмета, а представляет их диффузно, через взаимоотражения объединяемых им предметов. Только внутри таких объединений и может "ожить" он для современного исследователя. Например, если еще возможно перевести Val-höll как "Палата павших" (по подобию "Палаты общин"), то для таких слов, как val-glaumr (glaumr "ликование"), Val-grind (grind "решетка"), val-stefna (stefna "встреча"), аналогичный перевод — перевод-бессмыслица. Субстантивный эпитет val- имеет более отвлеченное значение, запечатлевая смерть в ее возвышенном, героическом аспекте; val-stefna, val-sinni, val-glaumr, Val-grind, val-tivar — это все вехи на пути героя к палатам Одина, символизирующие превращение земного воина в эйнхерия. Уместно отметить, что древнеанглийский эпитет wæel-, сложившийся на почве другой культуры, значит, скорее, "пагубный, куткий"; так wæel-dēað, wæel-fæhð, wæel-fūr можно перевести условно как "страшная смерть", "смертельная вражда", "губительное пламя". Между тем вещественное значение др. анги. wæel, др. исл. valr ("павшие в битве") идентично.

В этой разреженной и "радужной" (Bifrost) семантической среде, где предметы теряют твердые контуры, оказывается возможным и отождествление этимологически неродственных слов. Примером может служить название Val-höll в "Песне об Атли", где оно относится к земным палатам Гуннара и Атли (строфы 2,14). Это словупотребление вызывает обычно недоумения текстологов, которые видят свою задачу в выборе между толкованием Val-höll как мифологической метафоры и двумя этимологизированными толкованиями (valr "павшие в битве", либо val "вальский, заморский"). Представляется, однако, что все эти значения в действительности с л и т ы в "Песне об Атли", с ее почти навязчивыми сближениями "героического" и "мифологического" миров, темы пира и темы смерти. Можно было бы вспомнить в этой связи и употребление слов hornir "горны" и skjaldmeyar ("дети щита"; обычный кеннинг валькирий) по отношению к гуннским девам; название места казни Гуннара Myrkheimr (ср. Niflheimr — на-

звание преисподней); слово *stagarðr*, всегда переводимое как "змеиный ров", но имеющее точную параллель в древнеанглийском *wyrageard* "ад", и многое другое. Здесь, в этом ряду, нашлось бы место и названию *Val-höll*, в котором пересекаются все ключевые темы этой единственной в своем роде песни. Заметим, кстати, что и *val-baugar* в ее контексте (строфа 27) — это, видимо, не только "вальские кольца", но и "гибельные кольца" клада Нифлунгов.

Скальдический кеннинг семантически поларен рассмотренной модели. Если в последней логическое определение приобретает образность эпитета, то скальдический кеннинг, как первым показал еще Р. Майсснер, возникает в результате разрушения поэтического образа (метафоры), первоначально лежащего в его основе.⁸ Субстантивный эпитет, как уже упоминалось, делает ненужными другие определения; безобразность же скальдического кеннинга позволяет ему соединиться с определениями, противоречащими его внутренней форме, например, *brunju meiðr blaur* "трусливое древо брони", *aufginnr amsr* "бедный куст богатства" и т.п.⁹

Если в субстантивном эпитете оказался возможным с и н — т е з нескольких омонимичных слов, то широкие обличения и взаимозамены слов (хейти) в кеннингах происходят на основе а н а л и т и ч е с к о й процедуры — расчленения исходных значений на элементарные семантические признаки. Технику построения (преобразования, развертывания) скальдического кеннинга сравнивали в литературе с компонентным анализом. В кеннингах меча, например, такие семантически далекие слова, как "рыба" (*fiskr; áll, birtingr, lax* и т.п.), "льдина, осулька" (*íse; svell, jökull*), "пламя" (*elðr; funi, eimr, glöð, brandr*), "прут" (*teinn; storb, laukr*), образующие их основу, обливаются по одному-двум признакам (например, "нечто заостренное" и/или "холодное") и свободно заменяют друг друга. Но кеннинг, конечно, не претендует на "научность" подобного анализа. Одно и то же слово может послужить материалом для разных кеннингов, причем в его значении выделяются совершенно различные и даже взаимоисключающие признаки. Например, слова со значением "льдина" могут употребляться в качестве основы также в кеннингах золота; слова со значением прут — в кеннингах мужа;

слова со значением "рыба" — в кеннингах змей и т.п. Становясь определеннее, те же самые слова относят целое уже не к логическому классу (по условному признаку формального подобия), а к определенной денотативной сфере. Например, "рыба" в кеннингах корабля упоминается не как что-то длинное (или "гибкое", или "холодное"), а как нечто, относящееся к морской сфере. "Валькирия" упоминается в кеннингах женщины как существо женского пола, а в кеннингах оружия — как существо, персонифицирующее битву.

Сведение многопризнакового слова к абстракции наглядно видно на примере "древесных кеннингов" мужчины и женщины типа "дуб кольчуги" или "осина бус", принадлежащих к числу самых распространенных. Напомним, что Снорри объясняет подобные кеннинги ссылкой на омонимии слов мужского рода $geunir_1$ "испытатель" и $geunir_2$ "рябина", а также слов женского рода $velja_1$ "подающая" и $velja_2$ "ива" — остроумный лингвистический ход, мотивирующий превращение слова с конкретным, идентифицирующим значением в *nomina agentis*. Можно видеть здесь еще один пример последовательно синхронического объяснения, которое не мешает Снорри прибегнуть в другом месте (в главе "Видение Гильви") к совершенно иному, генетическому объяснению "древесных кеннингов", т.е. пересказать миф о происхождении мужчины и женщины из деревьев.

Еще более разительным примером формализации идентифицирующего слова в кеннинге являются образования типа *felli-Njörðr* (основа глагола на *-ia-* + имя бога¹⁰), встречающиеся в кеннингах мужчины (ср. *flótta felli-Njörðr, vára reiðitýr*). Эти причудливые гибридные образования сравнивали по значению с причастием I,¹¹ однако больше всего у них точек соприкосновения с *nomina agentis* на *-ja-*, моделью, очень продуктивной в языке скальдов и образующейся от тех же глагольных основ. Такие образования, как *reiðitýr, gæti-Gautr, stákkvi-Móði* и им подобные, представляют собой, в сущности, орнаментализованный вариант девербативов *reiðir, gætir, stákkvir* от *reiða* "тащить, гнать", *gæta* "следить", *stákkva* "гнать", "загонять", в котором мифологическое имя достигает предела своего "развоплощения", превращаясь в эквивалент словообразовательного суффикса.¹²

Почти безграничные возможности формального варьирования скальдических кеннингов достигаются ценой столь же безграничного расширения сферы их референции. Значение аллегорического кеннинга исчерпывается тем, что он относит предмет к общему классу. Особенно выделяются в этом отношении кеннинги мужчины, обладающие вместе с тем и наиболее широкой вариативностью: "...они могут обозначать безразлично и богов, и людей, и королей, и нищих, и героев, и трусов, и язычников, и христианских святых; по своему предметному значению они сплошь и рядом эквивалентны простому личному местоимению "он", "его" или "я", "меня" и т.д. точно так же, как кеннинги женщины".¹³ У скальдического кеннинга, однако, то различие с личным местоимением, что он не получает индивидуальной референции в тексте. Из самой висы часто остается неясным, к кому относится данный кеннинг: к скальду, или адресату висы (например, конунгу), или к какому-либо третьему лицу. Это объясняет, в частности, почему виса в ее последующем существовании привязана к комментирующему тексту саги. Но, сочиняя вису, скальд ориентировался непосредственно на индивидуальную, знакомую его аудитории ситуацию, не оставляющую мест для сомнений в том, "кто есть кто". Эта прямая ориентация на необобщенный, непосредственно узнаваемый факт и создавала потребность в постоянно обновляемой форме, ибо только под воздействием формы факт действительности превращался в факт поэтический. Эпический поэт владел "языком богов", предназначенным для того, чтобы говорить о богах, но скальды перестроили его в универсальный "язык поэзии" (*skaldskara máll*) с безгранично широкой областью предметного приложения.

Скальдический кеннинг служит обозначению однородных предметов; субстантивный эпитет — выделению объектов единичных. Если первый функционально облекается с местоимением, то второй находит себе применение прежде всего в образовании имен собственных. При этом имена, содержащие в своем составе субстантивный эпитет, не только служат индивидуальным обозначением единичных объектов (функция любого имени собственно-го), но и характеризуют эти объекты как единственные в своем роде, т.е. являются "воплощенными именами".¹⁴ По-видимому, такой "воплощенность", неотрывность от своего денотата обла-

дали первоначально те двухчленные германские имена (типа *Sigifridus, Gundaharius, Gaisericus*), первым компонентом которых в типичном случае был именно субстантивный эпитет.¹⁵ Но отживание субстантивного эпитета как элемента языковой архаики, с одной стороны, и "развоплощение" древних "героизирующих" имен — с другой, привели к формализации данной модели, компоненты которой стали с течением времени комбинироваться в значительной степени произвольно.¹⁶ Дальше всего субстантивный эпитет удерживает свою исконную функцию в сфере мифологической номинации, ибо мифологический мир, по определению, — это мир единственных в своем роде объектов и воплощенных, т.е. сращенных с этими объектами, имен.

Правда, сама замкнутость мифологического пространства не может не оставить предел продуктивности данной модели, способствуя вместе с тем консервации омертвевших ставших непонятными элементов (ср., например, имена с первым компонентом *ginn-, fimbul-, iqman-*, значение которых, в лучшем случае, может быть установлено только этимологически). Но пока и поскольку сохраняется сама мифо-поэтическая традиция, процесс мифологической номинации остается, видимо, незавершенным, и, в частности, сохраняет свою продуктивность субстантивный эпитет, служащий инструментом номинации. Показательными в этом отношении могут быть следующие особенности встречающихся в "Эдде" имен с субстантивным эпитетом.

Во-первых, апеллятивное обозначение любого мифологического объекта может быть, в принципе, трансформировано с помощью субстантивного эпитета в его наименование. Самая грань между апеллятивами и собственными именами оказывается подвижной, а показания контекста слишком ненадежными, чтобы заносить одни из сложных слов с эпитетом в словарь, а другие — в список собственных имен, как это принято в издательской практике. Так, в контексте *Valgrind heitir, er stendr velli á* (Gm., 22). — "Вальгринд называется..." *Valgrind* воспринимается как имя собственное. Но нет никакой уверенности, что обозначения *vigband* (Vsp., 34) "узлы, которыми был связан Локи", *galgviðr* (Vsp., 42) "мифологический лес", *sigtoptir* (Vsp., 62) "обиталище асов" не могут быть поняты так же, т.е. что невоз-

можно контексты типа *Vigþond heitir*. Ср. в "Младшей Эдде":
...ok lét gera fjötur þann er Gleipnir heitir. — "... и велел
сделать цулы, что зовутся Глейпнир".

Во-вторых, хотя субстантивные эпитеты коренятся в языковой архаике, вероятно, не исключено и окказиональное употребление некоторых, богатых коннотациями, слов в этой функции. В этой связи представляет интерес следующее широкоизвестное место из "Пророчания вёльвы": *skeggöld, skálmöld | skildir ro klofnir, || vindöld, vargöld, ábr veröld steypiz* (Vsp.45). Кажется несомненным, что первые компоненты сложных слов этого перечня являются не логическими атрибутами, как они всегда интерпретируются ("век мечей", "век секир" и т.д.), а словами с качественным значением — субстантивными эпитетами. Но они не в равной степени укоренены в поэтическом языке (насколько он известен из обеих "Эдд"); элементы поэтического языка в данном случае трудно отграничить от вторичной, речевой метафоризации. Так, первые два эпитета (*skegg-* *skálm-*) находят ближайшую параллель лишь в языке древнеанглийского эпоса; со. *heogowearh* "страшный проклятый враг"; "изверг". Третий имеет некоторую опору в адъективном слове: ср., *vindheimr* — обозначение мира в Vsp., 63; *Vindsvaif* — имя мифологического существа в Vm., 27 и др. Четвертый эпитет *varg-* встречается в обозначении виселицы как *varg-tré* в Nm., 17; ср. др. англ. *watag-tréð* в том же значении.

Антитеза *vargöld - veröld* возвращает поэтическую образность такому слову общего словаря, как *veröld*, одновременно способствуя осмыслению его первого компонента как субстантивного эпитета: "волчий (страшный, налицской) век", "людской век". Независимо от того, были ли эти обозначения созданы поэтом *ad hoc* или существовали как готовые имена, они принадлежат тому же ряду, что и еще одно, не менее известное, но заведомо традиционное обозначение времени перед концом мира — *fiabulvætr* (Vsp., 44).

Можно предполагать, что осмысление подобных множественных названий одного объекта претерпело сдвиг вместе с изменением поэтики. Изнутри мифологических представлений существует, собственно, не столько множественность названий, сколько множест-

венность обличий у мифологического существа или обликов у объекта.¹⁷ Мена имен предполагает на данной стадии перевоплощение их денотатов, синонимия же как возможность нескольких взаимозаменяемых наименований исключена. Но "разрушение мифологического сознания, - как пишут, рассматривая сложную проблему Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, - сопровождается бурно протекающими процессами: переосмыслением мифологических текстов как метафорических и развитием синонимии за счет перифрастических выражений".¹⁸ Перечисления типа *skæddrǫð*, *skáinrǫð*, возможно, первоначально предполагавшие разные объекты, осмысляются как синонимический повтор, а перечни имен, взятых из разных сказаний (например, имена коней: "Ворон и Слейпнир - /славные кони, // Сокол и Тьяльдар/ и Легконогий"), помещаются Снорри на тех же страницах, что и списки скандинавских синонимов - хейты.¹⁹ Последнее может представляться некоей несообразностью современному читателю, но, по существу, это лишь еще один пример переосмысления в скандинавской поэтике традиционного поэтического материала, вполне относительный с тем примером, с которого была начата настоящая статья.

Примечания

¹ О поэтике кеннинга см.: Стеблин-Каменский М.И. Скандинавский кеннинг. - В кн.: Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978, с. 40-64.

² Перевод дается по изданию: Младшая Эdda. Л., 1970. с. 105-106.

³ В приводимых Снорри примерах встречается и обозначение Одина как *Hangagöð* (*H d á Snotta Sturlusonar. Kaupmannahöfn*, 1875, s.78).

⁴ *Lexicon poeticum antiquae linguae septentrionalis* (*Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog*), forfattet af Sveinbjörn Egilsson. 2. udgave ved Finnur Jonsson. København, 1966, s.174, 227.

⁵ Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля: Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии: Канд. дис., Л., 1942. - Ниже цитируется по сокращенной публикации в кн.: Историческая поэтика, с. 2-39.

⁶ Там же, с. 36-37.

⁷ Там же, с. 32.

8 Мейснер R. Die Kenningar der Skalden. Bonn, 1921, S. 247.

9 Стеблин-Каменский М.И. Скальдический кеннинг, с. 51.

10 Эта модель впервые описана Э.Нуреном; Могеел E. Stidier i Fornvæntnordisk diktning, I. Uppsala, 1921, s. 28.

11 См.: Стеблин-Каменский М.И. Поэзия скальдов: Докт. дис. Л., 1947, с. 160.

12 Пределом развития субстантивного эпитета, напротив, стало превращение его в интенсифицирующий префикс; ср. древне-исландское *Þjǫð-á* "большая река" и употребление *Þjǫð* в современном исландском.

13 Стеблин-Каменский М.И. Скальдический кеннинг, с. 52-53.

14 Гагднер A. The theory of proper names. London, 1954.

15 Стеблин-Каменский М.И. Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии, с. 37 сл.

16 Там же, с. 39. - Процесс формализации подробно рассматривается в кн.: Шенгамм G. Namenschatz und Dichtersprache. Göttingen, 1957.

17 Лотман Ю.М., Успенский Е.А. *Миф - имя - культура*. - Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 308. Тарту, 1973.

18 Там же, с. 300.

19 Младшая Эдда, с. 153 сл.

Сокращения

Песни "Старшей Эдды" приводятся по изданию: E d d a. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern/Hrsg. von C. Neckel. Heidelberg, 1927.

Условные обозначения отдельных песен:

Akv. - <i>Atlakviða</i>	"Песнь об Атле"
Hm. - <i>Hambisnáll</i>	"Речи Хамдира"
Gm. - <i>Grimnisnáll</i>	"Речи Гриммира"
Vm. - <i>Vafþrúðnisnáll</i>	"Речи Вафтрудира"
Vsp. - <i>Vǫluspá</i>	"Прорицание вёльвы"

Сynonymien i skaldediktningen och mytologisk namngivning

Artikeln bygger på strukturell och semantisk jämförelse mellan två typer av sammansatta poetismer - skaldiska konningar och modeller med substantivepitet. Författaren bevisar de båda modellernas kontinuitet från epos till skaldisk poesi.

Е. Г. Софийн

СКАЗКА Н.К. РЕРИХА "ГРИМР-ВИКИНГ"
И ЕЕ СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Художник и писатель Н.К. Рерих (1874-1947) открыл русскому зрителю краски и мудрость Индии. Но если бы не годы, проведенные на Востоке и принесшие ему славу "мастера гор", Рерих остался бы в истории искусства певцом Севера. С Севером у него связаны почти все стихи, повесть "Пламя", пьеса "Милосердие", около двухсот картин и этюдов. Более двух лет (декабрь 1916 г. - март 1919 г.) Рерих провел в Финляндии. В Стокгольме (1918), Копенгагене (1919) и Хельсинки (1919) с успехом прошли его персональные выставки.

Рерих воспринимал Север как прошлое мира, и именно к легендарному прошлому Севера обращался он в своих картинах и литературных произведениях.

Увлеченный скандинавской мифологией, Рерих летом 1899 г. прошел по древнему водному торговому пути "из варяг в греки". "Чуждо и страшно было сознавать, - писал он после путешествия, - что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские...".¹ В 1901 г. появилась одна из лучших его картин "Заморские гости". Путешествие оказалось плодотворным и для Рериха-литератора. Он пишет эссе "По пути из варяг в греки" (1900), где вдохновенно отзывается об эпохе викингов, "полной дикого простора и воли",² и сказку "Гримр-викинг" (1899).

С литературным наследием древних скандинавов Рерих, вероятно, был знаком по русским переводам. В конце XIX - начале XX в. на русском языке вышли "Сага об Эйрике Красном", "Сага о Финнбоге", "Сага об Олаве Третьяковсе" и отрывки из некото-

рых других произведений. Не исключено, что Рерих читал немецкий и шведский переводы саг.

В сказке "Гримр-викинг" мы находим из исландского эпоса имена героев (Олав, Гаральд, Хаки) и персонажей (Один, Эйрик Рижий, которого Рерих называет Красным, как писалось в русском переводе С.Н.Сиромятникова 1890 г.), географические названия (Лебединый Мыс, Гула - область, занимавшая в древней Норвегии запад страны). Некоторые географические названия в рериховской сказке вымышлены, но стилизованы и оставлены по образцу названий из саг.

"Сага об Эйрике Красном"	"Гримр-викинг"
Берложная Равнина	Медвежья Долина
Снежная Гора	Полуночная Гора
Лебединый Залив	Тумленный Залив
Рябиновый Мыс	Мыс Камней

Обе части названия Рерихом даны с большой буквы. Имена главных героев сказки Гримр-викинг и Ингерда происходят от исландских Грим и Ингигерд.

Композиционно сказка выдержана в традициях "Саги об Эйрике Красном". И в саге, и в сказке большое значение придается пиру, куда съезжаются друзья героев и где как бы сами собой возникают сложные ситуации, требующие разрешения.

"Сага ..."

"<...>Торьверн справлял осенний пир <...>. Пришел к нему Огм из Очажной Вершины и много других приятелей. <...>Тут-то и принялся Огм сватать Эйнара, говоря, что по многим причинам это было бы делом подходящим. <...> Торьверн отвечает: - Не ожидал я от тебя, что ты скажешь, чтоб я отдал мою дочь за сына раба! И, по-твоему, мои денежные дела колеблются?"³

"Гримр-викинг"

"А к ночи справляет викинг дружеский праздник. <...>Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди. <...>Потом викинг сказал: " - Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга!" Тогда

задвигались вокруг Гримра его гости так, что закрипели столы, все стали наперерыв говорить".⁴

Как и автор саги, Фрих, описывая приход гостей, сообщает прежде всего, из каких мест гости. Подробно характеризуя друзей Гримра-викинга, Фрих стремится придать своей сказке конкретность и правдоподобность.

Композиция рериковской сказки представляет собой как бы фрагмент саги — все действие сказки происходит на пиру. В саге же на пиру начинается развитие одной из сюжетных линий. Пир саги и сказки имеют заданный характер, они необходимы для сообщения важной новости. На первом (осеннем) пиру Торбьерн выслушивает новость гостя о выгодном для дочери Торбьерна браке, на втором (весеннем) Торбьерн сам сообщает гостям новость о намерении поехать в Гренландию. В рериковской сказке новость, которую сообщает Гримр-викинг, — это итог его душевных переживаний, Гримр говорит своим, казалось бы, лучшим друзьям, что у него никогда "не было друзей в отчуждении".⁵

Как в саге, так и в сказке концовки пира аналогичны: участники пира удивлены, потрясены словами хозяев.

"Сага ..." (Осенний пир)

"Дочь моя больше не поедет с тобой, если тебе кажется, что она достойна такого ничтожного жениха!"⁶

"Сага ..." (Весенний пир)

"Гостям это намерение (поехать в Гренландию. — Е.С.) показалось большой новостью. Торбьерн с давних пор был уже любим друзьями, и им казалось, что он сказал это только в шутку и что он не оставит своего места".⁷

"Гримр-викинг"

"Все наши слова викинга Гримра (об отсутствии друзей. — Е.С.) странными, и многие ему не поверили".⁸

Принято считать, что перипетический диалог, симпозиум, как литературный жанр сложился в античной литературе. Появившись еще в гомеровском эпосе, симпозиум обрел окончательные черты

под пером Платона. В основе композиции классического античного симпозиа — изображение философского спора. Античный симпозиальный полифоничен. А его содержание, "вся эта сократо-платоновская трансцендентальная диалектика и мифология", представлено, по выражению А.Ф. Лосева, "в форме чрезвычайно глубокой и острой общественной иронии".⁹ Ирония заключена в самой структуре античного пирушественного диалога. Без иронии, без сочетания серьезного и смешного классический симпозиал невозможен, "серьезность темы сочетается с шутливостью ее обработки".¹⁰

В древнескандинавской литературе существовала своя традиция симпозиа. Исландские саги описывают пиры как обязательный ритуал общественной жизни, "На пир конунг узнавал все местные новости, принимал решения, отдавал приказания".¹¹ Древнескандинавский пирушественный диалог — это не философский спор и не шутливая игра с важными темами. Содержание древнескандинавского симпозиа составляет сообщение новостей и серьезное обсуждение военных, хозяйственных, брачных дел.

На рериховскую сказку античный симпозиал оказал второстепенное влияние. "Тримр-визинг" связан с традицией древнескандинавского пирушественного диалога. В основе композиции пира в "Саге об Эйрике Красном" и в рериховской сказке лежит описание прихода гостей, сообщение неприятной новости, показ недоумения, разочарования гостей. На пирах "Саги ..." и сказки слышен монолог хозяина, которому гости если и пытаются возразить, то тщетно. Ироническими эти пиры также назвать нельзя.

Стиль и композиция рериховской сказки приближают ее к саге, но проблема одиночества, индивидуализма, поставленная Рерихом, на наш взгляд, не характерна для древней литературы. Индивидуалистическое начало было свойственно русским символистам, эстетику которых воспринял молодой Рерих. На материале средневековых коточников он пытается разрешить собственное сомнение: есть ли у человека друзья, когда он счастлив?

Друзья выручали Тримра-визинга в трудную минуту, но в счастье оставляли одного. "Когда несчастье бывает, — говорит главный герой, — я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только

вниз <...>. В счастье нет друга, иначе он не будет человеком"¹².

Герой Рериха — свободный, сильный, гордый человек, он наделен самыми доблестными чертами: "... был лучшим вождем. <...> сходит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры"¹³. Такими героями в рериховском восприятии были персонажи скандинавских саг, русских былин, карело-финской эпической поэзии. Гримр напоминает эпического богатыря, но в то же время Рерих наделяет своего героя таким качеством, которое несвойственно богатырям эпической поэзии. Гримр одинок, пусть не по своей вине. Когда викинг спас на охоте короля и все его за это благодарили, "не было приятно на сердце у друзей", когда он женился на лучшей невесте, "слова друзей шли не от сердца"¹⁴.

Скандинавский эпос отвечал рериховскому интересу к народной культуре, его поиску идеала героической личности. Черты индивидуализма главного героя и стремление преодолеть индивидуализм, психологические переживания Гримра-викинга связывает рериховскую сказку с русской символистской литературой рубежа XIX—XX вв.

Примечания

¹ Рерих Н.К. По пути из Варяг в Греки. — Собр. соч., кн. I. М., 1914, с. 57.

² Там же, с. 42.

³ Сага об Эйрике Красном /Пер. С.Н.Сыромятникова. СПб., 1890, с. 38.

⁴ Рерих Н.К. Гримр-викинг. — Собр. соч., кн. I, с. 277.

⁵ Там же, с. 279.

⁶ Сага об Эйрике Красном, с. 38.

⁷ Там же, с. 39.

⁸ Рерих Н.К. Гримр-викинг, с. 280.

⁹ Лосев А.Ф. "Пир". — В кн.: Платон. Соч. в 3-х т., т. 2, М., 1970, с. 512.

¹⁰ Кислова М.М. Типы "смешного" в "Пире" Платона. — В кн.: Вопросы классической филологии, вып. 5. М., 1973, с. 158; Рабинович Е.Г. "Пир" Платона и "Пир во

время чумы" Пушкина. — В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 457-470.

11 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 207.

12 Рерих Н.К. Гримр-викинг, с. 280.

13 Там же, с. 276.

14 Там же, с. 279.

J.G. Soini

Roerichs saga "Grimr-viking" och dess
skandinaviska källor

En rysk konstnär och författare N.K.Roerich (1874-1947) framträdde som sagoberättare 1899 med sin saga "Grimr-viking". Han lånar både hjälternas och geografiska namn från den isländska epiken. I sin komposition följer sagan samma traditioner som "Eiriks saga rauða". Egentligen är Roerichs saga en fragment av den isländska sagan. Hela sagans handling sker på kalaset. I den isländska sagan börjar bara en av temans sin utveckling på kalaset. Genom den skandinaviska epiken är "Grimr-viking" förbinden med traditionen av medeltidens simposia. Problemet som författaren framlägger är inte karakteristiskt för den forntida litteraturen. På basis av medeltida källor försöker Roerich ta beslut på sina egna frågor.

Н. Н. Толстая

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПОЭЗИИ ТОМАСА ТРАНСТРЁМЕРА

Современная шведская поэзия — явление неоднородное, ей свойственны многие разнохарактерные течения. Даже в творчестве одного и того же поэта встречаются приемы и стихотворные формы, которые существенно отличаются друг от друга. Можно, однако, говорить о тенденции, общей для новейшей шведской поэзии: это модернизм. Шведский исследователь Ингемар Альгунд устанавливает следующие критерии лирики модернизма: свободная стихотворная форма, компрессия, свободные ассоциации образного языка. Современны поэты отказались от таких поэтических приемов и форм, накопленных традиционной шведской поэзией, как классические размеры, строфика, рифма.

Материалом нашего исследования послужила поэзия Томаса Транстрёмера, общепризнанного в Швеции мастера поэтического

языка. Его итоговый сборник издан в серии "Шведская лирика" издательства Боньер, что является неофициальной канонизацией поэтического имени. Первый сборник стихотворений Транстрёмера вышел в 1954 г., затем было издано еще семь книг, последняя из которых появилась в 1978 г. Общий объем написанного невелик (всего издано около 2000 стихотворных строк). Транстрёмер прошел характерный путь развития современного шведского поэта-модерниста.

Говоря о поэтической форме Транстрёмера, надо отметить, что в первом сборнике поэта, "17 стихотворений", мы находим стихотворения, содержащие традиционную строфику. В последующих сборниках все чаще встречаются стихотворения, не разделенные на строфы, стихотворения-монологи. Метрическая организация этих стихов трудноуловима и не поддается арифметическому вычислению, как классический размер. Здесь уместно говорить не о размере, а о ритме.

Язык Транстрёмера образен и метафоричен. Поэт исходит из конкретной бытовой ситуации, поездки, наблюдения над природой и открывает в обыденном неожиданное.

Стремясь передать раскованность мысли и чувства, непосредственность эмоций, Транстрёмер подчас отказывается от принятых грамматических норм. Специфическая черта его поэзии — концентрированность материала, особый способ выражения мысли, часто недосказанной и допускающей широкие возможности ассоциативного развития в восприятии читателя. Мы находим в его стихах серию мимолетных впечатлений, каждое из которых может помещаться в отдельном предложении.

В данной работе рассматриваются лишь некоторые синтаксические приемы, наиболее характерные для поэзии Транстрёмера.

I. Синтаксические способы компрессии

а) Односоставные и неполные предложения:

(1) En barnetensdager över byn (33).² — "Янтарный свет над деревней".

(2) En alltid ljus förväning
när ön räcker ut en hand
och drar mig upp ur sorgsenhet (57)

"Всегда светлое удивление,
когда остров протягивает руку
и вытягивает меня из грусти".

- (3) Dörr nummer tre. Ett trångt hotellrum.
Utsikt mot en bakgata.
En lykta som gnistrar på asfalten.
Erfarenheternas vackra slagg (115).

"Дверь номер три. Тесная гостиничная комната.
Вид на задворки.
Фонарь, отражающийся на асфальте.
Прекрасный шлак опыта".

Все три примера – односоставные предложения. В примере (3) из односоставных предложений состоит вся строфа.

- (4) Var människa en halvöppen dörr
som leder till ett rum för alla (64).

"Каждый человек – полуоткрытая дверь,
которая ведет к общей комнате".

- (5) Bilplåstverkstäder inrymda i före detta lagårdar (96)
"Авторемонтные мастерские – в бывших скотных дворах".

Определения понятия эллиптичности, приводимые в соответствующих словарях, сводятся к констатации словесного пропуска, легко восстанавливаемого из ближайшего контекста. В примере (4) можно говорить о пропуске глагола-связки, который в данном контексте легко восстанавливается, а в примере (5) трудно судить о том, неполное или односоставное предложение перед нами.

В поэтических текстах, видимо, существует и такая эллиптичность, которую нельзя устранить, однозначно восстановив опущенное звено:

- (6) På natten klockan två: månken (38). – "Ночь в два часа: лунный свет".

- (7) Under almarna på kyrkogården:
en tom grävmaskin (98).

"Под вязами кладбища –
пустой экскаватор".

Во всех восьми сборниках Транстрёмера нам встретилось 60 односоставных и неполных предложений.

- б) Обособленное определение:

- (8) ... Vaken i mörkret hör man
stjärnbilderna stampa i sina epiltor
högt över trädet (8).

"... Проснувшись в темноте,
слышишь, как созвездия топчутся в своих стойлах
высоко над деревьями".

- (9) Stelrätt och hjälplös förstod han: det är
det instrument som driver örlogsskeppen (43).

"Застывший от испуга и беспомощный, он понял: вот то,
что движет военные корабли".

Эмоциональность и экспрессивность достигаются у Транстрёма также и инверсией. Закономерность расположения слов в стихотворной речи не раз привлекала внимание исследователей. Т.И.Сильман, рассматривая порядок слов в разных типах стихотворной речи в свете актуального членения предложения, пришла к следующему выводу: "Актуальное членение в том системном виде, в каком мы его знаем по прозаическим текстам, в лирическом стихотворении... обнаружить не удалось".³ И.И.Ковтунова считает, что в стихотворной речи "нормальные и инверсивные варианты порядка слов по сравнению с прозаической речью стилистически равноценны и для стихотворной речи нейтральны".⁴ И.В.Арнольд, имея в виду английский язык, пишет: "Экспрессивная и функционально-стилистическая окраска инверсии характерна преимущественно для прозы, поскольку в стихах порядок слов подчиняется ритмико-интонационной структуре стиха, а расположение компонентов синтаксических конструкций относительно свободно".⁵ Вышеприведенные точки зрения относятся к ритмической и метрической организованной русской и английской поэзии. В новейшей же шведской поэзии, в частности в рассматриваемом нами стихотворном материале, инверсия, безусловно, используется для создания эмоционально-экспрессивного настроения. Это сопровождается отказом от традиционных типов ритмической связи, от рифм. На первый план выдвигается задача передавать сложные душевные движения, возбуждать у читателя разноплановые ассоциации.

Транстрёмер использует некоторые способы инверсии.

II. Способы инверсии

а) Именная часть сказуемого стоит на первом месте в предложении:

(10) Grön av alger är din krycka (13). — "Зелен от водорослей твой костыль".

(11) ... Kristallklart salt är
vattnet som alår samman kring alla sanna
flyktingars huvud (10).

"... Кристально чистая соль — это
та вода, которая смыкается над головой
всех истинных беглецов".

б) Сказуемое стоит на третьем месте в предложении:

(12) ... Likt kopparlurar
trädens krökta rötter ger ton och löven
skingras förskrämda (10)

"... Как медные трубы,
звучат согнутые корни деревьев, и листья
разлетаются в испуге".

(13) Från överallt och ingenstans det spelar
som svargar i augustimörkret (22).

"Отовсюду и ниоткуда словно поют
сверчки в августовской темноте".

III. Конструкция с родительным падежом, оба члена которой имеют при себе адъективное определение

(14) ... de mäktiga trädrotsystemens
underjordiskt svängande lampor (7).

"... качающиеся под землей лампы
мощной системы древесных корней".

(15) Avlägsna solars fyllda vita regel... (20). — "Наполненные белые паруса далеких солнц".

Использование в примерах (14) и (15) усложненной конструкции связано с поиском новых изобразительных средств.

Итак, мы рассмотрели лишь некоторые синтаксические приемы, которыми пользуется Транстрёмер для достижения наибольшей выразительности. Обилие односоставных и неполных предложений помогает поэту передать фрагментарность изображаемого. Такая синтаксическая сжатость переплетается с требованиями ассоциативности.

Интересно отметить, что поэтическая техника Транстрёмера вызвала новое поэтическое движение, сторонники которого про-

возгласили "новую простоту" (nyenkelhet), предполагающую отказ от излишне усложненного языка поэзии.

Примечания

¹ A l i g u l i n I. Tradition och modernism. Stockholm, 1969, s.16.

² Здесь и далее в скобках указаны страницы сборника: T r a n s t r ö m e r T. Dikter 1954-1978. Stockholm, 1979.

³ С и л ь м а н Т.И. Лирический текст и вопросы актуального членения. - ВЯ, 1976, № 6, с. 94.

⁴ К о в т у н о в а И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, с. 229.

⁵ А р н о л ь д И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981, с. 164.

M.H. Tolstaja

Om några syntaktiska drag i Tomas Tranströmers poesi

Modernistisk lyrik kännetecknas av fri versform, kompression och bildspråkets fria associativitet. Tranströmers poesi är markant på grund av syntaktisk kompression, speciella inversionstyper och genitivkonstruktioner vilkas bägge delar är belastade med adjektivbestämningar.

С.Г.Халипов

ОСОБЕННОСТИ ШВЕДСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

В разных языках потребность в обозначении новых понятий удовлетворяется различными способами. Так, в славянских языках новые слова, как правило, образуются за счет новых адъективных словосочетаний. Примерами могут служить: русск. железная дорога, древесный спирт, польск. żużłowy pojazd "служебный автомобиль" и т.д.

В германских языках новые условия жизни вызывают необходимость появления новых слов, образование которых идет по пути словосложения, например, шв. atomenergi, нем. Atomenergie и т.д.¹ Причиной продуктивности словосложения в германских языках принято считать закрепление определенного порядка слов, при котором возникают сочетания с родительным

определяющим, близкие к сложным словам.² "Переход от синтаксического словосочетания к сложному слову, — пишет Пауль, — является столь постепенным, что между ними нельзя провести четкой грани".³

Наиболее распространенным среди других словообразовательных типов словосложения, таких, как "существительное — прилагательное", "прилагательное — существительное" и, наконец, "существительное — глагол", является "существительное — существительное". Цель данной статьи — классифицировать основные случаи словообразования "существительное — существительное" в шведском языке. Наблюдаются два основных способа соединения первого компонента со вторым:

I. С нулевой соединительной морфемой:

- 1) без изменения первого компонента;
- 2) с изменением первого компонента; когда происходят:
а) усеменение окончания; б) замена окончания.

II. С соединительными морфемами.

I. С нулевой соединительной морфемой:

- 1) без изменения первого компонента. Первый компонент не изменяется, если он оканчивается на:
 - а) гласные e, i, o, u, ä, ö: *bovete, energilag, vykort, trähus höfeber* и т.д.;
 - б) -a, -[f]; -a + согласный: *krisekonomi, duschrum, vin-
stintresse* и т.д.;
 - в) суффиксы -ande, -ende, -else: *svarandesida, beteende-
mönster, fängelsebyggnad*;
 - г) безударные суффиксы -el, -en, -er, -on: *dratselkammare,
vattendrag, läderhandske, helgonbild*;
 - д) ударные суффиксы -eri, -i, -ist, -ad, -man, -an, -at,
-em, -ett, -it, -ik, -in, -on, -ur, -yr: *tryckerilokal, energila-
g, grossistfirma, promenadväg, narkomanvård, uranatom, sul-
fatfabrik, systembolag, cigarrettetui, sulfitecellulosa, mate-
matikbegävnig, bensinskatt, schablonföreställning, korrektur-
läsning, tortyrkammare*.⁴
 - е) любой звук в новейших заимствованиях: *drogkultur, gang-
sterchef, dollarkurs, valutakurs, balalajkaspel, anacondastjärt*.

Соединительная морфема отсутствует, если первым компонентом являются:

а) имя собственное или топоним: Dostojevskijberättelse, Marshallplanen, Kinsegarport, Beirutradion;

б) аббревиатура: PLO-medlem, SAS-flygplan;

в) два слова или более, к которым второй компонент относится в одинаковой мере: Kurka-statberedning, regeringenfacketkompromiss, tall-granhybrid, tenn-koppar-zinklegering;

Существительные на -are, будучи первым компонентом, утрачивают конечный -e, если второй компонент - однокорневой (arbetarklass, invandrarverket), но сохраняют -e, если второй компонент состоит из двух или более корней: arbetare-och tjänstemannadelegation, läraredagbok⁵ и т.д.

В очень многих случаях однокорневой первый компонент, оканчивающийся на любой согласный, кроме -e и -[j], постоянно соединяется со вторым компонентом посредством нулевой морфемы, например: väggtidning, targas, trädgård. При этом некоторые однокорневые первые компоненты соединяются с различными вторыми компонентами то с помощью нулевой морфемы, то соединительных морфем: bergbana-bergsbo-bergatroll; ortslamn-ortsbo; tidpunkt-tideräkning-tidsfrist;

2) с изменением первого компонента, когда происходит:

а) усечение окончания. Первый компонент утрачивает окончания -e и -a, если он однокорневой. Ср.: gosse - gosskör, flicka - flickskola.

б) замена окончания. Первый компонент меняет окончание -a на -e: во-первых, после суффиксов -in-, -ersk-: lärarinna - lärarinne-lön, sösserska - sössersketips; во вторых, после j: gyttnja - gyttnjeröl; olja - oljefärg; vilga - vilgekraft; в-третьих, при двухкорневом компоненте: folkskolestadga, spränkivefabrik и т.д., однако в отдельных случаях -a меняется на -s: skolflickstyp, vindruvsklass и др.; в-четвертых, в некоторых словах из орфоэпических соображений: flickerban, frågestund, strömband и др.

II. С соединительными морфемами

Из соединительных морфем -s, -e, -er первая наиболее употребительна. Она используется после суффиксов -ing, -ning,

-het, -dom, -lek, -tet (medlingskommision, inledningstal, frihetakamp; barnomsorinne, kärlekbrev, identitetskort), а также, если первый компонент сам представляет собой сложное слово, кроме оканчивающегося на -s, - [ʃ], гласные звуки, а также на суффиксом -ande, -ende, -el, -er, -en, -else (ср.: lastbilaförare - bilförare, motorbåtsfärd - båtsfärd, rödvinsflaska - vinflaska; однако skolradioprogram, simfågelart и т.д.). Исключением из этого правила являются сложные слова типа tryckluftslamp и datamaskinprogram, отсутствие соединительной морфемы у которых Сöderберг объясняет калькированием соответствующих английских слов.⁶

Многие двухсловные существительные среднего рода могут присоединяться ко второму компоненту с помощью -s: mötesplats, ämnesval, yrkesval, nöjesliv; но väteomb, vetebulle, modetidning, nyrebrist и др. Вторая по употребительности соединительная морфема -e используется для присоединения отдельных однословных первых компонентов на -n и -d: lönehöjning, länsansökan, nådetid, tideräkning и др. Соединительная морфема -er употребляется в сложных словах с калькированным первым компонентом типа bilderbok, franciskaner munk, pariserliv;

В древнешведском языке помимо -s были и другие генитивные флексии, сохранившиеся рудиментарно в немногих сложных словах, относящихся к канцелярскому стилю. Окончания ед.ч. род.пад. -o, -u встречаются в hälsövarð, vilostund, satubild, varubrist и др. Окончание мн.ч.род.пад. -a сохранилось в сложных словах gästabud, ledamot, mannaminne и т.д. Эта модель непродуктивна. Однако модель с суффиксом -manna остается продуктивной: jagtvägsmannadelegation, riksdagsmannagrupp и т.д. Продуктивна также модель с первым компонентом wödr- и barna-: wödragem, barnavård.

Итак, при установлении закономерностей соединения компонентов тип соединения зависит главным образом от того, 1) на какой звук оканчивается первый компонент и 2) каким первым компонент является по своей структуре: однокорневым или двухкорневым.

СОДЕРЖАНИЕ

50 лет ленинградской скандинавистики	3
Библиография работ советских авторов по скандинавскому языковедению 1977-1982. Составил Б.С.Яров (Ленинградский университет)	5
Берков В.П. (Ленинградский университет). Новый этап в норвежском языковом движении	22
Воронкова Г.В. (Ленинградский университет). О факультативном варьировании в фонологической системе норвежского языка	32
Гвоздецкая Н.Д. (Ивановский университет). Обозначения "радости" в "Старшей Эдде"	40
Иванецкий В.В. (Кемеровский университет). Лексико-конструктивные средства выражения актуальности в современном шведском языке	52
Комарова О.А. (Ленинградский университет). Норвежские инфемизмы в социолингвистическом плане	61
Краснова Е.В. (Ленинградский университет). Датские гласные с "толчком" (экспериментально-фонетическое исследование)	70
Круглова Н.С. (Институт культуры им. Н.К.Крупской). Двойное употребление артикля в именных группах с суперлативом	78
Кузнецов С.Н. (ИЯ АН СССР). Эмотивная характеристика высказываний в датском языке	85
Кузьменко Б.К. (ЛО ИЯ АН СССР). Датские дифтонги	97
Кузьмин К.С. (Бюро художественно-промышленное училище им. В.И.Мухомовой). Символика круга в романе Сигурда Хуля "Заколдованный круг"	103
Куприянова И.П. (Ленинградский университет). "Скорбные воспоминания" Леоноры Кристины Ульфальдт - примечательное явление датской литературы XVII века	109
Маслова-Ленинская С.С. (Ленинградский университет). Методы семантического анализа предлогов	119
Савицкая А.В. (Ленинградский университет). Проблемы семантического анализа родительного падежа в современном шведском языке	128

Севандер С.М. (Петрозаводский университет). А.Стриндберг "Рассказы о браке"	136
Смирницкая О.А. (Московский университет). Скальдиче- ская синонимика и мифологическая номинация (о двух моделях сложных поэтизмов в древнескандинавском)	145
Софьи Е.Г. Карельский филиал АН СССР. Сказка Н.К.Ре- риха "Гримп-викинг" и ее скандинавские источники..	156
Толстая Н.Н. (Ленинградский университет). О некото- рых синтаксических особенностях поэзии Томаса Транстрёмера	161
Халипов С.Г. (Ленинградский университет). Особенности шведского словосложения	166